

3(4), 2017

РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

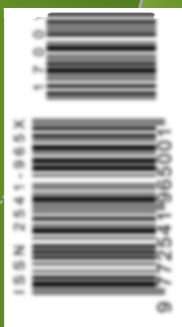
тема номера:

«ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ:
НАУКА, БИЗНЕС, ОБЩЕСТВО»

2017 - ГОД ЭКОЛОГИИ
В РОССИИ

ISSN 2541-965X

Содержание

Предварительные итоги Года экологии в России (от редакции)		3
Раздел I. Экологическая политика в России		6
Семилетова Е. В.	Экологическая политика России: новый этап	6
Никоноров С. М.	К «зеленой» экономике через «зеленые» финансы, биоэкономику и устойчивое развитие	12
Рудницкая А. П.	Экология в массовом сознании и самоорганизация человека в глобализирующемся мире	16
Ляховенко О. И., Чулков Д. И.	Основные экологические проблемы российских городов и стратегия их разрешения	21
Глушенкова Е. И.	Политическая активность экологических неправительственных организаций (экоНПО) в экологической политике России	27
Раздел II. Международные аспекты экологической политики		32
Зорин В. Ю., Кравцев Е. В.	Механизмы регулирования мировой ресурсной политики	32
Полулях Д. С.	Дискурсивная борьба в международной экологической политике	36
Посталовская О. А.	Политико-правовой механизм международной экологической интеграции	43
Раздел III. Экологическая политика в зарубежных странах		52
Белозёров В. К., Кирилина Е. Ю.	Приоритеты экологической политики Федеративной Республики Германия в современных условиях	52
Кирсанова Е. Г., Бондарева А. Г.	Использование экологических инноваций как фактор решения экологических проблем: отечественный и зарубежный опыт	57
Хулиета Рей	Спор о целлюлозном заводе в Республике Уругвай. Особенности конфликта	65
Элизабет Мёле	Особенности развития горнодобывающей промышленности в Аргентине: защита окружающей среды и интересы международных корпораций	72
Исследовательский проект молодых ученых		78
Богданова Е. М., Есиев Э. Т., Кравцев Е. В.	Экологические конфликты России в 2017 году: анализ, решение и предупреждение	78
Summary		87
Информация для авторов. Оформление статей		92
Редакционный совет		94
Редакционная коллегия		96
Редакция		98

Предварительные итоги Года экологии в России

2017 ГОД ЭКОЛОГИИ В РОССИИ

В декабре 2017 г. многие государственные учреждения и общественные организации подводят предварительные итоги Года экологии в России. Действительно, уже сейчас можно отметить некоторые результаты:

- утверждена Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.;
- крупные промышленные предприятия запустили долгосрочные инвестиционные проекты, направленные на модернизацию производства с целью сохранения окружающей среды. Например, компания «Норильский никель» намерена инвестировать 150 млрд рублей на реализацию комплексной экологической программы, включающей в себя «Серный проект» по улавливанию и утилизации диоксида серы. Группа «Базовый элемент», в которую входит компания «Еп+», намерена направить 101,6 млрд рублей инвестиций до 2020 г. В частности, будут реализованы проекты экологической модернизации Красноярского алюминиевого завода, природоохранные мероприятия Ачинского глиноземного комбината;
- проведена работа по усовершенствованию нормативно-правовой базы по защите окружающей среды. Например, приняты поправки в Уголовный кодекс РФ, согласно которым усилено наказание за жестокое обращение с животными, подготовлен проект поправок в федеральный закон «Об отходах производства и потребления», которые разделяют понятия сбора и накопления отходов, разрабатывается порядок рекультивации и консервации земель и т. д.;
- утвержден перечень отходов, захоронение которых запрещается. С 2018 г. запрет будет распространен на лом и отходы металлов, термометры, ртутные лампы, лом алюминиевых банок, фольгу алюминиевую. С 2019 запрещается захоронение отходов картона и бумажной упаковки, шин и покрышек, полиэтилена и полиэтиленовой упаковки, стекла и стеклянной тары; с 2021 г. — компьютерной и оргтехники, аккумуляторов, бытовых приборов и электроинструментов. Данная мера будет стимулировать создание и развитие отдельного сбора и вторичной переработки отходов;
- ликвидировано 5 тысяч незаконных свалок (по данным проекта ОНФ «Генеральная уборка»);

10 ноября 2017 г. в Ситуационном центре правовых инициатив
 юридического факультета Московского государственного университета
 имени М. В. Ломоносова

- дан старт масштабным природоохранным проектам, среди которых:
 - «Чистая страна» — проект направлен на ликвидацию старых полигонов, старых производственных мощностей, т. е. на ликвидацию прошлого экологического ущерба;
 - «Дикая природа России» — основное направление, в рамках проекта — развитие экологического туризма;
 - «Чистая Волга» — в рамках проекта предполагается строительство очистных сооружений и ликвидация экологического ущерба по берегам реки. Проект рассчитан до 2025 г., основная цель — предоставить 60 млн граждан России чистую воду в реке Волге;
- около 20 млн граждан участвовали в различных мероприятиях Года экологии в России.

Безусловно, это не все итоги Года экологии, но они стимулируют дальнейшую работу по сохранению природы.

Сохранение природы невозможно без открытого диалога между государством,

представителями бизнеса, науки и гражданского общества.

В Год экологии прошли различные мероприятия, которые стимулируют такой диалог. Отметим междисциплинарный круглый стол «Экологическая политика: новые подходы и технологии решения экологических проблем», который уже четвертый год подряд традиционно проходит в стенах Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Усилиями трех факультетов: юридического, химического и факультета политологии — эксперты из России и зарубежных стран рассматривают различные аспекты экологической политики.

В 2017 г. в работе круглого стола приняли участие эксперты, представляющие различные научные направления сферы исследований экологической политики и предлагающие свои уникальные подходы и технологии для решения экологических проблем. Помимо представителей МГУ имени М. В. Ломоносова экспертами круглого стола выступили представители бизнеса, общественных, научных, учебных и иных организаций: Института законода-

тельства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Института химии и проблем устойчивого развития РХТУ имени Д. И. Менделеева, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Российского государственного университета правосудия, НП «Российский национальный комитет содействия программе ООН по окружающей среде» «ЮНЕПКОМ», Московского центра Русского географического общества, Российского союза химиков, Всероссийской политической партии «Единая

Россия», Covestro LLC, журнала «Русская политология — Russian political science». К круглому столу в режиме онлайн-конференции подключались представители Саратовской государственной юридической академии, Казанского (Приволжского) федерального университета, Оксфордского университета, Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. Именно такие открытые обсуждения создают предпосылки для совершенствования экологической политики с целью сохранения многообразия природы России.

**Редакция журнала
«Русская политология — Russian political science»**

Экологическая политика России: новый этап

Аннотация

Текущий этап государственной экологической политики России характеризуется сменой концептуальных основ государственного управления охраной окружающей среды, переходом на принципиально новую «платформу» государственного регулирования. Ключевые новации базируются на мировом опыте и лучших практиках природоохранного регулирования. В статье обосновывается переход к новому «промышленно-экологическому» этапу государственной экологической политики России, который предусматривает объединение задач промышленного и экологического развития страны.

Ключевые слова: экологическая политика, экологизация промышленности, 219-ФЗ, концепция «наилучших доступных технологий» (НДТ), технологическое нормирование, промышленно-экологический этап.

Автор

Семилетова Елена Викторовна

Кандидат экономических наук,
заместитель руководителя аппарата
Комитета Государственной Думы
Федерального Собрания России
по экологии и охране окружающей среды
(Москва, Россия)

Экологическая политика является частью государственной политики любой страны. Вопросы взаимоотношения человека и природы в процессе производства общественных благ требуют соответствующего регулирования со стороны государства. Государственная экологическая политика формируется в конкретных экономических условиях, зависит от выбранной модели хозяйственного использования природных ресурсов и направлена на корректировку деятельности хозяйствующих субъектов, от которой зависит степень негативного воздействия (давления) на окружающую среду.

Учитывая преобладание в российской экономике природоэксплуатирующих отраслей, усилия государства необходимо направлять на их «экологизацию». Это направление государственной политики

нашло отражение в основных стратегических документах нашей страны. В первую очередь, необходимо отметить Указ Президента России от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики», основные положения которого направлены на повышение энергетической и экологической эффективности в области энергетики, строительства, жилищно-коммунального хозяйства, транспорта; на выработку нормативов допустимого воздействия на окружающую среду и усиление ответственности хозяйствующих субъектов за несоблюдение этих норм; на стимулирование применения энергосберегающих и экологически чистых технологий.

В целях реализации Указа Президента России принят Федеральный закон от

23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и повышении энергоэффективности». В настоящее время снижение энергоемкости российской экономики и повышение ее энергоэффективности являются государственным приоритетом.

Обеспечение повышения экологической эффективности российской экономики оказалось более сложной задачей. Можно сказать, что для ее выполнения потребовалось уточнять само содержание экологической политики. В дополнение к Экологической доктрине (2002) Президентом Российской Федерации утверждены «Основы государственной политики в области экологического развития» (2012), в которых закреплена цель по формированию «сбалансированной экологически ориентированной модели развития экономики и экологически конкурентоспособных производств». «Экологизация производства» в качестве ключевого направления по обеспечению экологической безопасности экономического развития и улучшения экологической среды жизни человека также закреплена в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.».

Экологизация хозяйственной деятельности предъявляет требования к «перестройке» технологической основы деятельности. По данным Минпромторга

России, удельный показатель выбросов углекислого газа в России составляет 12,2 т/чел./год против 7,4 в Европейском Союзе, а загрязнение воды органическими веществами — 0,17 кг/день/работник против 0,14 [1]. Морально устаревшая технологическая база обуславливает низкую конкурентоспособность российской экономики по уровню затрат энергоресурсов и экологического воздействия относительно мировых лидеров.

В марте 2014 г. распоряжением Правительства России от 19 марта 2014 г. № 398-р утвержден «Комплекс мер, направленных на отказ от использования устаревших и неэффективных технологий, переход на принцип наилучших доступных технологий (НДТ) и внедрение современных технологий». Необходимым условием реализации поставленных в Комплексе мер задач являлось принятие соответствующих изменений в федеральное законодательство.

Так, 21 июля 2014 г. принят Федеральный закон № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об охране окружающей среды“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на комплексное реформирование системы управления охраной окружающей среды (Табл. 1).

Таблица 1. Инструменты экологической политики до и после принятия Федерального закона № 219-ФЗ

Инструменты	До принятия 219-ФЗ	После принятия 219-ФЗ
<i>Административные</i>		
Учет объектов негативного воздействия на окружающую среду (ОНВ)	<p>Ведение реестра предусмотрено статьей Федерального закона «Об охране окружающей среды», однако порядок его формирования и ведения не определен.</p> <p>Результат: реестр объектов негативного воздействия (ОНВ) отсутствует</p>	<p>Постановка всех объектов на государственный учет с присвоением индивидуального кода и категории (1, 2, 3 или 4).</p> <p>Результат: создание Реестра ОНВ, открытый доступ к нему</p>

Инструменты	До принятия 219-ФЗ	После принятия 219-ФЗ
Регулируемые вещества	<p>Все вещества, для которых установлены нормативы предельно допустимых концентраций (ПДК) или ориентировочные безопасные уровни воздействия (ОБУВ). Для воздуха: 611 ПДК и 1519 ОБУВ, для воды: 1356 ПДК хоз. питьевого и культурно-бытового значения и 1017 ПДК рыбохозяйственного значения.</p> <p>Нормативы платы за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС) установлены только для 225 веществ по воздуху и 143 веществ по воде.</p> <p>Результат: избыточный перечень регулируемых веществ</p>	<p>Вещества: 1) подпадающие под международные договора; 2) отнесенные к категории опасные; 3) по которым наиболее часто превышение ПДК. Обязательное условие — наличие методов инструментального измерения.</p> <p>254 — для воздуха, 249 — для воды, 63 — для почв (включая радиоизотопы).</p> <p>Результат: сокращение количества регулируемых веществ в 2–4 раза, сокращение избыточных требований для хозяйствующих субъектов</p>
Нормирование воздействия на окружающую среду	<p>Отсутствие нормативов качества окружающей среды; норматив воздействия на ОС определяется на основе рыбохозяйственных и санитарно-гигиенических ПДК; нормирование всех природопользователей независимо от степени воздействия на ОС.</p> <p>Результат: избыточное административное регулирование</p>	<p>Нормирование по категориям: 1 (крупные загрязнители) — на основе технологических показателей; 2 — только регулируемые вещества, 3 — только радиоактивные вещества, 4 — не нормируется. Утверждение нормативов качества.</p> <p>Результат: дифференцированный подход к нормированию, исключение избыточных требований</p>
Экологические разрешения	<p>Три разрешения: на выброс, на сброс и на размещение отходов; практика выдачи временных разрешений; необходимость получения разрешений независимо от экологической опасности объекта. В разрешениях отсутствуют показатели потребления энергии, ресурсов.</p> <p>Результат: административная нагрузка на хозяйствующие субъекты, отсутствие комплексного подхода</p>	<p>1 категория — комплексное экологическое разрешение (КЭР), 2 категория — декларация о воздействии на ОС (КЭР — добровольно). Выдача временно согласованных величин выбросов (ВСВ) и сбросов (ВСС) только на основании согласованной Программы повышения экологической эффективности (1 кат.) или Плана мероприятий по охране окружающей среды (2 кат.).</p> <p>Результат: оптимизация разрешительной процедуры</p>

Инструменты	До принятия 219-ФЗ	После принятия 219-ФЗ
Государственная экологическая экспертиза (ГЭЭ)	ГЭЭ в отношении узкого круга объектов (на особо охраняемые природные территории (ООПТ), на континентальном шельфе, на Байкальской природной территории и т. д.), для остальных объектов — оценка воздействия на ОС в рамках градостроительной экспертизы проектной документации. Результат: ограниченное использование ГЭЭ	Введение требования о проведении ГЭЭ проектной документации объектов капитального строительства, относящихся к объектам 1 категории (с 2019). Результат: расширение объектов ГЭЭ за счет крупных загрязнителей ОС, совершенствование процедуры ГЭЭ
<i>Экономические</i>		
Плата за НВОС	Ставки платы минимальные, механизм зачета платы в счет природоохранных мероприятий не используется, плата за НВОС носит фискальный характер. Результат: плата за НВОС не стимулирует к снижению негативного воздействия	Рост платы до размеров, сопоставимых с затратами на внедрение НДТ, возможность вычета из суммы платы затрат на внедрение НДТ, предоставление инвестиционного кредита, введение стимулирующих коэффициентов, ускоренная амортизация оборудования НДТ и др. Результат: создание стимулов для инвестирования в модернизацию предприятий
Государственная поддержка	Декларативность законодательных положений о государственной поддержке	Уточнение содержания и направлений господдержки: внедрение НДТ, «зеленые» инвестиции», установка систем контроля загрязнений и др.

[Источник: Семилетова, 2016]

Несомненно, ключевой новацией «нового» регулирования является внедрение концепции Best Available Technics (наилучшая доступная технология), которая заимствована из практики природоохранного регулирования Евросоюза, в первую очередь, Германии. В развитых странах эта концепция применяется наравне с концепцией «загрязнитель платит». Пред-

приятия вынуждены принимать дополнительные меры по снижению эмиссий, что требует совершенствования технологических процессов, по повышению их эффективности, снижению экономических издержек по всей цепочке производства продукции. Таким образом, внедрение НДТ является инструментом как экологической, так и промышленной политики

государства [2]. По данным Минпромторга России ситуация с внедрением НДТ в России в секторальном разрезе приведена в таблице 2.

Таблица 2. Показатели соответствия основных фондов НДТ

Отрасль/показатели	Обрабатывающая промышленность, %	Энергетический комплекс, %	Нефтегазовый комплекс, %
Доля основных фондов, соответствующих НДТ:			
<i>Россия</i>	около 25	10	20
<i>Средний мировой уровень</i>	60	60	40
Энергозатраты (по сравнению со средними мировыми)	Выше на 65	Выше на 35	Выше на 60

[Источник: Минпромторг России]

С учетом изложенного предлагается дополнить этапы государственной экологической политики (на основе работ Москвина Д. В.) новым, промышленно-экологическим, этапом (Табл. 3).

Таблица 3. Этапы экологической политики России

Этап	Период (условно)	Содержание
Консервативный	1880–1950	Охрана редких животных, растений. Создание первых заповедников, национальных парков, заказников и т. п.
Природоресурсный	1950–1980	Охрана всех природных ресурсов. Принятие законов об охране природы (1957–1963 гг.)
Экологический	1980–2014	Охрана среды обитания человека. Появление экологического права. Формирование природоохранной системы, поиски экономического механизма рационального природопользования
Промышленно-экологический	2015 — н. вр.	Объединение задач промышленной и экологической политики государства на основе перехода на наилучшие доступные технологии

[Источник: Москвин Д. В. — Семилетова, 2016]

Закон 219-ФЗ вступил в силу с 1 января 2015 г., однако в целях обеспечения качественного перехода на новые «правила» регулирования положения по НДС в основном вступают в силу с 1 января 2019 г. Кроме этого, на первом этапе (2019–2022) регулирование на принципах НДС будет применяться только к 300 предприятиям, суммарный вклад в загрязнение окружающей среды которых составляет более 60 % («пилотный» этап).

Переход к новым инструментам регулирования предполагается осуществить постепенно, от «качества» этого перехода будет зависеть создание «реальных» стимулов для промышленных предприятий к повышению технологической, экономической и экологической эффективности промышленного производства. В первую очередь, необходимо обеспечить анализ массива нормативных правовых актов в целях исключения дублирующих, взаимоисключающих и избыточных положений.

Литература

1. Киселева С. П., Семилетова Е. В. Государственное управление эколого-ориентированным развитием России: история и перспективы // Интернет-журнал «Науковедение». — Режим доступа: свободный. — 2015. — № 4 (29).
2. Официальный сайт Министерства промышленности и торговли Российской Федерации. — Режим доступа: URL: <http://www.minpromtorg.gov.ru>.
3. Москвин Д. В. Экологическая политика государства в процессе перехода к рыночной экономике // Д. В. Москвин. — Новосибирск, 2005. — С. 83.

К «зеленой» экономике через «зеленые» финансы, биоэкономику и устойчивое развитие

Аннотация

В статье обозначены теоретические и практические аспекты перехода к новой модели экологической политики государства. Особое внимание уделено следующим направлениям перехода: «зеленая» экономика, биоэкономика и устойчивое развитие. Анализируются основные инструменты перехода к новой модели экологической политики: «зеленые» финансы и социо-эколого-экономические индексы устойчивого развития, внедренные в практику.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, «зеленые» финансы, биоэкономика, устойчивое развитие, экологическая политика государства, социо-эколого-экономический индекс.

Автор

Никонов Сергей Михайлович

Доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник
кафедры экономики природопользования
экономического факультета
Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

«Зеленую» экономику можно определить так: 1) возобновляемые источники энергии (солнечная, ветровая, биотопливо и пр.); 2) «зеленые» здания и сооружения (активные и пассивные дома) (энергосберегающие технологии в строительстве и архитектуре); 3) чистый транспорт (альтернативные виды топлива, развитие общественного транспорта, гибридные/электроавтомобили); 4) управление водными ресурсами (очистка воды, экономия потребления воды, использование дождевой воды и т. п.); 5) утилизация мусора и отходов производства (повторное использование (рециклирование), производство саморазлагающейся тары и т. п.); 6) землеустройство (городские лесонасаждения и парки, органическое сельское

хозяйство, восстановление лесов, восстановление почвенного покрова) [2].

А можно так: «зеленая» экономика — это четыре взаимосвязанных модуля:

1. Розничные финансы: «Зеленая» ипотека; «Зеленая» ссуда под залог жилья; «Зеленая» ссуда для коммерческого строительства; «Зеленый» кредит; «Зеленые» кредитные карточки.

2. Инвестиционные финансы: Финансирование «зеленых» проектов; «Зеленая» секьюритизация активов; «Зеленый» венчурный капитал и фонды прямых инвестиций; Технологический лизинг; Углеродные финансы.

3. Управление активами: Углеродные и экологические фонды; Резервные фонды; Катастрофные облигации; Экологические ETF.

К «зеленой» экономике через «зеленые» финансы, биоэкономику и устойчивое развитие

4. Экстрахование: Страхование автомобилей; Углеродное страхование; Страхование от чрезвычайных происшествий; «Зеленое» страхование [5].

Зеленые отрасли и технологии находятся на разных стадиях развития и, соответственно, требуют разных способов и источников финансирования. Выделяют обычно три источника: внутренние государственные финансовые ресурсы, средства международных финансовых организаций и средства частного сектора (как внутренние, так и зарубежные). Можно также констатировать, что «зеленые» финансы лежат в основе концепции низкоуглеродного («зеленого») экономического роста в силу того, что они лежат в спектре пересечения ключевых направлений развития:

- финансовая индустрия;
- оздоровление окружающей среды;
- экономический рост.

Здесь они схожи с устойчивым развитием, где, по нашему мнению, также необходимо найти баланс интересов между социальными, экологическими и экономическими факторами развития, с одной стороны, и между интересами общества, бизнеса и власти, с другой стороны, — как для нынешнего, так и для последующих поколений.

«Зеленые» финансы являются тем звеном, которое позволяет реально осуществить переход к «зеленой» экономике. Все «зеленые» проекты требуют серьезного финансирования, в то время как в большинстве случаев «зеленые» бизнес-модели и проекты являются высокорисковыми. Соответственно, традиционные методы финансирования могут оказаться коммерчески невыгодными. Тут есть вариант выхода на венчурных инвесторов, но им необходимо также доказать коммерческую эффективность в среднесрочной перспективе (в отличие от банков — где необходима краткосрочная эффективность). Долгие деньги в нашей стране можно получить только от государства или при поддержке государ-

ства использовать финансовые ресурсы населения.

Глобальное изменение климата — реальный фактор, который уже оказывает колоссальное воздействие на человечество и изменит экономический ландшафт в течение ближайших 50 лет. Мобилизация финансовых ресурсов для адаптации и смягчения последствий климатических изменений потребует выработки новых стратегий на государственном и корпоративном уровне, запуска новых инструментов, развития новых рынков.

Повышение эффективности ресурсопотребления дает нам время для решения важнейшего вопроса: перехода на возобновляемые источники энергии и сырье. Солнечная, геотермальная энергия, ветер, энергия волн и водород должны стать основой будущего энергообеспечения; воспроизводимое сырье и биотехнологии — основой будущего промышленного производства. Образец экономики будущего — производительность самой природы: преобразование солнечного света в биохимическую энергию, почти неисследованные еще микробиологические процессы, безотходные органические циклы [4].

Конечность ископаемых и минеральных ресурсов, расход энергии и экологический вред, связанный с ее использованием, — все это аргументы в пользу постепенного перехода к биоэкономике, материальной основой которого должны стать органические вещества. Важнейшим источником любого производства и потребления тоже должен стать солнечный свет. Чтобы расширить базу биологического сырья, необязательно увеличивать полезные сельскохозяйственные площади или во что бы то ни стало повышать плодородие почв.

Мощный потенциал будущей биоэкономики — в максимальном использовании имеющейся в наличии биомассы. Сегодня для производства продуктов питания или высококачественных промышленных продуктов, таких как химикаты,

лекарства, косметика, спирт или бумага, мы используем лишь крохи органических растительных веществ. Остальное сжигается или выбрасывается на свалку. Так, при производстве целлюлозы используется максимум 30 % древесной биомассы. Остальное — черная щелочь — как правило, сжигается, хотя содержащиеся в ней лигнин и гемицеллюлозу можно использовать при производстве других биохимических продуктов.

В широком смысле переход к биоэкономике означает использование человеком природного потенциала и одновременно его сохранение. Технология становится экодизайном, «технологическим использованием природных систем». Концепцию совместного производства с природой вытесняет чисто количественный подход. Если во главу угла ставить вопрос роста, то экологическая проблема сводится к банальному количеству: только сокращение производства и потребления может стабилизировать экосистему. При этом упускают из виду важнейшее обстоятельство, а именно то, что решающим является не количество, а качество производственных процессов и продукции. Для теории экосистемы важны не отдельные технологические инновации, а внедрение принципов биологической эволюции в промышленность: развитие симбиотических систем, каскадные схемы потребления энергии и материалов, безотходное производство. Наиболее полно они реализуются сегодня на комплексных химических комбинатах.

Еще один пример слияния отдельных элементов в комплексную систему дает новая энергетическая отрасль, которая обретает очертания на наших глазах: она объединяет сотни тысяч солнечных батарей, ветрогенераторов, блочных тепловых электростанций, электромобилей, аккумулирующих электростанций и т. д.

Необходимо иметь переход к устойчивому развитию. Есть определенный принцип «матрешки», который должен соблюдаться. Этот принцип предполагает

сочетание следующих необходимых элементов:

- России, чтобы иметь выгоды от снижения CO₂, необходимо интегрироваться с другими странами, заинтересованными в этом направлении сотрудничества (Германия, Швейцария, Франция, Норвегия и т. д.).
- Внутри страны необходимо создать внутренний рынок по покупке и продаже квот между регионами (городами).
- Внутри города необходимо создать рынок по продаже квот среди предприятий.

Для этого необходимо провести серьезную работу: в первую очередь, разработать новую долгосрочную Стратегию устойчивого развития как минимум до 2050 г.

Стратегия должна опираться на три концептуальных блока: комплексное освоение территории, культурную политику и кластерный подход [3]. При этом важно сделать стратегию гибкой, учитывая элемент скользящего планирования, и предусмотреть баланс интересов между двумя сочетаемыми триадами: социально-эколого-экономическими факторами и между властью — бизнесом — обществом. Также нужно разработать новые модели управления.

На наш взгляд, необходимо ввести в эффективный контракт губернатора начисление определенного количества баллов — социо-эколого-экономический индекс.

Индекс рассчитывать исходя из среднеарифметической оценки индексов: индекс эколого-экономический; индекс развития человеческого капитала; индекс человеческого счастья.

При этом:

1) эколого-экономический индекс рассчитывать по методике С. Н. Бобылева, включающей 6 элементов:

- выбросы CO₂ в регионах;
- затраты на охрану окружающей среды;
- земли особо охраняемых природных территорий и объектов;

К «зеленой» экономике через «зеленые» финансы,
биоэкономику и устойчивое развитие

- валовое накопление основного капитала;
 - инвестиции в основной капитал по виду деятельности;
 - истощение природных ресурсов [1];
- 2) индекс человеческого развития (ИЧР) рассчитывать по методике ООН, включая три элемента: уровень жизни; грамотность и образование; долголетие, как основные характеристики человеческого потенциала исследуемой территории;
- 3) индекс человеческого счастья рассчитывать по методике ООН (с авторскими доработками), включая следующие три элемента: удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и экологический след.

Литература

1. *Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьёва С. В.* Индикаторы устойчивого развития для городов в журнале «Экономика региона». — 2014. — № 3. — С. 101.
2. «Зеленая» экономика. Новая парадигма развития страны / С. Н. Бобылев, В. С. Вишнякова, И. И. Комаров [и др.]; под общ. ред. А. В. Шевчука. — М.: СОПС, 2014. — С. 68.
3. *Никоноров С. М.* Моногорода — новый вектор территориального развития в журнале «Проблемы теории и практики управления», издательство ООО «Международная Медиа Группа» (Москва). — 2014. — № 11 г. — С. 90.
4. *Папенов К. В., Никоноров С. М., Земскова О. В.* Социо-эколого-экономические проблемы крупных мегаполисов в журнале «Проблемы прогнозирования». — 2015. — № 5. — С. 119.
5. *Рубцов Б. Б.* «Зеленые финансы» в мире и России: монография / Б. Б. Рубцов, И. А. Гусева, А. И. Ильинский, И. В. Лукашенко, С. А. Панова, А. Ф. Садретдинова, С. М. Алыкова; под. ред. Б. Б. Рубцова. — М.: РУСАЙНС, 2016. — С. 15.

Экология в массовом сознании и самоорганизация человека в глобализирующемся мире

Аннотация

Инерционность развития современного общества в условиях интенсификации прогресса и периодические всплески волн общественного возмущения по тем или иным проблемам, свидетельствуют о необходимости более глубокого рассмотрения специфики организации жизнедеятельности каждого его члена. Особенно это касается вопросов экологии в массовом сознании и отдельно личностного подхода. Проблематика защиты окружающей среды, охраны природы и, как следствие, здоровья самого человека, конструируются в общественном сознании зачастую только сквозь призму угрожающей экологической катастрофы. Но влияние человека на природу, избыточная антропогенная нагрузка лишь увеличиваются пропорционально росту численности населения на планете. Однако свойственные некоторым экспертам деструктивные мысли о поиске механизмов снижения или замедления темпов данного роста, к сожалению, не приведут к положительному решению комплекса экологических проблем. Скорее, важно подчеркнуть значение поиска и формирования методов воспитания экологического сознания как необходимого условия проведения экологической политики и изменений в развитии общества, которые позволят снять определенные риски и кардинально трансформировать сам подход в осознании роли каждого члена общества, каждого человека и его созидании сохранению всего живого на Земле.

Ключевые слова: глобализация, экологическое сознание, устойчивое развитие, окружающая среда, экологическая безопасность, экологическая политика.

Автор

Рудницкая Анастасия Павловна

Кандидат политических наук,
доцент
Российского государственного
социального университета
(Москва, Россия)

В последние 10–15 лет значительно актуализировались вопросы относительно важнейшего компонента общественного сознания — экологического сознания. Во многих странах проводятся специализированные мероприятия, направленные на просвещение общества в отношении самоценности природы и роли

человека в ее сохранении. Практически не осталось в мире государств, где в системе государственной власти и в структуре правительства не представлены профильные ведомства, занимающиеся вопросами природных ресурсов и экологии.

2017 год стал Годом экологии в Российской Федерации [1]. 5 января 2016 г. Пре-

Экология в массовом сознании и самоорганизация человека в глобализирующемся мире

зидент России Владимир Путин подписал указ, в соответствии с которым 2017 год в России объявлен Годом экологии. Цель этого решения — привлечь внимание к проблемным вопросам, существующим в экологической сфере, и улучшить состояние экологической безопасности страны [2]. Главными направлениями деятельности в рамках мероприятий года заявлены: совершенствование законодательства, переход на наилучшие доступные технологии, совершенствование управления отходами, особо охраняемые природные территории, охрана водных ресурсов, охрана лесных ресурсов и лесовосстановление, охрана животного мира, экологическое просвещение и региональные программы.

Уже сейчас можно обозначить некоторые итоги комплексной работы и результаты масштабной программы экологической политики нашей страны, в том числе в аспекте эффективности экологического просвещения масс.

Помимо множества фестивалей, циклов лекций, мастер-классов, форумов, круглых столов и конкурсов социальной рекламы, таких как, например, Форум «Экотех — 2017»¹ (в рамках которого 12–14 декабря 2017 г. состоялся V Всероссийский съезд по охране окружающей среды, посвященный обсуждению наиболее актуальных вопросов в сфере охраны окружающей среды и выработке консолидированных решений о развитии природоохранной сферы и реализации экологической политики Российской Федерации); Всероссийский конкурс социальной рекламы «Новый взгляд»² — круп-

нейший молодежный проект в области социальной рекламы, были реализованы и комплексные эколого-ориентированные проекты.

Нас далеко не первый год приучают к осознанию важности экологического поведения. Разрабатываются специализированные программы, проводятся научные исследования.

Особо значима в этом направлении роль ООН [3]. В докладах специальных комиссий отмечается, что стихийные бедствия, связанные с погодой, напрямую связаны с последствиями человеческой деятельности.

Термин «устойчивое развитие» был введен в широкое употребление Международной комиссией по окружающей среде и развитию (Комиссия Брунтланд) в 1987 г. Под устойчивым понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Устойчивое развитие включает в себя два ключевых взаимосвязанных понятия:

- 1) понятие потребностей, в том числе приоритетных (необходимых для существования беднейших слоев населения);
- 2) понятие ограничений (обусловленных состоянием технологии и организацией общества), накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности человечества.

Концепция устойчивого развития основывается на пяти основных принципах.

1. Человечество действительно способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая при этом будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности.

¹ Международная выставка-форум «Экотех — 2017» — главная конгрессная площадка в России и СНГ для решения вопросов экологически устойчивого развития планеты и презентации российских и зарубежных инновационных экологических разработок и обмена опытом по развитию «зеленых» технологий. — URL: <http://ecotech-expo.com/about> (дата обращения: 19.11.2017 г.).

² Всероссийский конкурс социальной

рекламы «Новый взгляд». — URL: <http://tvoykonkurs.ru/about/info> (дата обращения: 19.11.2017 г.).

2. Имеющиеся ограничения в области эксплуатации природных ресурсов относительно суровы. Они связаны с современным уровнем техники и социальной организации, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности.

3. Необходимо удовлетворить элементарные потребности всех людей и всем предоставить возможность реализовывать свои надежды на более благополучную жизнь. Без этого устойчивое и долговременное развитие попросту невозможно. Одна из главнейших причин возникновения экологических и иных катастроф — нищета, которая стала в мире обычным явлением.

4. Необходимо согласовать образ жизни тех, кто располагает большими средствами (денежными и материальными), с экологическими возможностями планеты, в частности относительно потребления энергии.

5. Размеры и темпы роста населения должны быть согласованы с меняющимся производительным потенциалом глобальной экосистемы Земли [4].

Как отмечают в своей статье член-корреспондент РАН Гизатуллин Х. Н. и его соавтор Троицкий В. А., с экологической точки зрения устойчивое развитие должно обеспечивать стабильность биологических и физических систем. Особое значение имеет жизнеспособность локальных экосистем, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы в целом [4. — С. 129].

Загрязнение окружающей среды, воздуха, воды, даже космического пространства представляют собой прямую угрозу жизни человека, но понимание этой угрозы не осознано широкой публикой. Природные бедствия и их тяжелейшие последствия воспринимаются людьми только тогда, когда они сами непосредственно подвергаются их воздействию на локальном уровне. Конечно, освещение данных катастроф в СМИ вызывает определенную волну эмоционального сопереживания, но для большинства так остается

не что далеким, не представляющим личной угрозы.

Главной причиной является нарушение устойчивости природной среды (биосферы) вследствие хозяйственной деятельности человека. Процессы промышленной революции и научно-технический прогресс резко увеличили нормы потребления ресурсов, что привело к повышенной эксплуатации естественной экосистемы, увеличению выбросов в атмосферу, загрязнению воды, почв, воздуха, сокращению площади лесов и биоразнообразия [5, 6].

Свидетельства этому — не только экспертные доклады ООН, многолетние исследования Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), но и многие программные документы и итоговые резолюции научных конференций, посвященных проблемам экологии [7].

Но они ничего не смогут изменить, пока каждый из нас не осознает целостность данной проблемы и не изменит личностный подход к организации жизнедеятельности.

Возьмем, например, проблему утилизации твердых отходов. До сих пор в России не принято нормативных документов относительно строгой дифференциации или попросту говоря разделения бытовых отходов. Попытки сделать это, привлечь общественность, безусловно, были и есть. В местах общественного пребывания, крупных торговых центрах, в некоторых вузах можно увидеть четыре разноцветных контейнера и яркие плакаты с призывом разделять мусор. Но, как правило, даже если приучить нас в таких местах правильно выбрасывать бумагу, пластик, металл и пищевые отходы, то вопрос: куда везти на переработку заполненные контейнеры — остается открытым. Специализированных пунктов переработки разделенных отходов пока нет. Мусор все также отправляется на полигон или на базу мусоросжигательного комбината. Негативные последствия от таких способов утилизации отходов очевидны. Люди

Экология в массовом сознании и самоорганизация человека в глобализирующемся мире

крупных городов ежедневно производят количество отходов соизмеримых с пространством огромного футбольного поля.

Почему экономически нерентабельной и невыгодной до сих пор считается сфера переработки вторсырья?

Мы практически не знаем, куда правильно будет выбросить использованные батарейки, лампы накаливания, химические бытовые отходы или старые мобильные устройства и бытовую технику. Пункты приема организованы в локальных точках и зачастую информации о них, кроме как через личный поиск в сети Интернет, не найти.

Как же быть в данной ситуации простому обывателю?

Конечно, могут помочь разные формы нормативных актов и штрафов, но пусть лучше это будут варианты информирования, волонтерской деятельности, причем на всех уровнях общественного взаимодействия. Мы фактически должны научиться подсказывать друг другу, как важно и необходимо вести такой образ жизни, воспитывать коллективное чувство, при котором выбросить на улице мусор мимо урны будет стыдно, сломать дерево или вытоптать газон будет также больно, как порезать палец. А вот посадить — почетно и просто важно, так как понятие воспроизводства затраченных

человеком на личные блага ресурсов должно быть таким же естественным, как выпить стакан воды или почистить зубы после утреннего пробуждения.

Эра электромобилей еще не скоро настанет, мы еще долго будем использовать бензиновый или дизельный двигатель в автомобилях. Есть альтернатива — газ. Но и его нужно использовать с оценкой того, что недра Земли должны восполняться, а в России пока доминирует принцип сырьевой экономики.

В целом хотелось бы резюмировать следующее. Прогресс и технический потенциал развития человечества, и рост численности населения на планете не будут нести негативных ощущений, если в глобальном пространстве современного мира ключевым, доминирующим будет понимание человека внутри экосистемы, а не над ней. Каждый из нас должен осознавать, что желание пить чистую воду, дышать чистым воздухом, питаться качественными продуктами зависит от нас лично, от общества в целом, но не от решений правительств и комитетов каких-либо стран. Понятие социальной ответственности должно прививаться в процессе социализации как неотъемлемая норма формирования человека и гражданина.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1082-р. «Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2017 году в РФ Года экологии». — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71314350/#ixzz50F9FZAU> (дата обращения: 20.11.2017 г.).
2. О Года экологии в Российской Федерации. Информационный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. — URL: <http://ecoyear.ru/about> (дата обращения: 20.11.2017 г.).
3. Нормативные документы и органы ООН по профилю экологической проблематики. — URL: <http://www.un.org/ru/documents/resguide/specenv.shtml> (дата обращения: 20.11.2017 г.).
4. Гизатуллин Х. Н., Троицкий В. А. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // *Общественные науки и современность*. — 1998. — № 5. — С. 124–130.
5. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

-
6. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под ред. А. С. Гранберга, В. И. Данилова-Данильяна, М. М. Циканова, Е. С. Шонхоева. — М.: Экономика, 2002.
 7. Вебер А. Б. Экологическое сознание и устойчивое развитие. В сборнике научных статей «Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим» / Под ред. Ю. А. Красина, А. В. Вебера, А. А. Галкина. — М.: Изд. «Аспект-Пресс», 2017.
 8. *Фадеева Л. Д., Рыбакова А. И., Соколовская Л. Д., Быстрова Л. И., Маркина Л. А., Прудникова О. М., Рудницкая А. П., Ходырев А. А.* Социальное партнерство и социальная политика в РГСУ / Актуальные вопросы современных общественных наук: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2017. — С. 15–19.
 9. *Копичникова А. П.* Манипулирование мнением и поведением российского электората / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Российский государственный социальный университет. — Москва, 2005.

Основные экологические проблемы российских городов и стратегия их разрешения

Аннотация

В статье рассматриваются основные экологические проблемы городов, а также факторы, оказывающие негативное воздействие на природную среду. Отмечается, что решение экологических проблем городов невозможно без целенаправленной политики государства, предусматривающей широкое вовлечение гражданского общества, бизнеса, экспертного сообщества, природоохранных организаций. Особо подчеркивается, что задачи экологического развития не противоречат задачам экономического роста, напротив, именно экономический рост, основанный на современном высокотехнологичном производстве и «умном» управлении ресурсами, способен внести решающий вклад в решение экологических задач. С учетом конкретных выявленных проблем предлагается возможная стратегия для улучшения экологической ситуации. Важную роль должно сыграть и формирование особой экологической культуры в обществе.

Ключевые слова: экология, экологические проблемы, экологическое развитие, Россия, проблемы городов, экологическая политика.

Авторы

Ляховенко Олег Игоревич

Старший научный сотрудник
кафедры российской политики
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Чулков Дмитрий Игоревич

Студент факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

На сегодняшний день в городах Российской Федерации присутствуют различные проблемы экологического характера. Большинство из них заимствованы со времен существования Советского Союза, когда руководство страны считало, что контроль за экологической ситуацией был необязателен — перед

обществом стояла проблема развития и индустриализации. Как результат: 40 % городов РФ демонстрировало симптомы существенного отклонения таких показателей, как наличие зеленых зон на территории муниципальных образований, загрязнение почв, химические отходы и т. д. Согласно замерам Министерства природ-

ных ресурсов и экологии, в настоящее время города и пригородная зона России прогреваются в 2,5 раза быстрее, чем другие населенные пункты земного шара [1].

Актуальность городских экологических проблем в Российской Федерации не вызывает никаких сомнений. Во-первых, в городах проживает более 110 млн человек, что составляет большую часть населения России. Во-вторых, благодаря современным методам подсчета известно, что загрязнения окружающей среды объясняют 17 % болезней в детском и 10 % во взрослом возрастах, кроме того, 41 % респираторных и 16 % эндокринных заболеваний. По вине природных проблем ежегодно в России гибнет в 3 раза больше человек, чем в автомобильных катастрофах [6]. Очевидно, что необходима ревизия городской экологической политики.

Экологические проблемы, согласно мнению научного сотрудника Института географии РАН Б. И. Кочурова, это «изменение природной среды в результате антропогенных воздействий, ведущее к нарушению структуры и функционирования природных систем (ландшафтов) и приводящее к негативным социальным, экономическим и иным последствиям» [7. — С. 6].

Если мы говорим об экологических проблемах российских городов, то необходимо понимать, что они очень разнообразны. Самая значимая проблема, по крайней мере, в восприятии населения, это загрязнение атмосферного воздуха. Атмосферные загрязнения легче всего поддаются анализу, ибо методика получения показателей загрязнения воздуха понятна с советских времен. Достаточно легко можно отслеживать динамику этих показателей. Следовательно, можно достаточно точно определить те факторы, которые оказывают влияние на загрязнение атмосферы в городах.

Один из первых факторов — специализация производств, которые располагаются в городе. Черная и цветная металлургия, главные загрязнители советского

периода, сегодня значительно улучшили свои показания. Имеется прогресс и в нефтепереработке, предприятия которой нередко находятся в городской черте (особенно это характерно для малых городов промышленных регионов).

Отдельно необходимо отметить проблему — сжигание попутного нефтяного газа. Россия сжигает четверть мирового выброса попутных нефтяных газов. Данная проблема не решается уже значительное время, несмотря на очевидность влияния данной проблемы на общую экологическую ситуацию.

Второе — это динамика производства. Россия пережила период системного кризиса 90-х гг. XX в., потом был период экономического роста до 2008 и с 2010 до 2013 г. Иллюзия, согласно которой кризис — явление благоприятное, которое очистит города, — не оправдывается. Также не подтверждается, что экономический рост приводит к загрязнению атмосферы городов. Так как экономический рост начался в относительно чистых отраслях, т. е. в пищевой и в значительной степени в легкой промышленности, отчасти в машиностроении. Соответственно, уровень загрязнений рос относительно медленно. Плюс к тому — экономический рост начался на относительно новых мощностях, потому что в кризис старое производство не стало востребованным. Появился эффект «зеленых ножниц», когда экономика росла, а загрязнение тоже росло, но значительно меньшими темпами.

Третий фактор — тепловые электростанции, которые используют уголь. При сжигании угля объем выбросов в 12 раз больше, чем при сжигании газа. Поэтому, если к этому добавить еще длительность отопительного периода, холодный климат, устаревшие фонды, то данный фактор оказывает большое влияние на загрязнение атмосферы городов. По данным Министерства природных ресурсов и экологии, модернизация оборудования тепловых электростанций может на 25 % сократить выбросы в атмосферу городов

Основные экологические проблемы российских городов и стратегия их разрешения

таких загрязняющих веществ, как сажа, диоксид серы, оксиды азота, углерода, в частности, угарный газ (СО), соединения тяжелых металлов, канцерогенный бензапирен (C₂₀H₁₂). Был подчеркнут также тот факт, что вблизи ТЭЦ значительно снижается процентное соотношение кислорода в воздухе. А Институт энергетических исследований РАН прогнозирует, что такие меры могут ежегодно экономить до 60 млрд рублей в год.

Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Краснодар, Омск, Волгоград, а также другие крупные промышленные и населенные пункты в последние годы все чаще сталкиваются с проблемой высоких показателей загрязненности воздуха. Так, в начале 2010 г. Гидрометеорологическая служба России, которая контролирует качество воздуха, сообщила, что 231 из 292 городов, где производились наблюдения, превысил предельно допустимые концентрации (ПДК) для твердых частиц, двуокиси серы, оксидов азота или окиси углерода [1]. Уровень загрязнения в 86 городах превысил ПДК в десятки раз. Самыми загрязненными городами являются центры тяжелой промышленности (черная и цветная металлургия, нефтепереработка, химикаты и производство целлюлозы). Неудивительно, что крупнейшие промышленные города возглавляют список. Качество воздуха в остальных же падает с каждым годом по мере роста количества автомобилей на душу населения.

Что касается промышленных предприятий, то эта проблема никуда не уходит и остается одной из ключевых. С 1990 г. российские эксперты добавили в список угрожающих экологических кризисов десятки городов Днепропетровско-Донецкого и Кузнецкого горно-металлургических центров (по причине сильно загрязненного воздуха и воды), уральского промышленного региона, полосу производственных городов, которая следует за Южным Уралом от Перми на севере до Магнитогорска на юге (по причине опять же сильного загрязнения воды и воздуха, а также радиоактив-

ного загрязнения вблизи города Кыштым), Кольского полуострова (где цветные горнодобывающие и металлургические операции, строящиеся на резервах никеля в регионе, создали загрязнение воздуха, которое мало того, что отравляют атмосферу Кандалакши, Мончегорска и Оленегорска, так еще и дрейфует на запад через северную Скандинавию, а также Московской области, города которой за три минувших десятилетия существенно обогатились высоким уровнем загрязнения от промышленной среды и автомобильного парка.

Еще одной важной проблемой российских городов является утилизация химических отходов. Из-за отсутствия должного финансирования для этого процесса зачастую используются небезопасные методы. Так, в Санкт-Петербурге на улице Оптиков с советских времен до сих пор остается свалка химических отходов, сегодня превратившаяся в нехарактерную для этих мест гору.

Нерешенным остается вопрос с качеством воды в российских городах. Загрязнение воды является серьезной проблемой, так как 75 % поверхностных вод и 50 % всей воды на территории нашей страны не является питьевой, согласно стандартам качества, установленным в 1992 г., и, по оценкам Гринпис, 30 % подземных вод, доступных для использования, сильно загрязнены. Это зачастую вызывает проблемы со здоровьем во многих городах, так как только 8 % сточных вод полностью обрабатываются до возвращения в водные пути. Виной тому остаются устаревшие и неэффективные очистные сооружения. Итог — попеременные вспышки заболеваний, связанных с водой. Так, Гринпис давно заявил о том, что концентрация ртути, тяжелых металлов, алюминия, стронция, серы и нефтепродуктов в Москве-реке в среднем в 40 раз превышает допустимые значения [2]. Пробы воды были взяты в 2013 г. в соответствии с существующими стандартами и проверялись в лабораториях РОСА и Центре исследования и контроля воды. Загрязнение в Финском заливе,

в самом восточном расширении Балтийского моря, включает неочищенные сточные воды из Санкт-Петербурга, где тяжелые металлы и другие химические вещества не удаляются должным образом до сброса. Необходимо отметить, что высокое содержание стронция в организме человека может привести к заболеванию костей, а алюминия — к нарушениям центральной нервной системы [5]. Проблемы качества воды наиболее серьезны в европейской России, особенно в Волжском бассейне, где проживает около 60 млн человек. Из всей воды, изъятой из природных источников в России, 33 % приходится на Волгу. Около половины этой воды возвращается в Волгу как загрязненная выгрузка, что составляет 37 % от общего объема такого материала, производимого в России. Вода из Волги не соответствует нормам питьевой воды и непригодна для рыбоводства или орошения. В некоторых районах запасы чистой воды настолько скудны, что импортируются из других регионов. Промышленные и химические предприятия, находящиеся в городской черте, часто сбрасывают свои отходы в водные пути, включая сероводород, который был связан с крупномасштабной гибелью рыбы в Каспийском море летом 2015 г. и в Черном море летом 2017 г.

Отдельно необходимо выделить экологические проблемы в малых городах с численностью населения от 30 до 50 тысяч. Зачастую в таких городах расположено несколько крупных предприятий. Основная часть населения работает на этих предприятиях, которые порождают экологические проблемы. Всего в малых городах проживает порядка 12 млн россиян, однако именно в них возникает четверть всех экологических проблем России. И хозяйственно-бытовых, и производственных стоков тоже больше, примерно 19 % от всего объема. Вторым источником загрязнений в малых городах являются газокompрессорные станции — это те станции, которые поддерживают давление газа в наших магистральных трубопроводах (как в городах Сосногорск в Республи-

ке Коми, Мышкин в Ярославской области). Объем выброса этих станций сопоставим по масштабам с выбросами всей тепловой энергетики Москвы. Малые города — это, как правило, моноструктурные города с одним предприятием, создающим общий уровень экологических проблем.

В целом специфику экологических проблем в городах можно определить следующим образом:

1) показатели загрязнения воздуха и воды значительно более стабильны, чем в целом по стране. Это связано с высокой долей загрязнений со стороны жилищно-коммунального хозяйства;

2) в условиях повышения мировых цен увеличивается количество нефтедобывающих предприятий в малых городах Поволжья, например, Фролово и Котово в Волгоградской области. Предприятия данного типа демонстрируют устойчивые темпы производства экологически опасных отходов;

3) малые города в меньшей степени затронула кампания газификации. А перевод энергетики и жилищно-коммунального сектора на газ резко сокращает количество загрязнений;

4) малые города в значительной степени находятся в пределах городских агломераций. В этом смысле нельзя сбрасывать со счетов то негативное воздействие, которое оказывает промышленность крупных городов на малые, ведь зачастую данные предприятия находятся на окраинах больших городов, нанося ущерб малым (например, Ростов-на-Дону влияет на Аксай). Хотя, согласно замерам Центра по мониторингу загрязнения окружающей среды, внутреннее загрязнение малых городов имеет большее значение;

б) еще одной особенностью малых городов является то, что в них выше транспортное загрязнение. На первый взгляд, кажется, что уровень автоматизации в малых городах ниже, чем в больших. Однако транспорт, который используется в малых городах, значительно худшего качества, более старый. И на один километр про-

Основные экологические проблемы российских городов и стратегия их разрешения

бега он также выбрасывает значительно больший объем выбросов;

7) повышенная роль жилищно-коммунального хозяйства. В малых городах нет возможности реконструировать котельные, и они, как правило, старые, работают на угле. А муниципалитеты в условиях дефицитных бюджетов могут использовать низкокачественный уголь. У малых городов также отсутствуют средства на реконструкцию очистных сооружений, в данной ситуации стоки сбрасываются в водные объекты практически без очистки. А если эти крупные водные объекты, как, например, Галичское или Плещеево озера, то, конечно, это создает повышенные экологические проблемы;

8) в малых городах присутствует серьезная проблема с полигонами твердых бытовых отходов. Свалки нуждаются в гидроизоляции, а это требует дополнительных финансовых вливаний, которые отсутствуют.

Вышеупомянутые проблемы подтверждают слова Президента России В. В. Путина, которые были сказаны в момент подписания указа об утверждении Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.: «Сегодня разговор об экологических проблемах надо вести в наступательном и практическом ключе и выводить природоохранную работу на уровень системной, ежедневной обязанности государственной власти всех уровней».

Из документа становится понятно, что в России ежегодно диагностируется около 950 гидрометеорологических проблем, ущерб от которых по приблизительным подсчетам составляет около 1 % ВВП. На наш взгляд, это важнейший показатель того, что дискуссия общественности об опасностях государственной экологической политики, длящаяся уже около 30 лет, достигла верхних эшелонов власти и активно обсуждается на уровне политических элит. Экологический раздел сегодня является одной из основных составляющих генплана города, а анализ перечисленных проблем — это стартовая

площадка для разработки конкретных методов улучшения экологической ситуации. Данные изменения происходят очень вовремя. Ведь, судя по опросам ВЦИОМ, проведенным в апреле 2017 г., ухудшение ситуации в сфере экологии отмечают 36 % жителей нашей страны. Это доля выросла на 14 % с IV квартала 2016 г. Возросла также доля респондентов, которые постоянно или периодически следят за экологическими проблемами, подавляющее число наших сограждан на сегодняшний момент декларирует заботу об окружающей среде. В то же время снизилась численность тех, кто видит положительные перемены, их стало вдвое меньше — 19 %, 31 % не видит перемен. К сожалению, за 30 лет не произошло главного: основной проблемой общественности были и остаются местные проблемы, имеющие непосредственное воздействие на жителей: такие как большое количество машин и автомобильных выхлопов — 34 % и мусор — 23 %. Между тем о проблемах вырубки лесов и озеленении говорят 6 %, а о загрязнении окружающей среды говорят еще реже — 5 %. Не столь велика также доля тех людей, доля которых участвует в природоохранных мероприятиях, — 1 %. Желание же принять участие в подобного рода мероприятиях выразили уже 5 %. Соотечественников куда меньше интересуют фундаментальные проблемы, такие как потеря биологического разнообразия, вырубка лесов или кислотные дожди. Кстати, тот же опрос ВЦИОМ показал, что экологические проблемы занимают 8-ю строчку главных проблем россиян, и только одна треть соотечественников готова жертвовать экономическими успехами страны в обмен на улучшение ситуации.

Если подводить итог, то необходимо отметить, что основная проблема российских городов заключается в том, что они не могут решить свои проблемы сами. Как правило, у них дефицитный бюджет, а большая часть расходов — социальная. В такой ситуации на экологические расходы не хватает финансов.

Думается, что для решения представленных выше проблем необходимо:

- 1) улучшать экономическую ситуацию в городах, с учетом экологических факторов;
- 2) повышать экологическую культуру горожан;
- 3) однако, данная культура не только должна присутствовать в жизни общества. Она должна также институализироваться, переходить в систему неформальных правил [2 — С. 93];
- 4) заинтересовать крупный бизнес участвовать в экологических акциях, строить бизнес с учетом международных экологических стандартов, а также сотрудничать с гражданским обществом экономическими методами — снижение налоговых ставок, льготное кредитование и т. д.;
- 5) создавать большее число переговорных площадок по экологической ситуации между тремя сторонами — государством, бизнесом и гражданским обществом;
- 6) объединять различные города для совместной выработки решений по решению экологических проблем. Справляться поодиночке города не в состоянии из-за отсутствия денежных средств, а также по причине нерентабельности, поскольку экологическая политика одного города всегда сведется на нет, если в соседнем городе данная политика не проводится. В современной России это может быть совместная постройка очистных сооружений, если города замкнуты на один водный бассейн, или создание одного общего полигона. И такие примеры уже появляются. Так, в Нижегородской области в районе городов Городец, Чкаловск и других уже планируется создание общего полигона для отходов. Таким образом, даже в условиях дефицита средств можно создать программы, позволяющие снять хотя бы часть проблем в ближайшем будущем.

Литература

1. Antonova Maria, 2015. «Warming '2.5 times quicker' than global average: ministry». Yahoo News. Agence France-Presse. (<https://www.yahoo.com/news/russia-warming-2-5-times-quicker-global-average-112218465.html?ref=gsRussia>).
2. Аузан А. А. Договор — 2008. — М.: ОГИ, 2007. — 152 с.
3. Битюкова В. Р. Социально-экологические проблемы развития городов России. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2004. — 444 с.; 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2009. — 448 с.; 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2012. — 448 с.
4. Бобылев С. Н., Ходжаев А. Ш. Экономика природопользования. Издательство МГУ, 2003. — 567 с.
5. Денисов В. В. Экология города / В. В. Денисов, А. С. Курбатова, И. А. Денисова, В. Л. Бондаренко, В. А. Грачев, В. А. Гутенев, Б. А. Нагнибеда / Под. ред. В. В. Денисова. — М.: ИКЦ «Март», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2008. — 832 с.
6. Кадочников А. Н. Институциональные аспекты экологической безопасности // Тез. докл. Всеросс. конф. «Политические институты в современном мире». — 15 с.
7. Кочуров Б. И. География экологических ситуаций (экодиагностика территорий). — М.: ИГ РАН, 1997. — 156 с.
8. Папенов К. В., Соловьева С. В., Никоноров С. М. Общество, экономика, природа: Актуальные проблемы развития России. Сборник статей. — Издательство «Проспект», 2017. — 240 с.
9. Постановление Правительства РФ № 1148 от 8.11.2012 «Об особенностях исчисления платы за выбросы загрязняющих веществ, образующихся при сжигании на факельных установках и (или) рассеивании попутного нефтяного газа».

Политическая активность экологических неправительственных организаций (экоНПО) в экологической политике России

Аннотация

Настоящая статья посвящена осмыслению роли неправительственных организаций «зеленых» в экологической политике современного государства на примере России. В рамках решения данной задачи вкратце рассматривается история их эволюции, анализируется текущее состояние, а также перспективы экологической составляющей политического процесса России, с учетом влияния международных институтов. Особый акцент делается при этом на иностранных политических акторах (агентах) политики.

Ключевые слова: экополитология, экологическая политика, «зеленые», экологические неправительственные организации (экоНПО), «демократия участия», консервационизм (охранительность), иностранный политический актор (агент).

Автор

Глушенкова Елена Ивановна

Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений
имени Е. М. Примакова
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Экологическая озабоченность, озабоченность в мире — не просто тренд, а актуальнейшая тема, в рамках которой государства из года в год ведут непрерывный конструктивный и предметный диалог. Рио, Киото, наконец, недавнее Парижское климатическое соглашение — квинтэссенция мирового политического процесса сегодня. Россия участвует в нем как полноправный политический игрок, участник международных экологических программ.

Экологическая составляющая политического процесса России может быть рассмотрена как неотъемлемая компонента мировой экологической политической по-

вестки дня. Но ей присущи свои особенности: все национальные государства стоят перед общей проблемой нарастания экологической опасности, но экополитика — формы и средства адаптации мира политического к глобальному экологическому кризису, методы регулирования социоэкологических взаимозависимостей в ходе этой адаптации, у каждой страны свои.

Экологическая политика — это защита права гражданина на чистую, благоприятную, не угрожающую выживанию во времени, окружающую среду. Несомненно, это политическая деятельность, нацеленная на неизбежные экологические последствия нашей деятельности, и

в практическом плане она представляет собой торг между политической, хозяйственной и экологической эффективностью (последнее есть минимизация риска в рамках императивов устойчивого развития) при принятии властных решений в условиях дефицита времени и ресурсов [2]. Каждое государство осуществляет ее на практике по-разному: в ней, как и в любой другой, находят отражение разнородные общественные противоречия и интересы разных групп людей.

Важнейшим индикатором качества экологической политики, особенно экологической ее эффективности, выступает роль, которая отведена государством в этом деле организациям и движениям «зеленых». Под «зелеными» мы подразумеваем широкий спектр экологических неправительственных организаций (экоНПО), партий, движений как систему независимых социальных субъектов, стратегии, тактики, организационную структуру которых определяют экологические ценности, а не цели. «Зеленые» — это новые социальные движения за нововведения в общественную систему на предмет включения в нее экологических императивов. Это невозможно без вовлечения в политический процесс и социально-экономические отношения, без формирования систем постоянного давления на власть, лоббирования экологических ценностей среди элит и широких слоев населения.

«Зелеными», в узком смысле слова, традиционно называют участников политики на уровне законодательной ветви власти. ЭкоНПО — это те, кто ставит и решает как чисто политические (участие в принятии решений на уровне исполнительной власти, создание рамок для участия других), так и неполитические задачи, имеющие отношение к экополитике в широком смысле слова (образование и просвещение, экспертиза и оценка состояния природной среды, культура и охрана памятников природы). «Демократия участия» как новая политическая практика

рубежа XX–XXI вв. добавляет новое требование — превратить экоНПО в канал непрерывной коммуникации власти и населения в целях выработки механизмов совместного принятия политических решений.

Экологическое движение в мире насчитывает более чем столетнюю историю. С конца XIX — начала XX в. и до конца 60-х гг. это были так называемые охранительные (conservational, консервационистские) партии и движения. Они имели неполитический характер: звали не к политическим переменам, а к бережной эксплуатации ресурсов (что не противоречит индустриальному пути развития). Поддержка господствующей общественной системы — характерная черта этих «зеленых». Каких-то «новых» ценностей они не провозглашали. Этому этапу характерны низкая экологическая озабоченность населения, фактически это были инициативы групп элит. С конца 1960-х гг. начался новый этап эволюции «зеленых». Массовое алармистское движение на Западе породило экологизм нового типа. В его рамках в охрану природной среды был включен социум: выживание общества, личности и природы теперь мыслились как стороны одного процесса. ЭкоНПО политизировались и стали носителями в политике экологических ценностей, ранее там не присутствовавших.

«Зеленые» начали со статуса политических маргиналов, массового внепарламентского движения. Но уже в 1970–1980-е гг. в целом ряде стран Европы «зеленые» успешно вовлеклись в парламентскую деятельность. Все-таки в целом в рамках традиционного политического процесса «зеленые» терпели неудачу, и, с начала 90-х гг. XX в. обозначился новый период их развития, связанный с торжеством «демократии участия», который идет по сей день. Несоответствие политики современного индустриального общества экологическим ценностям и императивам требовали искать новые политические формы. Таковой и стала «демократия

Политическая активность экологических неправительственных организаций (экоНПО)

участия», сначала как практика, а уж затем — как теория. «Зеленые» осознали, что, выступая в политике самостоятельно, они обречены на неуспех; движущая сила экологической политики — сам народ, граждане страны, организованное гражданское общество, посредником между властью и призваны выступить НПО. Это суть их миссии при принятии экологических дружественных политических решений. К этому приковано внимание экспертов, а интерес к парламентским партиям «зеленых» спадает.

Экологическое движение России вписывается в логику эволюции движения «зеленых» на Западе. Но имеются серьезные отличия. Во-первых, это роль поддержки населения. В России в период расцвета свое участие в деятельности экологического движения демонстрировали максимум 3 %, в США — более 10 % [1]. К этому добавим, что и характер охвата населения иной. Российские экоНПО — это, чаще, специалисты в области охраны окружающей среды экологи-профессионалы, а не активисты-общественники, сконцентрированные в городах или существующие внелокально. В США, на Западе активисты экоНПО — средний класс, в т. ч. пенсионеры и домохозяйки. Студенческие экологические организации появились на Западе и здесь одновременно в конце 1960-х — нач. 1970-х гг. Но у нас они доминировали, и, с упадком студенческих организаций в начале 1990-х гг., российский экоактивизм спал на порядок. Второй момент — характер работы. На Западе с его «демократией участия», имеет проактивный характер, когда деятельность социального субъекта никак не сводится к реакции на некую складывающуюся ситуацию, они сами иницируют, строят свою политическую среду, и в ней действуют «на опережение». В России экологическое движение традиционно действует реактивно.

Третий аспект — финансирование. На Западе основа финансирования экоНПО, и вообще любых НПО — частные пожертвования рядовых граждан, значительно

реже — организаций, для чего существует специальная практика, называемая фандрейзинг. Российские экоНПО этой практикой не владели, всегда страдали отсутствием постоянной внутренней финансовой поддержки — вплоть до середины нулевых годов финансирование осуществлялось в основном за счет грантов из-за рубежа.

Отчасти тот факт, что российские экоНПО, как правило, не низовые организации обеспокоенной общественности, а так называемые экспертные, повлияло на следующий феномен. Огромное влияние на российскую экологическую политику в целом и отечественное экодвижение в частности оказывают участники мирового экологического политического процесса крупные международные экоНПО. В России с начала 1990-х гг. действуют: Международный союз консервации; МСОК (World Conservation Union), занимающийся проблемами сохранения биоразнообразия планеты, — предоставляет России списки видов, нуждающихся, по мнению международных экспертов, в особой охране в разных ее регионах; ВВФ (World Wildlife Foundation), ассоциирующийся с деятельностью по охране редких и исчезающих видов животных и растений; американская организация Earth First и некоторые другие. Характерно, что все они были основаны до начала второго этапа эволюции экодвижений или работают у нас именно в режиме подобных организаций: достойная всяческих похвал охрана выхухоли и леопарда не влияет на политическую организацию общества и не наносит ущерб деятельности, например, ТНК. (Кроме Greenpeace, их программа — защита крупных природных комплексов, поэтому они регулярно и повсюду сталкиваются с действиями крупных хозяйствующих субъектов.)

В основном, с учетом этой специфики, эволюция экодвижения в России примерно совпадает с мировой по продолжительности и содержанию этапов. Генезис его пришелся на тревожные годы рубежа

XIX–XX вв., развитие шло под прессом советской власти и оно не могло иметь политического или протестного характера, будучи встроено в структуру общественных организаций СССР. Только в 1988 г., на фоне бурного роста гражданского активизма, образовались первая типично политизированная зонтичная российская (в дальнейшем — международная) экоНПО — СоЭС, ряд других аналогичных организаций, и Россия уверенно вступила во второй этап эволюции экодвижений. (Правда, организационной основой возникновения СоЭС, Социоэкологического Союза, стало движение природоохранных дружин — ДОП, возникшее в 1960 г.) Кажется, Россия твердо «закрепилась» на данном этапе. С 1991 г. многие экоНПО отказались от протестов и пошли на сотрудничество с новой властью: в 1990–1993 гг. шел «исход» экологов и экологистов в новые природоохранные органы исполнительной власти. Затем начались неблагоприятные для экологической отрасли изменения на системе органов власти. И неслучайно: экологическая озабоченность населения резко пошла вниз (к 1994 г. экология «передвинулась» в соцопросах с 1-й на последние позиции), экологическая ниша экоНПО в обществе стала «схлapyваться», экологи начали работать «на выживание». Характерной чертой данного процесса стала именно зависимость от финансовой поддержки из-за рубежа: в условиях переходного общества это был единственный источник финансирования. Нулевые годы Россия встретила малочисленными экоНПО «низового» характера, мало известными за пределами своего региона, и несколькими крупными экспертными экоНПО в Москве или Санкт-Петербурге (в начале 1990-х гг. в стране было не менее 150 экоНПО в 260 городах). Среди последних — Центр охраны дикой природы, Центр экологической политики, Фонд имени В. И. Вернадского и несколько других [1, 5].

Придерживаясь тактики защиты, экологизм России растерял все завоеван-

ные ранее позиции: в 2000–2001 гг. были ликвидированы ключевые структуры российской природоохраны — прежде всего, Министерство (Государственный комитет) по охране окружающей среды и Федеральный экологический Фонд (ФЭФ), который должен был создать финансовую базу природоохранной деятельности. ФЭФ, который призван был финансировать российскую природоохрану за счет экологических налогов и сборов, не мог ничего предложить отрасли: по некоторым данным, более 90 % предприятий-загрязнителей просто отказались перечислять ему средства. В момент ликвидации долг компаний и фирм перед ФЭФ значительно превысил государственный бюджет [3]. После нее денежные активы ФЭФ поступили государству. Пока в мире шел переход к третьему, у нас случился шаг назад, к первому, консервационистскому, неполитическому этапу экодвижений.

Наиболее драматическим, как выяснилось лишь годы спустя, стало не изменение в сфере экологической администрации, а нечто иное. Примерно с 1995 г. государственное финансирование природоохраны, и без того низкое по сравнению с развитыми странами, с каждым годом падало. А число природоохранных проектов возрастало. Пока в стране был экономический спад, состояние среды кому-то казалось удовлетворительным, но в нулевые начался экономический рост в промышленности и сельском хозяйстве. Рост загрязнений требовал реакции экологических властей. В итоге последнее десятилетие XX в. росло иностранное финансирование экологической отрасли. В 1992–2000 гг. зарубежные партнеры выделили России на природоохранные цели более 600 \$ млн, по другим данным — более 1 \$ млрд. В разные периоды, по самым скромным подсчетам, международное финансирование превышало государственное более чем в 3 раза, и большая доля средств шла через каналы российских и международных экоНПО и других неправительственных организаций. Это

Политическая активность экологических неправительственных организаций (экоНПО)

были средства на охрану диких видов, водных бассейнов, лесов [1, 3]. После 2000 г., в связи с изменением российского законодательства, зарубежное финансирование экодвижений сократилось. В настоящее время российские экологические движения вынуждены искать финансирование прежде всего в России.

Сегодня Россия — на рубеже второго этапа развития экологического движения, и он не будет пройден, пока российский экологизм не осознает значения политики и практик «демократии участия». Это затруднительно при невнятной экологической позиции населения. Итог плачевный: «в охране окружающей среды и природопользования Россия отстает от про-

мышленно развитых стран» [4. — С. 25]. Не соответствует нынешнему этапу развития ни экологической политики, ни экодвижения. Россия была и остается страной с сильным иностранным фактором экологической политики и не только в финансовом отношении: иностранные идеи и идеологии, политики и повестки дня, механизмы и инструменты политики, которые господствовали на нашей экологической политической арене и никуда не делись. И так будет продолжаться до тех пор, пока экологическая политика не займет подобающее реальному статусу страны место в политической повестке дня России.

Литература

1. Глушенкова Е. И. Экополитология. — М.: МНЭПУ, 2010. — 210 с.
2. Глушенкова Е. И. Устойчивое развитие как концептуальная основа стратегии национальной безопасности России. — М.: ИМЭМО РАН, 2004. — 102 с.
3. Ларин Вл., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е. Охрана природы России: от Горбачёва до Путина. — М.: ВВФ, 2003. — 416 с.
4. Россия по ту сторону мировых экологических трендов. Интервью Гендиректора ЭВОС В. В. Потапова // Мужская работа. — 2017. — № 61. — С. 24–32.
5. Яницкий О. Н. Россия: трансформирующееся общество. — М.: ИС РАН, 2001. — 640 с.

Механизмы регулирования мировой ресурсной политики

Аннотация

В статье рассматриваются попытки современных государств разработать наиболее оптимальную политику природопользования в связи с дефицитностью природных ресурсов, из-за которой разгорается конкурентная борьба на международной арене. Также в статье описываются способы противодействия возникновению эко-социальных конфликтов.

Ключевые слова: природные ресурсы, экология, эко-социальные конфликты, окружающая среда, природоохранные задачи.

Авторы

Зорин Владимир Юрьевич

Доктор политических наук,
профессор, заместитель директора
Института этнологии
и антропологии
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Кравцев Евгений Владимирович

Студент факультета политологии
Московского государственного
университета имени
М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

В самом общем виде ресурсная политика определяется как совокупность целей, задач, а также средств их осуществления, практически реализуемых государством и обществом для комплексного управления поисками, добычей, переработкой и использованием природных ресурсов в своих национальных интересах [7. — С. 2].

Формирование механизмов рационального использования природных ресурсов, а также технологий в области охраны окружающей среды становится важнейшим направлением для построения государственной политики ведущих

индустриальных стран мира. Качественно спланированная и организованная ресурсная политика является одним из ключевых критериев социального и экономического развития.

Современная ресурсная политика основывается на принципах эффективного природопользования, которые предполагают [4. — С. 275]: извлечение и переработку природных ресурсов, их возобновление или воспроизводство; использование и охрану природных условий среды жизни; сохранение, восстановление и рациональное изменение экологического баланса природных систем.

Механизмы регулирования мировой ресурсной политики

Также необходимо совершенствовать систему мониторинга и прогнозирования состояния природной среды, которая позволит непрерывно наблюдать за процессом использования ресурсов, поможет предугадать дальнейшие последствия принятых решений по природно-ресурсному вопросу. Ресурсная политика органично взаимосвязана с научно-техническим прогрессом. Инновационные разработки в различных областях НТП делают возможным переход с экстенсивного пути развития на интенсивный, что обуславливает экономию материалов, сырья и энергии на всех стадиях производства и потребления.

Тем не менее разработка оптимальной политики по управлению природными ресурсами на локальном, государственном и глобальном уровнях является крайне затруднительной проблемой. Во-первых, каждая страна отстаивает свои собственные национальные интересы по поводу реализации ресурсной политики, которые зачастую не совпадают с позициями других государств. Во-вторых, еще с давних времен сильнейшие мировые державы пытаются поставить под контроль как можно больше регионов с избытком природных ресурсов, чтобы в дальнейшем диктовать свои условия на международной арене. В-третьих, действия отдельных государств неоднократно выходят за рамки уже принятых деклараций и соглашений по поводу возможных стратегий по ведению ресурсной политики, так как опять же эти договоренности не всегда соответствуют желаемым целям мировых акторов. В-четвертых, деятельность преступных группировок, которые захватывают и грабят территории с большим количеством ресурсов, а затем нелегально распространяют и продают их, также мешает выработать наиболее рациональную политику природопользования.

Из этого всего можно сделать вывод, что если делать упор на стихийное развитие общества, то наш мир в скором времени столкнется с огромным количе-

ством вооруженных конфликтов и экологических катастроф. Поэтому необходимо создавать универсальные механизмы для снижения ресурсной напряженности в мировом сообществе. Осознание человечеством данной проблемы дало стимул к разработке и развитию специальных фондов и комитетов при международных организациях, призванных обеспечивать сбалансированное взаимодействие социума со средой обитания. Такие учреждения анализируют и оценивают политику природопользования различных государств, выступают в роли независимых регуляторов на мировой арене.

Одним из наиболее известных органов, занимающихся природоохранными задачами, является Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). ЮНЕП координирует работу всех структур системы ООН, отвечающих за устойчивое развитие человека в окружающей его среде. Главная миссия этого подразделения звучит так: «Обеспечивать руководство и поощрять сотрудничество в области защиты окружающей среды; вдохновлять, информировать и предоставлять странам и народам возможность повышения качества жизни без ущерба для будущих поколений» [10].

Другим органом ООН, в деятельности которого важное место отводится организации сотрудничества всех государств в природоохранной области, является Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС) [11]. Он проводит исследования и составляет обзоры по международным вопросам защиты окружающей среды, с помощью которых возможно отследить динамику развития взаимоотношений человека с природой.

Такие экологические учреждения, как Гринпис, Фонд дикой природы (WWF), Глобальный экологический фонд (GEF), Фонд «Охрана природного наследия» и т. д., тоже вносят свой вклад в оптимизацию ресурсной политики, так как они отстаивают и развивают идею сохранения всех огромных богатств, которые были дарованы человечеству природной средой.

Основные положения современной мировой ресурсной политики были освещены Генеральной Ассамблеей ООН в документе «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», который был принят 25 сентября 2015 г. [6]:

- 1) сделать возможным всеобщее, равноправное и безопасное пользование питьевой водой и санитарно-гигиеническими средствами для всех граждан;
- 2) обеспечить доступ к надежным, недорогим и устойчивым источникам энергии для всех;
- 3) способствовать развитию экологически устойчивой и стойкой инфраструктуры в развивающихся странах за счет увеличения финансовой, технологической и технической поддержки наименее развитых стран;
- 4) содействовать организации экологически устойчивой урбанизации;
- 5) к 2030 г. добиться рационального освоения и эффективного использования природных ресурсов;
- 6) защита и восстановление морских ресурсов и экосистем суши.

Для успешного выполнения поставленных целей в области построения наиболее приемлемой для современных условий ресурсной политики следует опираться на трехуровневую систему, состоящую из межгосударственного и внутригосударственного элемента, а также гражданского общества. Совмещение этих трех составляющих возможно только при использовании инструментов так называемого «мягкого права», под которым понимается руководство рекомендательными, а не общеобязательными нормами [2. — С. 84]. Такого рода формальные отношения рассматриваются как промежуточный этап в процессе оформления юридического документа.

В самом общем виде существуют 2 пути решения конфликтов, связанных с борьбой за природные ресурсы [9. — С. 121]:

- 1) урегулирование конфликта силовым методом, который применяется толь-

ко при чрезвычайно обострившихся ситуациях, когда возможно уберечься от взаимного уничтожения только с помощью внешнего вмешательства;

- 2) урегулирование мирным путем, который подразумевает собой совместные переговоры и решение споров с помощью диалога.

Безусловно, приоритетным направлением является ненасильственный метод, так как стадия его реализации не сопровождается ни людскими, ни ресурсными потерями, а также полностью соответствует международным предписаниям. Согласно ст. 33 Устава ООН: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны, прежде всего, стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору» [8].

Мирное разрешение конфликтов предполагает следующие действия [5. — С. 133]:

- 1) преобразование реальности под ожидания заинтересованных сторон, убирая тем самым изначальный предмет возможного конфликта;
- 2) изменение личного отношения к проблеме, лежащего в основе противоборства;
- 3) изменение отношения оппонента к проблеме.

При регуляции отношений конфликтующих сторон независимый посредник в лице международной организации или дипломата должен лишь помогать участникам противостояния выбрать оптимальный путь выстраивания их дальнейшей ресурсной и мировой политики, но не брать всю ответственность этого процесса на себя, так как международное право ставит под запрет вмешательство любых представителей во внутренние и внешние дела другого государства [3].

Механизмы регулирования мировой ресурсной политики

Также необходимо привлекать как можно больше представителей различных общественных слоев населения к урегулированию конфликта, чтобы на основе общего мнения в скором темпе разрешить конфронтацию и избежать ее смещения с межгосударственного уровня на более глобальный.

В наше время происходит как качественное, так и количественное увеличение примеров использования ненасильственных средств для разрешения международных споров, а также тенденция множества государств приводить право-

вое содержание принципа урегулирования международных конфликтов мирным способом в соответствии с требованиями общественной практики [1. — С. 39]. Такая политика, направленная на поддержание международной безопасности и развитие мирового сотрудничества, вносит существенный вклад в трансформацию современных природно-ресурсных отношений, которые не будут сопровождаться ожесточенной борьбой между всеми странами.

Литература

1. Батычко В. Т. Международное право. — Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2011. — 97 с.
2. Велижанина М. Ю. Борьба за контроль над природными ресурсами как причина внутренних вооруженных конфликтов // Актуальные проблемы современного международного права, Секция «Международное гуманитарное право». — М.: РУДН, 2012. — С. 74–84.
3. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/N%0/221/44/IMG/N%022144.pdf?OpenElement>.
4. Костин А. И. Экополитология и глобалистика: учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2005. — 418 с.
5. Манойло А. В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов // Мир и политика. — 2013. — № 10 (85). — С. 130–140.
6. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>.
7. Сергеев П. А. Ресурсная политика как фактор устойчивого развития мировой энергетики // Журнал: «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». — Вып. 12, 2011. — С. 2–5.
8. Устав ООН // <http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/387362/UNK-1.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
9. Mason S. A., Spillman K. R. Environmental conflicts and regional conflict management // Welfare Economics and Sustainable Development — Vol. 2. — Oxford, 2009. — С. 114–143.
10. Официальный сайт ЮНЕП. — URL: <https://www.unenvironment.org/ru/node/705>.
11. Официальный сайт Экономического и Социального Совета ООН. — URL: <https://www.un.org/ecosoc>.

Дискурсивная борьба в международной экологической политике

Аннотация

Статья рассматривает дискурсивные основы международной экологической политики, предлагая взгляд на дискурсивные стратегии как инструменты борьбы акторов за возможность закрепления своего представления о глобальных экологических проблемах в качестве доминирующего в мире. Выделяется два основополагающих мировоззрения, определяющих отношение акторов к экологическим проблемам, — «экономизм» и «устойчивое развитие». Придерживаясь одной из этих позиций, акторы продвигают ее в глобальных дискуссиях, используя три основные дискурсивные стратегии — категоризации, установления повестки дня и установления международных стандартов. Дискурсивная борьба и применение данных стратегий в международной экологической политике рассматриваются на примере проблем изменения климата и биоразнообразия.

Ключевые слова: дискурсивные стратегии, экологическая политика, устойчивое развитие, экономизм, биоразнообразие, изменение климата, климатический скептицизм.

Автор

Полулях Даниил Сергеевич

Кандидат политических наук,
преподаватель
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Международная экологическая политика является сферой бурного дискурсивного противостояния. Различные акторы (от государств и их блоков до гражданских объединений и отдельных личностей) применяют дискурсивные стратегии для закрепления своего представления о глобальных экологических проблемах как доминирующего в мире. В свою очередь, дискурс, добившийся доминирования, воздействует на всех акторов экологической политики, побуждая их проводить определенный курс. В то же время он неизбежно порождает

контргегемонистские тенденции, так как никакая гегемония не может быть полной и охватить все источники дискурса.

Случай экологической политики особенно интересен, так как в ней, в силу необходимости знать строгие природные законы, особую роль играет научно-экспертное знание, которое в текущей западноцентричной эпистеме считается непогрешимым и привилегированным в силу своей якобы политической и идеологической нейтральности [10. — Р. 67]. У доминирующего дискурса, подкрепленного экспертизой авторитетных эписте-

Дискурсивная борьба

в международной экологической политике

мических сообществ, появляются особые права на обладание «истиной», которое может стать оправданием для введения технократического управления и маргинализации альтернативных дискурсов.

В основе большинства дискурсов экологической политики лежат два полярных мировоззрения, которые необходимо рассмотреть.

* * *

Проблемы экологии, с одной стороны, связаны с ресурсными, а значит, и экономическими проблемами. С другой стороны, эти проблемы поднимают вопрос критериев социального, политического, экономического и международного прогресса в целом.

Традиционный подход к данным вопросам основан на принципе «экономизма», который был характерен, в частности, для «неоклассической школы», оказавшей большое влияние на выбор стратегий странами Запада в XX в. Неограниченный экономический рост здесь рассматривается как фундаментальная основа экономики. Ориентация на этот показатель помогает государству добиваться успеха, реализовывать крупные проекты и более полно удовлетворять потребности населения. Один из важнейших инструментов оценки роста экономики — расчет валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. Сегодня он часто рассматривается как показатель социального прогресса в целом [1].

Способом увеличения ВВП чаще всего признается развитие рыночной системы. Возникающие при этом негативные последствия для других аспектов человеческого развития признаются как неизбежные «социальные издержки». Допускается вмешательство государства для исправления существенных недостатков рынка, но наличие множества ограничивающих механизмов «социальной справедливости» и «охраны окружающей среды» будет препятствовать экономическому росту, а значит, замедлять прогресс.

Дискурс «экономизма» признает неолиберальную глобализацию как доминирующий тренд, который в будущем будет только углубляться, способствуя развитию стран.

Другой взгляд на соотношение экономических и экологических целей представляет дискурс «устойчивого развития». Он поднимает проблему рисков дальнейшего стимулирования экономического роста в условиях разрушающейся природной среды. Дерегулированные рынки способны спровоцировать даже природные катастрофы, поэтому основная задача, стоящая перед нациями, — это научиться управлять развитием. В отличие от чисто экономического представления о развитии данная концепция связывает прогресс также с улучшениями в социальной сфере и сфере экологии. Управление развитием, на котором настаивает рассматриваемый дискурс, должно осуществляться через формирование регулирующих институтов и институтов стратегического планирования.

Если для измерения экономической успешности стран используется расчет ВВП на душу населения, то для оценки успешности продвижения стран по пути устойчивого развития используются разные инструменты. Один из них был предложен на Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (2012 г.). Это «индекс реального богатства», который состоит из трех компонентов: произведенный капитал (машинное оборудование, инфраструктура), человеческий капитал (образование, здравоохранение, трудовые навыки населения) и природный капитал (природные ресурсы и экосистемы). Авторы методики советуют странам поставить в центр экономического планирования именно данный индекс, учитывающий все компоненты национального богатства.

Дискурс «устойчивого развития» иногда подвергается критике сторонниками традиционного подхода к экономике и защитниками национального суверенитета.

Так, утверждается, что многочисленные программы защиты окружающей среды, продвигающиеся дискурсом «устойчивого развития», по сути направлены на свертывание промышленного производства в развивающихся странах и тем самым замедляют темпы их развития.

На сегодняшний день концепция «устойчивого развития» получила широкое признание в международном сообществе и более ста стран приняли свои повестки и программы перехода к устойчивому развитию. Это не значит тем не менее, что никто из них не ориентируется на экономический рост как национальный приоритет. К примеру, в своей концепции устойчивого развития США и дальше планируют поддерживать «динамично развивающуюся экономику» при том, что на эту страну приходится значительная доля ущерба окружающей среде [3. — С. 74–75].

Многие развивающиеся страны также не уделяют большого внимания экологическим проблемам и их экономическая модель ориентирована, в первую очередь, на поддержание экономического роста и повышение уровня жизни [6. — С. 158]. Расчет «индекса реального богатства» показывает, что такие страны, как Китай, ЮАР и Бразилия, ориентируются прежде всего на рост ВВП, даже если это происходит за счет разрушения природного капитала: ископаемого топлива, лесов и т. д. [12]. Тем не менее многие из этих стран уже начали или запланировали изменение текущей ситуации. Так, Китай ставит сегодня перед собой задачи сокращения социального дисбаланса, развития низкоуглеродной экономики и расширения использования возобновляемых источников энергии. В то же время страна, как и раньше, считает быстрым экономический рост лучшим средством борьбы с бедностью, повышения уровня жизни и достижения стабильности. С этим однако не всегда согласны сторонники «устойчивого развития» [4. — С. 105].

Наиболее высокие позиции в рейтинге «реального богатства» занимают страны Евросоюза, а также Япония.

Таким образом, сторонники экономизма рассматривают прогресс в терминах возрастания экономической мощи и, соответственно, негативно оценивают любые попытки перевести внимание на проблемы, возникающие ниже (например, социальные проблемы) и выше (например, глобальные экологические проблемы) национального уровня. Соответственно, международное управление экологическими ресурсами данное мировоззрение рассматривает как вредное, сдерживающее развитие подлинных и единственных субъектов международных отношений — государств. С другой стороны, введение ограничений в области национального производства — это цена более дальновидной политики сохранения приемлемых условий жизни для всех. Глобальная координация действий правительств или даже глобальное управление — необходимый элемент в мировоззрении «устойчивого развития».

* * *

Как было показано, в мире сосуществуют два противоположных взгляда на цели развития. В данном разделе будут рассмотрены конкретные инструменты, используемые акторами дискурсивного противостояния по конкретным вопросам.

Обобщая представления ученых о дискурсивных стратегиях, мы выделяем три основных вида таких стратегий. *Стратегия категоризации* заключается в формировании ключевых для глобального развития понятий и конструировании новых проблем. *Стратегия установления повестки дня* направлена на ограничение всего поля идей и проблем несколькими наиболее важными. *Стратегия установления международных стандартов* формирует нормы, которые призваны регулировать поведение акторов и определяет «верный» путь развития для акторов. Последовательное применение трех стратегий создает условия для доминирования позиции определенного актора.

Дискурсивная борьба

в международной экологической политике

Рассмотрим международную дискурсивную борьбу на примере проблем изменения климата и биоразнообразия.

Формированием понятий в области *изменения климата* занимались различные «зеленые» движения, некоммерческие негосударственные организации, а также межгосударственные органы системы ООН. Ввод в международный дискурс понятий: «озоновый слой», «климатическая система Земли», «изменение климата» — имел существенные последствия для глобальной политики. Это произошло, прежде всего, из-за определения данных понятий как «глобальных общественных благ» и «общего наследия человечества», что само по себе стало создавать требования для государств в виде организации совместных систем управления, без которых дальнейшее развитие человечества будет под угрозой.

Особое влияние на формирование глобальной проблемы «изменения климата» оказала Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), благодаря которой проблема изменения климата, рассматривавшаяся в 1970-х гг. как локальная проблема (местные изменения в погоде, уровне моря), превратилась в глобальную угрозу, требующую широкой кооперации государств. Формировавшийся дискурс, кроме того, объяснял современное глобальное потепление антропогенными факторами (так называемая теория антропогенного потепления — АГП). Именно этот пункт был наиболее влиятельным с точки зрения поощрения кооперации и именно он стал наиболее спорным.

Дискурс получил распространение, но некоторые страны, в особенности те, кто не хотел предпринимать дорогостоящие меры по сокращению выбросов, увидели в нем попытку определенных акторов распространить свою «эпистемическую» власть в мире. Появились гипотезы, граничащие с теориями заговора, о злонамеренных планах ученых и политиков через искажение данных о динамике глобаль-

ного потепления получить политическую и экономическую власть над миром и его ресурсами, прикрываясь необходимостью неотложного решения климатических проблем [5].

Привлекательности подобной точки зрения добавил скандал, известный как «Климатгейт» (2009 и 2011 гг.). По мнению некоторых активистов, электронная переписка ученых, попавшая в руки хакерам, доказывает, что господствующая позиция по изменению климата связана с сокрытием информации, фальсификацией данных и закрытием доступа к публикации для ученых, не согласных с теорией АГП.

Такая позиция сегодня оформилась в мировоззрение «климатического скептицизма». Его приверженцы также пытаются распространить свое видение, однако делают это в основном через критику теории АГП. Не в силах коренным образом переориентировать человечество или создать конструктивную альтернативу, они ставят своей основной задачей создание т. н. «эпистемического хаоса», выражающегося в потере разделяемых большинством акторов представлений насчет реальности. Данную стратегию брали на вооружение республиканские администрации США — при Дж. Буше-младшем и Д. Трампе. При последнем США вышли из Парижского соглашения по климату. Также климатическими скептиками признаются иногда российские участники глобальных дискуссий. В публичной сфере Россия не демонстрирует желание связывать себя новыми обязательствами по климату. Россия еще не ратифицировала Парижское соглашение по климату (ратификация отложена до 2019 г.).

Но легитимность знания, распространяемого климатическими скептиками, также подвергается атаке. Так, в феврале 2012 г. в распоряжение прессы попали материалы, указывающие, что американская консервативная организация Хартлендский институт выплачивала большие суммы денег исследователям, критиковавшим АГП, а также планировала разработать учебные

планы для школ с целью продвижения климатического скептицизма [2].

Другой уровень противостояния по вопросу изменения климата связан с международной повесткой дня. Сторонники АГП смогли добиться широкого признания своей теории в международном сообществе и сделали вопрос глобального потепления одной из самых важных глобальных проблем. Противники, особенно среди представителей влиятельных государств, стараются противостоять проникновению данного вопроса в актуальную повестку дня, вытесняя его другими проблемами. В зависимости от соотношения сил между дискурсами формируется список проблем для обсуждения в рамках глобальных клубов и форумов.

Третий пласт дискурсивного противостояния основан на использовании стратегии установления стандартов. В нашем случае речь идет о наиболее приемлемых инструментах решения проблемы изменения климата. Как можно догадаться, позиция «климатического скептицизма» вообще не признает необходимость бороться с вредными выбросами. Поэтому вопрос инструментов подразумевает выбор между «жесткими» и «мягкими» инструментами. Текущие международные стандарты поощряют использование рыночных механизмов, а именно торговлю эмиссионными квотами на различных уровнях. Существует однако и альтернативный дискурс, критикующий рыночный подход как неэффективный и компромиссный по отношению к корпорациям и предлагает более жесткие и радикальные решения (от запрета на использование определенных технологий до изменения всей модели потребления).

Говоря о дискурсе изменения климата в целом, необходимо заметить, что на данный момент удерживает лидерство теория АГП благодаря разветвленной институциональной инфраструктуре, а в качестве основных методов борьбы с изменением климата признаны довольно мягкие рыночные подходы. Тем не менее в послед-

нее время консенсус все более размывается, и не только из-за неэффективности многосторонних соглашений по сокращению выбросов, но и, главным образом, из-за усилившейся активности позиции климатического скептицизма, которая, разрушая легитимность господствующего знания, уничтожает почву для кооперации.

В качестве второго примера мы возьмем проблему *биоразнообразия*. Так же, как и изменение климата, эта проблема изначально не имела глобальной проекции. В 1970-х и 1980-х гг. проблема сохранения биологических ресурсов решалась через принятие договоров, защищающих вымирающие виды. В конце 1980-х гг. природоохранные биологи отошли от концепции сохранения вымирающих видов и приняли более холистический подход. Путем масштабной концептуальной и политической работы биологами была создана «идея биологического разнообразия», которая подразумевала уже сохранение всей жизни на Земле. Таким образом была сконструирована еще одна глобальная проблема, обращавшая внимание международного сообщества на уменьшение биологического разнообразия в мире. Идея требовала организации новых программ сохранения биологических ресурсов.

Успешная работа по убеждению глобальных акторов в реальности понятия и самой проблемы привела к проникновению вопроса в глобальную повестку дня и международные экологические договоренности. Дискурсивная работа привела к подписанию в 1992 г. Конвенции ООН о биологическом разнообразии.

Однако Конвенция не полностью отражала точку зрения природоохранных биологов. Дело в том, что развивающиеся страны не хотели признавать биоразнообразие в качестве «общего наследия человечества», то есть были не согласны даже на уровне концептуализации. Это несогласие переросло в неприятие стандартов (в данном случае, инструментов) сохранения. С позиции развивающихся стран данными проблемами должно за-

Дискурсивная борьба

в международной экологической политике

ниматься не все «мировое сообщество», а каждое государство в отдельности на своей территории. Глобальные приоритеты у развивающихся стран ассоциировались с доминированием западного влияния и западного знания, поэтому в итоге режим биоразнообразия оказался основан на признании значительного суверенитета государств, которые сами должны быть определять приоритеты.

Еще одна попытка институционализировать дискурс была предпринята природоохранными биологами в 1994 г., когда состоялась публикация «Global Biodiversity Assessment». Это была попытка систематизировать знание о биоразнообразии также, как это делала МГЭИК в вопросах изменения климата. Однако в отличие от МГЭИК, эта попытка не увенчалась успехом: ГВА была признана политически нелегитимной.

Стало очевидно, что строить режим необходимо на основании компромисса между представлениями развитых и развивающихся стран. Поэтому в 2001 г. была основана «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» — международная эпистемическая организация, которая занималась вопросами биоразнообразия, не затрагивая проблему общего наследия

человечества. Организация сосредоточилась на установлении необязывающих стандартов и выработке единого подхода к оценке экосистем.

Таким образом, режим биоразнообразия оказался основан скорее на компромиссе, чем на гегемонии одной стороны. Во многом это стало результатом активного участия развивающихся стран в глобальных дискуссиях и внимательного отслеживания изменений на институциональном ландшафте.

Международная экологическая политика формируется во многом через использование акторами дискурсивной, в особенности научно-экспертной силы, кристаллизирующейся в результате дискурсивной борьбы в новые концепты, повестки дня и международные стандарты. Обращение к дискурсивному измерению международной экологической политики предоставляет государствам (в том числе и России) и другим акторам возможности для выработки стратегии, которая будет продвигать их интересы на глобальном уровне и препятствовать установлению дискурсивной гегемонии со стороны других акторов по различным вопросам мировой политики.

Литература

1. Вебер А. Б. В поисках новой парадигмы развития // Век глобализации. — 2013. — № 1. — URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18817-v-poiskah-novoy-paradigmy-razvitiya.html>.
2. Вебер А. Б. Страсти по климату. Кто и почему против борьбы с глобальным потеплением? // Век глобализации. — 2015. — № 1. — URL: http://www.globalistika.ru/Globalistika/a_g2015_1.pdf.
3. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации: Взгляд из России. — М.: ИНФРА-М, 2005. — 224 с.
4. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. — М.: Весь Мир. — 2010. — 244 с.
5. Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот?». — М.: ОГИ. — 2011. — 944 с.
6. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. ак. А. А. Дынкина. — М.: Магистр. — 2011. — 480 с.
7. Adler E., Bernstein S. Knowledge in power: the epistemic construction of global governance // Power in Global Governance / Michael Barnett and Raymond Duvall (eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — P. 294–319.

-
8. *Halpin T.* Is Russia behind the Climategate hackers? // The Times. — December 7, 2009. — URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/is-russia-behind-the-climategate-hackers-x95jg5drkw>.
 9. *Miller C. A.* Democratization, International Knowledge Institutions, and Global Governance // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. — Vol. 20. — № 2. — April 2007. — P. 325–357. — URL: <http://www.cspo.org/gck/documents/Miller%20-%20Governance.pdf>.
 10. *Pettenger M. E.* Introduction: Power, Knowledge and the Social Construction of Climate Change // The Social Construction of Climate Change: Power, Knowledge, Norms, Discourses / Mary E. Pettenger (ed.). — Ashgate Publishing, Aldershot. — England, 2007. — P. 1–22.
 11. *Takacs D.* Ideas of Biodiversity: Philosophies of Paradise. — Baltimore. — MD: Johns Hopkins University Press. — 1996. — 392 p.
 12. UNU-IHDP and UNEP. Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress toward sustainability. — Cambridge: Cambridge University Press. — URL: <https://static1.squarespace.com/static/520a18b8e4b03ad27ab9e4d1/t/527a3a4ce4b0a1d397622003/1383742028858/Inclusive-Wealth-Report-2012-UNU-IHDP-UNEP-Low-Res-updated-25-July.pdf>.
 13. *Upton J.* Paris Pact Promotes But Complicates Carbon Trading // Climate Central [site]. — February 23rd, 2016. — URL: <http://www.climatecentral.org/news/paris-pact-promotes-but-complicates-carbon-trading-20058>.

Политико-правовой механизм международной экологической интеграции

Аннотация

Представленная статья посвящена рассмотрению современных механизмов реализации экологической политики, в частности международно-правовых аспектов экологической интеграции. Проанализированы проблемные аспекты сотрудничества государств в сфере реализации экологической политики. Выделены перспективные направления международной интеграции в экологической политике. Выдвинута гипотеза о возрастающей зависимости национальной экологической политики от норм международного права и проводимой политики в сфере охраны окружающей среды других государств.

Ключевые слова: экологическая политика, экологическая интеграция, экология, экологические проблемы, природная среда, международное сотрудничество.

Автор

Посталовская Ольга Александровна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии
Белорусского государственного
экономического университета
(Минск, Беларусь)

На современном этапе развития мировой цивилизации резко возросла зависимость функционирования общественных систем и прежде всего государства от механизмов их рационального регулирования. Политическая стабильность, социальные параметры развития общества, обеспечение экономической, национальной, демографической, экологической безопасности являются важнейшими показателями эффективности государственной политики и управления. На всех уровнях развития общества происходит возрастание роли социального управления, которое состоит не только в принятии решений, разработке стратегий и политических курсов, но и в создании реальных механизмов их осуществления и реализации. Государ-

ственное управление в области охраны окружающей среды представляет собой сложный механизм осуществления экологической политики, успешная реализация которой обеспечивает решение экологических проблем. Поэтому повышение эффективности управления экологической сферой является важнейшим направлением экологической политики государства в современном мире.

Одной из важнейших задач современной экологической политики государств является минимизация негативного воздействия производства на окружающую природную среду. Достижение этой цели связано, в первую очередь, с созданием и применением новых экологических технологий и практик, которые разработаны современной наукой и продолжают далее

совершенствоваться. В указанных контекстах особую значимость представляют инструментарий и последующий механизм реализации экологической политики как важнейший фактор обеспечения защиты природоохранной сферы.

Механизм реализации государственной политики всегда во все времена был связан с правом, но никогда ранее правовой механизм осуществления и реализации экологической политики не был таким сложным, как в настоящее время. С. А. Балашенко в своей монографии «Государственное управление в области охраны окружающей среды» глубоко проанализировал особенности государственного управления в сфере экологии, показал, как в данной сфере формируется и функционирует правовой и организационный механизм охраны природных объектов и ресурсов [1]. Н. А. Карпович в своих работах представила авторскую методологию исследования экологической функции государства в контексте определения направлений и пределов государственной интервенции в экологическую сферу [7. — С. 102]. Исследователь подчеркнула целесообразность выделения в современных условиях внешнеэкологической протофункции государства как прототипа новой формирующейся самостоятельной функции.

В современных условиях влияние внешних факторов на правовое обеспечение экологической политики усилилось. Поэтому на национальном уровне экологическое законодательство все сильнее начинает взаимодействовать с международными правовыми документами. Основу политико-правового обеспечения экологической политики составляют *конвенции и соглашения в сфере экологии*. Эти документы приобретают особое значение для формирования и реализации экологической политики не только на уровне государства, но и в международном масштабе. По мнению В. М. Константинова, они представляют собой «инструмент согласования интересов различных государств»

[9. — С. 178]. «Осуществляя сотрудничество по экологическим вопросам, — пишет Ю. А. Гаврилова, — государства руководствуются именно международными экологическими нормами» [3].

Международные соглашения, договоры и конвенции в сфере экологии образуют правовую основу международного сотрудничества. Они являются «фундаментом» для международного сотрудничества государств по вопросам экологии. Н. Н. Марфенин считает, что «процессы глобализации придают взаимозависимости государств всеохватывающий и универсальный характер» [11. — С. 3], а «основой для достижения устойчивого экологического развития является интеграция природоохранной деятельности в более широкий контекст» [11. — С. 576–577]. В современных условиях именно международные документы в области охраны окружающей среды определяют дальнейшие направления экологической политики на уровне национальном. В целом в мире насчитывается более 300 общих, региональных и двусторонних международных соглашений, которые непосредственно затрагивают проблемы охраны окружающей среды [11. — С. 253].

Впервые принципы международного экологического сотрудничества были сформулированы в Декларации Стокгольмской конференции ООН по проблемам окружающей среды в 1972 г. Эта конференция стала импульсом к развитию межгосударственных экологических отношений. Более того, в соответствии со Стокгольмским планом действий, как отмечает А. И. Костин, «во многих государствах, прежде всего, развитых, в 1970-е гг. начало активно развиваться экологическое законодательство, были образованы государственные органы охраны природы и стали регулярно издаваться национальные доклады об окружающей среде» [10. — С. 330]. Именно после Стокгольмской конференции получил новый импульс процесс заключения международных конвенций, договоров, соглашений

Политико-правовой механизм
международной экологической интеграции

в области охраны окружающей среды. С их помощью, указывает ученый, «глобальные и региональные экологические проблемы были переведены в область юридических отношений заинтересованных государств» [10. — С. 330–331].

Правовую основу международного сотрудничества в сфере экологии образуют международные договоры. В области охраны окружающей среды международные договоры чаще всего называют конвенциями. В конвенциях заключены основные обязательства государств в осуществлении экологической деятельности на основе сотрудничества. Дополнительные договоры, которые несут уточнения и дополнения в конвенции, носят название протоколов.

Международные договоры могут быть классифицированы по степени связанности предмета регулирования с природоохранительной проблематикой (в данном случае понятия «природоохранительный» и «экологический» используются как равнозначные, под которыми понимается охрана и оздоровление окружающей среды). Это договоры, которые не содержат природоохранительных международных норм, но по своему смыслу содействуют охране объектов природы от истощения (например, правовой режим водоемов); договоры, регулирующие отношения по использованию природных объектов, но содержащие отдельные положения об охране этих объектов. В данном случае акцентируется внимание на группе договоров, которые полностью регулируют природоохранительные вопросы. Именно эта группа договоров составляет нормативную основу международного экологического права. Среди них, прежде всего, необходимо отметить рамочные соглашения, так как они, как правило, фиксируют общие для всех государств-участников обязательства, но при этом не ограничивают договаривающиеся стороны перечислением запрещенных действий.

В области охраны окружающей среды первой рамочной конвенцией была Бар-

селонская конвенция 1976 г. по защите Средиземного моря от загрязнения, которая обсуждалась и была принята под эгидой Программы ООН по охране окружающей среды (ЮНЕП). На данный момент к ней прилагаются протоколы по таким темам как: утилизация вредных отходов, наземные источники загрязнения морей, срочные ответные меры в аварийных ситуациях при разливе нефти и особо охраняемые зоны. Примерами рамочных конвенций могут служить также Конвенция ООН 1992 г. о проблеме изменения климата, которая привела к принятию в 1997 г. Киотского протокола, пролонгация второго периода действия которого произошла 1 января 2013 г., Конвенция об изменении климата (Нью-Йорк, 1992 г.), Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), Конвенция по защите морской среды Каспийского моря, подписанная в Тегеране в 2003 г. и дополненная в 2011 г., и др. Среди наиболее важных конвенций в сфере экологии необходимо назвать: Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1977 г.), Конвенцию о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (1979 г.), Базельскую конвенцию о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (1989 г.), Венскую конвенцию об охране озонового слоя (1985 г.), Конвенцию по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (1991 г.).

В процессе формирования и реализации экологической политики современного государства конвенции выступают в качестве ориентира. В условиях глобализирующегося мира значение этих «ориентиров» значительно возросло, а цели, обозначенные в конвенциях, в настоящее время приобрели еще большую актуальность. Это подтверждает ряд исследователей. В частности, А. И. Костин подчеркивает, что «в условиях нарастающего кризиса окружающей среды значение

международного сотрудничества неизмеримо возрастает, а роль международных механизмов, способных обеспечить экологическую безопасность государств и рациональное использование природных ресурсов как общечеловеческого достояния, повышается» [10. — С. 330].

Тем не менее необходимо отметить, что конвенции не всегда «работают» в конструктивном ключе. Так, ст. 1 Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду гласит: «каждое государство-участник обязуется не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, имеющих широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику» [8]. Но, несмотря на положения указанной Конвенции, не все государства их исполняют. В ходе войны в Персидском заливе осуществлялось крупномасштабное разрушение природной среды в военных целях. Действия иракских войск привели к разливу кувейтской нефти в воды Персидского залива.

11 декабря 1997 г. в дополнение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), разработанной на основании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 45/212 в 1991 г., был принят Киотский протокол, обязывающий развитые страны и страны с переходной экономикой сократить и стабилизировать выбросы парниковых газов. К 2004 г. Протокол был ратифицирован всеми странами Европейского союза, Канадой, Японией и развивающимися странами. Но он не был ратифицирован США. В силу этого данный документ не стал обязательным для исполнения и другими странами. США, являясь крупнейшим загрязнителем атмосферы, постоянно откладывают подписание данного документа. Пользуясь правом «вето», эта ведущая мировая держава использует политические рычаги давления

для достижения собственной экономической выгоды. Этот факт подтверждает невозможность исключения политической составляющей из сферы правового регулирования и постоянное возрастание ее роли. Даже учитывая неоднозначность Киотского протокола, можно говорить о том, что свою главную задачу он выполнил: поднял вопрос о необходимости сокращения негативных экологических последствий и стал стимулом для разработки и внедрения нормативно-правовых документов, способствующих международной интеграции государств и решению вопросов в области охраны окружающей среды. Однако нельзя не отметить и тот факт, что не все государства исполняют соглашения в сфере экологии, что свидетельствует о наличии проблем в функционировании механизма правового обеспечения разрешения экологических проблем.

В декабре 2007 г. в Индонезии состоялась XIII сессия Конференции сторон РКИК ООН, в ходе которой было подготовлено соглашение, которое должно было прийти на смену Киотскому протоколу после 2012 г. Официальные переговоры по будущему климатическому режиму на период после 2012 г. состоялись 7–8 декабря 2012 г. в столице Катара — Дохе.

В результате обсуждения, продолжавшегося более 24 часов, участниками 18-й рамочной конференции ООН по изменению климата был принят пакет решений по всем переговорным вопросам — единый «Дохийский климатический портал» (Doha Climate Gateway). Важность и трудность принятия решений на этой конференции подчеркивались многими ее участниками.

«Я выражаю глубокую признательность всем участникам встречи за проявление доброй воли и трудную миссию по продвижению этого процесса в заданном направлении», — сказал президент форума Абдалла бен Хамад Аль Атыйя по завершении переговорного марафона [6]. «Пакет решений, принятых в Дохе, это скромный, но важный шаг вперед, — ска-

Политико-правовой механизм
международной экологической интеграции

зала журналистам еврокомиссар по климату Конни Хедегард. — Это был непростой путь, не очень красивый и уж точно не очень быстрый путь, но мы добрались до другой стороны „моста“ из старого в новый режим климатической политики» [6].

Необходимо подчеркнуть, что решение указанной проблемы в современных условиях напрямую затрагивает политические и экономические интересы всех государств мира. По мнению директора Института проблем глобализации М. Г. Делягина, Киотский протокол представляет собой не «инструмент сдерживания глобального потепления», а «инструмент создания нового глобального рынка», рынка квот на выбросы парниковых газов и использование этого рынка в политических целях» [14. — С. 32].

В 2009 г. в Копенгагене, а в 2010 г. в Канкуне (Мексика) накануне окончания срока действия Киотского протокола ведущими странами мира были начаты переговоры о так называемых посткиотских принципах, то есть о новом международном «климатическом соглашении». В ходе этого обсуждения разгорелся большой спор, так как и для развитых государств, и для развивающихся стран характерно стремление покупать квоты у других стран, тем самым государства легализуют выбросы и не стараются их сокращать. Это обстоятельство объясняется отсутствием стремления многих стран снижать свою производственную активность, что является одной из причин того, что некоторыми правительствами было решено отказаться от участия в Протоколе. Так, США отказались присоединиться к Киотскому протоколу. Обусловлено это было, прежде всего, политическими и экономическими факторами. Еще в конце 1999 г. наметились серьезные разногласия между США и Европейским союзом. Поиски общей позиции по экологическим вопросам на переговорах продолжались до конца 2000 г. и были прекращены новой администрацией США, заявившей, что отказ от Киотского протокола обусловлен высо-

кими финансовыми затратами для США. Академик РАН Ю. А. Израэль отмечает, что это действительно так: «...уже к 2000 г. выбросы углекислого газа в США превышали уровень 1990 г. более чем на 12 %. Относительно 2000 г. к учетному периоду их следовало снизить на 19 %». По мнению ученого, для экономики США такая задача разрешима даже без таких возможностей, как покупка квот на выбросы CO₂. Однако Европейский союз лучше подготовлен к реализации предусматриваемых Протоколом мер. Их реализация обходилась европейцам дешевле, чем американцам. Тем самым «главный конкурент США получал экономическое преимущество, с чем американскому бизнесу было трудно согласиться» [2. — С. 39]. При определении факторов, мотивирующих Европейский союз на проведение активной политики в сфере экологии, было выявлено, что Киотский протокол рассматривается ЕС в качестве «одного из инструментов достижения долгосрочного лидерства в этой сфере» [13. — С. 5].

В 2011 г. министр экологии Канады Питер Кент в официальном заявлении объявил о выходе Канады из Киотского протокола, охарактеризовав глобальное климатическое соглашение как «неработающее». По словам министра, Киотское соглашение не охватывает двух крупнейших эмитентов парниковых газов в мире — США и Китай, в то время как Канада «ответственна» только за 2 % глобальных выбросов. Ряд экологов связывают шаг Канады с планами страны развивать добычу нефти из битуминозных песков — об этом представители страны не раз заявляли даже на климатических переговорах [6].

От участия во втором периоде действия Протокола отказались Россия, Япония и Новая Зеландия. В частности, российская делегация выразила свое несогласие с изменением правил переноса квот на эмиссию, накопленную в период действия Протокола с 2005 г. и высказала мнение о том, что положения документа

направлены против государств, выбросы парниковых газов которых до 2020 г. будут расти. Некоторые специалисты, в частности профессор А. К. Тулохонов, директор Байкальского института природопользования СО РАН, довольно скептически относятся к продлению действия Киотского протокола. Они не прогнозируют значительного сдвига в сторону уменьшения выбросов газов и отмечают, что «на долю государств, подписавших данный Протокол, приходится только 15 % от общего объема выбросов парниковых газов, поэтому Киотский протокол является неэффективным и все предусмотренные в нем механизмы для предотвращения угрозы изменения климата не смогут решить эту проблему» [14. — С. 3]. Такого же мнения относительно Киотского протокола придерживается и академик РАН Ю. А. Израэль [2]. Авторы этой точки зрения утверждают, что даже если согласиться с доводами о том, что антропогенные выбросы парниковых газов вредят экологической обстановке в мире, то в Киотском протоколе нет реальных механизмов для регулирования выбросов.

Более того, получение многими развивающимися странами средств в результате продажи углеродных квот в современной международной политике вызывает ряд сомнений. Во-первых, для ратификации поправки к Протоколу, согласно которой государство берет на себя обязательство не превышать 92 % уровня выброса парниковых газов относительно выбросов 1990 г., необходимо несколько лет, поскольку для того, чтобы ее осуществить, нужно чтобы поправка была ратифицирована более чем 100 государствами. Во-вторых, покупка углеродных квот осуществляется, в первую очередь, у стран Европейского союза, у которых есть излишек углеродных единиц. В-третьих, готовность многих государств к продаже квот остается недостаточной [14. — С. 3–5].

Однако, несмотря на наличие больших проблем в плане реализации положений Киотского протокола, нельзя не отметить

его значение. Так, М. Грабб в работе «Киотский протокол. Анализ и интерпретация» пишет о том, что, несмотря на то, что Киотский протокол не является идеальным примером международного сотрудничества в области экологии, тем не менее он может выступать в качестве наилучшего компромисса, к которому смогло прийти мировое сообщество в сфере экологии. «Киотский протокол и Конвенция, на которой он основывается, — это фундамент для объединения усилий с целью успешной реализации эффективной экологической политики и решения проблемы климатических изменений» [5. — С. 294]. Особо следует подчеркнуть, что Киотский протокол стал одним из глобальных международных соглашений в области экологии. Его реализация представляет собой долгосрочный процесс и затрагивает обширный круг проблем.

При общей заинтересованности стран в предотвращении экологической катастрофы им часто чрезвычайно трудно согласовать свои позиции по целому ряду важнейших вопросов. Но, в соответствии с тенденциями роста экологических проблем, государствам необходимо стремиться осуществлять свою деятельность на следующих принципах:

- 1) Окружающая природная среда не имеет государственных границ — это общая забота человечества.
- 2) Ответственность перед мировым сообществом за использование природных ресурсов несут все страны без исключения.
- 3) Экологическая политика должна носить «превентивный» характер. Это значит, что возможная угроза нанесения вреда природной среде должна быть просчитана заранее.
- 4) При существовании гипотетической возможности экологического нарушения должны применяться природоохранные меры.
- 5) Содействие международному сотрудничеству в исследовании и использовании окружающей среды.

Политико-правовой механизм
международной экологической интеграции

Ведущей международной организацией, в рамках которой были предприняты первые шаги на пути совместной природоохранной деятельности государств, стала Организация Объединенных Наций. В рамках организаций системы ООН была создана специальная программа по окружающей среде — ЮНЕП (англ. UNEP, United Nations Environment Programme), которая была призвана способствовать координации деятельности по охране природы всех ее участников и нести ответственность за разрешение всех связанных с экологией вопросов как на глобальном, так и региональном уровне. Для осуществления экологических программ был создан постоянно действующий Координационный совет, секретариат которого разместился в Кении. С 1997 г. ЮНЕП публикует доклады «Глобальной экологической перспективы» (ГЕО). Наиболее масштабным проектом являлся четвертый доклад ГЕО, опубликованный в 2007 г. Главная цель доклада — объединить усилия науки и политики. Концептуальная база ГЕО основана на концепции «движущие силы — нагрузка на окружающую среду — состояние — воздействие — ответные меры» [4. — С. 2–31].

Анализ документов и процессов, происходящих в сфере международного сотрудничества по проблемам экологии, позволяет сделать выводы о том, что основными направлениями международной интеграции в экологической политике являются: 1) охрана природных систем, объектов, биологического разнообразия, поддержание планетарного экологического равновесия; 2) оздоровление окружающей природной среды; 3) формирование международной экологической ответственности за действия, способные вызвать деградацию окружающей среды.

Международная интеграция в экологической политике обеспечивается заключением международных соглашений для курирования природоохранных мероприятий и их совместного осуществления, а также «конвенционным» сотрудничеством, которое предполагает достижение

единства взглядов различных государств по вопросам решения экологических проблем.

Несмотря на то, что на глобальном уровне задачи реализации совместной экологической политики особенно сложны, государствами предприняты значительные усилия по установлению контроля над экологической ситуацией, что находит свое отражение в многочисленных совместных межгосударственных программах и проектах.

К концу XX в. сформировалась глобальная система мониторинга окружающей среды (ГСМОС), цели которой определяются в ходе международного сотрудничества по экологическим вопросам в рамках различных международных организаций, конвенций и деклараций. Действует множество различных межгосударственных проектов. Среди которых можно отметить такие как: Глобальный анализ, интерпретация и моделирование (МГБП), Глобальная система наблюдений климата (ГСНК), Глобальная система наблюдения за океаном (ГСНО), Всемирная климатическая программа (ВКП) и многие другие.

Список международных и региональных программ и проектов в области экологии ежегодно пополняется новыми проектами, которые охватывают незатронутые аспекты экологических проблем [15. — С. 286–287]. Среди них можно выделить Седьмую Рамочную программу научно-технологического развития ЕС, которая стала основным инструментом поддержки исследования общеевропейского значения в области окружающей среды и сотрудничества ЕС с остальным миром по решению глобальных проблем в сфере экологии, климата и природных ресурсов [12. — С. 150].

Влияние различных государств на ухудшение качества окружающей среды не одинаково, но совместные поиски новых форм сотрудничества, эффективных мер по охране окружающей среды, комплексной оценке и дальновидному использованию природных ресурсов — общее дело всех государств. Этому должен

способствовать конструктивный, прежде всего, политический диалог между ними.

В современном мире политическое сотрудничество в сфере экологии приобретает еще большее значение. Национальная государственная экологическая политика становится все более зависимой от решений, принятых на международном уровне, от норм международного права и экологической политики соседних государств.

Углубление экологической интеграции, тщательный анализ нужд всех стран с учетом их географического положения, размеров территории, уровня экономического развития является одним из возможных правильных путей к созданию продуманной системы международных мероприятий по охране окружающей среды. Интеграция экологической деятельности в более широкий контекст развития является основой для достижения устойчивого экологического развития.

В современных условиях уже можно говорить о том, что накопился определенный опыт политического регулирования международной интеграции государств в сфере экологии и на этой основе появились новые формы политического сотрудничества в экологической сфере.

Проблема охраны природы носит перманентный характер. Она не принадлежит к числу проблем, исчерпываемых однократным решением. Это долгосрочная стратегия мироустройства XXI в. на новых началах сотрудничества и партнерства между государствами и народами.

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что окружающая человека природная среда представляет собой единое целое и все государства, несмотря ни на какие различия между ними, связаны данным единством и ответственностью за сохранение природы в интересах настоящих и будущих поколений. Международные экологические проблемы должны решаться согласно общим принципам, правилам и нормам сотрудничества. В современных условиях обеспечение экологической политики происходит и в правовой, и в политической форме, идет процесс формирования единого политико-правового механизма, закрепленного в политических документах, национальных законодательствах государств, а также в документах международного формата.

Обострение глобальных проблем на современном этапе развития цивилизации ставит все новые задачи перед государственным управлением экологической сферой в каждой стране и международным сотрудничеством. Увеличивающаяся взаимозависимость стран друг от друга меняет роль самих государств в решении экологических проблем. Их деятельность по охране окружающей среды и взаимодействие в сфере экологии формирует новую область современных международных отношений — международных экологических отношений.

Литература

1. *Балашенко С. А.* Государственное управление в области охраны окружающей среды / С. А. Балашенко. — Минск: Белорус. гос. ун-т, 2000. — 341 с.
2. *Возможности предотвращения изменения климата и его негативных последствий. Проблема Киотского протокола: материалы Совета-семинара при Президенте Рос. акад. наук / отв. ред. Ю. А. Израэль; ред.-сост. Н. М. Шушарина.* — М.: Наука, 2006. — 407 с.
3. *Гаврилова Ю. А.* К вопросу о классификации норм и источников международного экологического права / Ю. А. Гаврилова // *Вестн. Казахст.-Амер. свобод. ун-та: online версия журн.* — 2009. — № 4. — Режим доступа: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/20/831>. — Дата доступа: 17.02.2017.

4. Глобальная экологическая перспектива: окружающая среда для развития (ГЕО-4): резюме для лиц, принимающих решения / Орг. Объед. Наций. — Найроби: ООН, 2007. — 32 с.
5. *Грабб М.* Киотский протокол: анализ и интерпретация: пер. с англ / М. Грабб, К. Вролик, Д. Брэк. — М.: Харвест-Принт, 2002. — 303 с.
6. Итоги конференции ООН: Киотский протокол по защите климата продлен до 2020 года // Deutsche Welle. — URL: <http://www.dw.de/итоги-конференции-оон-киотский-протокол-по-защите-климата-продлен-до-2020-года/a-16439482> (дата доступа 01.03.2015).
7. *Карпович Н. А.* Экологическая функция государства: в 2 ч. / Н. А. Карпович. — Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2011. — Ч. 1. — 293 с.
8. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду [г. Женева, 18 мая 1977 г.] // Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на тридцать первой сессии: офиц. отчеты, доп. № 39 (A/31/39) / Орг. Объед. Наций. — Нью-Йорк, 1977. — Т. 1: 21 сентября — 22 декабря 1976 года. — С. 35–37.
9. *Константинов В. М.* Экологические основы природопользования / В. М. Константинов, Ю. Б. Челидзе. — М.: Академия, 2006. — 207 с.
10. *Костин А. И.* Экополитология и глобалистика / А. И. Костин. — М.: Аспект пресс, 2005. — 414 с.
11. *Марфенин Н. Н.* Устойчивое развитие человечества / Н. Н. Марфенин. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — 624 с.
12. *Мееровская О. А.* Международное сотрудничество Беларуси в области окружающей среды: состояние и перспективы / О. А. Мееровская, Н. Л. Сухан // Устойчивое развитие Республики Беларусь на принципах «зеленой» экономики: сб. ст. по докл. научно-практической конференции, Минск, 5 июня 2012 г. / Программа развития ООН в Респ. Беларусь. Сост. М. Г. Герменчук; под общ. ред. В. И. Ключеновича. — Минск, 2012. — С. 141–155.
13. *Сухоносенко Н. А.* Киотский протокол как форма международного регулирования в сфере экологии: автореф. дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Н. А. Сухоносенко; Моск. гос. ун-т. — М., 2005. — 26 с.
14. *Тулохонов А. К.* Киотский протокол: проблемы и решения: аналит. обзор / А. К. Тулохонов, С. Д. Пунцукова, Э. М. Зоимонова. — 2-е изд., стер. — Новосибирск: Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2009. — 116 с. — (Сер. «Экология»; Вып. 89).
15. *Фёдоров А. В.* Международные и иностранные организации по природопользованию и охране окружающей среды: справочник / А. В. Фёдоров, Е. А. Высторобец, Н. Г. Добрынина; под ред. Н. Г. Рыбальского, В. Е. Кульбиды. — М.: НИА-природа, 2000. — 197 с.

Приоритеты экологической политики Федеративной Республики Германия в современных условиях

Аннотация

В статье исследованы официальные подходы Германии к экологической политике. В статье показано, что ФРГ уделяет значительное внимание экологии. Дана характеристика основным способам улучшения состояния окружающей среды, в том числе деятельности по экологизации сознания немецких граждан. В рамках этой деятельности проводятся научные и образовательные мероприятия, направленные на распространение информации о состоянии окружающей среды и мерах по ее улучшению.

Ключевые слова: экология, Германия, политика экологизации сознания, альтернативные источники энергии, атомные электростанции.

Авторы

Белозёров Василий Клавдиевич

Доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии
Московского государственного
лингвистического университета
(Москва, Россия)

Кирилина Елизавета Юрьевна

Студентка
по направлению «Политология»
Московского государственного
лингвистического университета
(Москва, Россия)

После того, как в XX в. почти никто из стран не следил за окружающей средой, ситуация стала более чем опасной. Проблема экологии обрела в настоящее время глобальный масштаб, следовательно, ее можно решить лишь усилиями всех субъектов международных отношений, а не усилиями отдельно взятой страны. Неудивительно поэтому, что ключевые акторы мировой политики прилагают значительные усилия для ее решения. Следует при этом констатировать и то, что ранее, в условиях биполяр-

ной системы международных отношений, соперничающие страны не отдавали себе отчет в степени загрязнения окружающей среды, поскольку были заняты гонкой вооружений, ростом тяжелой промышленности, что отрицательно влияло на экологию. Тем не менее в 1972 г. Стокгольмская конференция ООН по окружающей среде приняла два важных документа: Декларацию принципов и План мероприятий. Они сыграли ключевую роль в разработке экологической политики государств и активизации международного сотрудни-

Приоритеты экологической политики Федеративной Республики Германия в современных условиях

чества в данной сфере. В августе 1975 г. в Хельсинки состоялось совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором участвовали все европейские страны (за исключением Албании), США и Канада. Один из разделов заключительного акта проведенного форума был посвящен вопросам экологической безопасности.

В конце XX — начале XXI в. государства стали более пристально следить за состоянием экологии. Проводится значительное количество конференций, встреч высокого уровня по вопросам окружающей среды. В 2015 г. в Париже состоялась международная конференция по вопросам изменения климата, инициатором которой была ООН. Все страны в мире в большей или меньшей степени вовлечены в дискуссию о проблемах экологии. Важный вклад в решение проблемы сегодня вносит Германия.

Актуализация экологической политики ФРГ

Правительство ФРГ в конце XIX — начале XX в., как и другие, не отдавало себе в полной мере отчет относительно загрязнения окружающей среды. Ведь не так давно реку Рейн называли «сточной канавой Европы». На территории земли Северный Рейн-Вестфалия расположен Рурский бассейн, где ведется добыча серого и бурого угля [7]. Из-за проблем с экологией и добывающей промышленности население земли бастовало и требовало «голубого неба над головой».

Уже в 1960-е гг. жители Северной Германии стали все настойчивей требовать от властей «чистого неба над Руром». Казалось бы, несбыточное стало возможным. Удалось изменить коренным образом экономику Северного Рейна-Вестфалии. Если до 60-х гг. прошлого века каждый восьмой наемный рабочий трудился в угольной промышленности, то сейчас — лишь каждый двадцать пятый. Были закрыты нерентабельные шахты, на месте открытых угольных разрезов появились

искусственные озера и парки. Люди перешли на работу в средние и мелкие фирмы, их в земле более 500 тысяч, многие из которых оснащены самыми современными технологиями.

Сегодня же ФРГ является лидером в инновациях и технологиях в Европе. В Германии развиваются технологии переработки вторичного сырья и выработки вторичной энергии. Выработка осуществляется при помощи солнечной энергии, силы приливов и отливов, ветряных установок. Такой подход получил свое развитие во многом потому, что Германия бедна полезными ископаемыми, поэтому именно на стыке экономики и экологии ФРГ проводит свою «зеленую» политику.

ФРГ продолжает продвигаться в этом направлении. К примеру, согласно Киотскому протоколу от 11 декабря 1997 г., Германия должна была снизить количество выбросов углекислого газа на 21 % к 2012 г. Германия достигла этого показателя уже в 2008. О направленности экологической политики страны свидетельствует также и то, что одной из основных целей являлось удвоение до 2010 г. доли возобновляемых источников энергии в области электрификации до уровня 12,5 %. Данная установка была достигнута досрочно, уже в 2007 г. Сегодня Германия входит в первую десятку стран ЕС, использующих возобновляемые источники энергии [7].

В настоящее время сформировались принципы, которыми руководствуется Германия в своей экологической политике, данные принципы являются общими для всех стран — участниц Европейского союза [8; 2]:

- 1) Сходство многих экологических проблем в европейских государствах.
- 2) Обязательность выполнения государствами совместно принятых решений.
- 3) Стремление к унификации мероприятий по борьбе с загрязнениями.
- 4) Согласованные и единые позиции членов ЕС на международных переговорах.

Практические меры

В рамках своей экологической политики Германия последовательно сокращает количество атомных электростанций. Между тем некоторые российские эксперты считают, что атомные электростанции при правильной эксплуатации не несут в себе опасности. Так, Руслан Алыев, заместитель главного инженера по безопасности и надежности Калининской АЭС, считает, что существует очень малая вероятность аварии и непредвиденных случайностей [9]. Экономическая же выгода от атомных электростанций весьма высока. Тем не менее ряд стран все же отказывается от атомной энергетики. Основная причина — опасения перед аварийными ситуациями на атомных электростанциях. Италия отказалась от атомной энергетики после катастрофы на Чернобыльской АЭС, Япония — после Фукусимы.

В 2000 г. коалиционное правительство Германии приняло закон, установивший план поэтапной остановки АЭС и отказа от атомной энергетики. В 2010 г. план был скорректирован в сторону продления сроков эксплуатации АЭС. Новые сроки закрытия реакторов были установлены правительством путем всесторонних переговоров в 2011 г. после катастрофы на АЭС Фукусима. В соответствии с принятым решением 8 старейших реакторов из 17 действовавших были остановлены. Для оставшихся 9 реакторов были установлены даты закрытия с 2015 по 2022 г. При этом ни одна политическая партия как входящая в правительство, так и оппозиционная не высказалась против решения.

Переход Германии на альтернативные источники энергии, согласно экспертным оценкам, обойдется в 1 трлн евро в течение 10–20 лет. Тем не менее власти ФРГ уверены в обоснованности предпринимаемых действий, направленных на повышение безопасности страны и сохранение окружающей среды.

Усилиям Германии стоит отдать должное: страна является лидером в сфере обеспечения экологической безопасности. Руководство страны считает, что одним из основных способов добиться экологической безопасности, то есть чистого воздуха и воды, является экологизация сознания немецких граждан. Экологизация сознания выступает как часть экологической политики Германии. Начало ей было положено в период канцлера Вилли Брандта в 60-е гг. прошлого века. Распространился лозунг: «Небо над Рурским районом снова должно стать голубым». Вскоре лозунг взяли на вооружение жители Вестфалии.

Формирование экологического сознания населения Германии как политическая задача

В 1970 г. экспертный совет по вопросам охраны окружающей среды ФРГ разработал определение экологического сознания. *Экологическое сознание — это отношение к окружающей среде и понимание опасности, угрожающее основополагающим условиям жизни человека и вызванные им (самой деятельностью человека), а также готовность человека найти выход из этого положения* [5. — С. 151].

Как уже было сказано, Германия является сегодня одной из первых стран в данной сфере, ее экологические программы развиваются не только на федеральном, но и на муниципальных уровнях. Этому способствует следующее:

- 1) Германия является федеративным государством.
- 2) Немецкие власти понимают, что экологическая политика способствует и экономическому росту.

В процессе социализации уже с малых лет у детей формируют понятие «экология». Взрослые объясняют ребенку, как защищать окружающую среду [3. — С. 152]. Основным методом формирования экологической культуры в Германии является

Приоритеты экологической политики Федеративной Республики Германия в современных условиях

то, что ребенок воспитывается в заданных рамках, даже в строгости. Все начинается с простого, например, с правил сортировки мусора; с бережного отношения к водным ресурсам. У немцев появляется стимул использовать экологические средства передвижения, то есть транспорт, который не потребляет ни бензина, ни газа. Это может быть гибридный транспорт, электромобиль, велосипед, самокат и т. д.

Экологическое сознание в Германии является одним из подходов проведения экологической политики. В ФРГ такое сознание рассматривается как совокупный феномен, имеющий экономический, политический, научный и культурный компоненты.

Экономический компонент заключается в том, что защита окружающей среды не только улучшает здоровье граждан, но и приносит экономическую выгоду. Политический компонент представляет собой создание государством и его гражданами здоровых условий для проживания нации и ее благополучия. Научный компонент состоит в разработке мероприятий и внедрении в практику знаний, способов и технологий, решающих проблемы, связанные с экологией. Культурный компонент включает в себя этические нормы. Например, внедрение норм о недопустимости разбрасывания мусора, необходимости экономии воды и электроэнергии.

Формированием экологического сознания занимается ряд организаций,

в интересах выработки подходов проводятся различные мероприятия. Среди таких организаций — «Союз друзей Германской земли», «Зеленая лига», «Greenpeace» [5. — С. 152]. Регулярно проводятся выставки, такие как «Die Grüne Woche» в Берлине, куда ежегодно съезжаются около 400 тыс. человек, в акции «Die Ökofete» участвуют около 20 тыс. человек.

Развитие широкого экологического движения в Германии можно связать со временем появления партии «зеленых», которая с 1980-х гг. именуется «Зеленые / Союз 90» («Die Grünen / Bündnis 90»). В настоящее время партия пользуется поддержкой немецкого населения. На выборах в сентябре 2017 г. партия набрала 8,4 % голосов, преодолев тем самым проходной барьер в 5 % [6].

В завершение можно отметить следующее. Германия как развитое индустриальное государство считает экологическую политику одним из своих приоритетов, и в этой деятельности имеются значительные достижения. Для экологической политики ФРГ характерны закрытие атомных электростанций, использование альтернативных источников энергии, передовые технологии в отрасли переработки мусора, экологизация сознания граждан. Можно прогнозировать, что «экологический фактор» сохранит свою значимость в государственной политике ФРГ.

Литература

1. *Аграновская И. А.* Особенности взаимодействия экологической политики и экологического сознания (на примере Германии конца XX–XXI вв.) // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 2. — С. 111–114.
2. Bundesrepublik Deutschland, der Bundeskanzler. Umweltprogramm der Bundesregierung 1971. — Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1971. — 65 s.
3. *Душкова Д. О., Кириллов С. Н.* Экологизация сознания как один из основных принципов экологической политики // Вестник Волгу. Серия 3. Экономика. Экология. — 2017. — Т. 19. — № 2. — С. 148–156.
4. *Ивашина Т. Б.* Развитие экологического образования как фактора эффективной экологической политики на примере Германии // Актуальные проблемы мировой и европейской политики. Воронеж, 15 декабря 2016 г.: сборник трудов конференции. — Воронеж, 2017. — С. 262–266.

-
5. *Blow, B.* Der Einfluss der Massenmedien auf die Entstehung des ökologischen Bewusstseins in Deutschland. — Hamburg: Diplomica Verlag, 2012. — 71 s.
 6. <https://www.welt.de/politik/deutschland/article168883713/Alle-Ergebnisse-und-Grafiken-der-Bundestagswahl-im-Ueberblick.html> (дата доступа: 13.11.2017).
 7. Киотский протокол. — URL: <https://www.google.ru/amp/s/ria.ru/amp/spravka/20150216/1047544621.html> (дата доступа: 26.11.2017).
 8. *Тыщенко А. Ю.* Направления экологической политики Германии в XXI веке. — URL: <https://www.rae.ru/forum2011/pdf/900.pdf> (дата доступа: 26.11.17).
 9. Опасны ли атомные электростанции: мнение экспертов. — URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1799183> (дата доступа: 26.11.17).

Использование экологических инноваций как фактор решения экологических проблем: отечественный и зарубежный опыт

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению отечественного и зарубежного опыта использования экологических инноваций для решения экологических проблем. Дано определение понятию «экологическая инновация», названы виды инноваций и приведены примеры «зеленых» технологий. Наиболее подробно изучен опыт стран-лидеров в области реализации принципов устойчивого развития: Швеции, Японии и Германии, охарактеризована ситуация в сфере разработки и применения экологических инноваций в нашей стране. Также выявлены причины, затрудняющие повсеместное внедрение эко-инноваций в России. Авторы приходят к выводу, что в России не разрешен целый ряд вопросов, тормозящих продвижение страны к «зеленой» экономике, к которым, в первую очередь, можно отнести низкий уровень использования возобновляемых источников энергии, незаинтересованность бизнеса в развитии эко-инноваций, а также невысокий уровень экологической культуры населения.

Ключевые слова: экологические инновации, продуктовые и процессные, «зеленые» технологии, экологическая политика, устойчивое развитие, защита окружающей среды.

Авторы

Кирсанова Екатерина Геннадьевна

Кандидат политических наук,
ассистент кафедры российской политики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Бондарева Анна Геннадьевна

Студентка факультета политологии
кафедры российской политики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Угроза экологического кризиса осознается всем мировым сообществом уже на протяжении длительного времени. Однако, несмотря на многочисленные конференции, посвященные вопросам экологии, и принятие различных

нормативно-правовых актов, на данный момент нельзя сказать, что человечество значительно продвинулось на пути мирного сосуществования с природой. Быстрые темпы развития мировой экономики, многократное увеличение производ-

ства и потребления препятствуют восстановлению природной среды, в результате сегодня налицо признаки экологического кризиса: изменение климата, истощение невозобновляемых природных ресурсов, загрязнение окружающей среды. В свою очередь, экологические вызовы препятствуют глобальному экономическому развитию и нормальной жизнедеятельности общества, что проявляется в ухудшении здоровья людей¹, увеличении затрат на охрану окружающей среды, в обостряющейся борьбе за природные ресурсы (в том числе в виде вооруженных конфликтов). При этом выделяется ряд стран, сумевших пойти по пути устойчивого развития и успешно сочетать сохраняющиеся темпы экономического роста и высокий уровень жизни населения с минимальной нагрузкой на окружающую среду. В значительной мере это стало возможно благодаря активному внедрению в производство и жизнь общества экологических инноваций.

Данная работа ставит своей целью раскрыть понятие экологической инновации, проанализировать распространение и внедрение эко-инноваций в нашей стране и сопоставить их с опытом некоторых зарубежных стран — наиболее успешных в плане развития «зеленых» технологий.

Прежде всего, необходимо дать определение понятию «инновация». Согласно третьему изданию Руководства Осло (2005 г.), инновацию понимают как «внедрение нового либо значительно усовершенствованного продукта (товара или услуги), процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в практику бизнеса, организацию рабочих мест или внешних связей» [15]. При этом «эко-инновациями» являются любые тех-

нологические и процессные инновации, которые способны привести к уменьшению негативного воздействия на окружающую среду, посредством разработки и внедрения новых товаров, процессов и систем с наименьшим использованием природных резервов и минимальными выбросами ядовитых веществ, формированию экологических ценностей у граждан и совместному развитию экономики и экологии [2; 5].

Экологические инновации могут быть как производственными (продуктовыми), так и процессными (маркетинговыми, организационными, управленческими). К традиционным эко-инновациям относят природоохранные технологии, которые включают утилизацию твердых отходов, вторичных ресурсов, рекультивацию земель, водоочистку и сохранение качества воздуха. На их долю приходится до 80 % всех продуктовых экологических инноваций [8]. В то же время активно развиваются новые сектора мирового экологического рынка, предлагающего разнообразные экотовары и экоуслуги. Примером могут служить экологический туризм, органическое земледелие или экологическое домостроение, которое подразумевает использование экологически чистых строительных материалов и энергосберегающих технологий.

Говоря о процессных эко-инновациях, следует отметить внедрение экологического менеджмента, под которым понимают «механизм управления природоохранной деятельностью на промышленном предприятии» [3]; экологического маркетинга, экологического аудита и системы лицензирования видов деятельности, негативно влияющих на окружающую среду; экологическую модернизацию и реструктуризацию производства, что подразумевает отказ от экологически грязных производств, а также применение «наилучших из существующих технологий», т. е. тех, которые при прочих равных условиях соответствуют экологическим стандартам.

Центром экологической политики и права при Йельском университете со-

¹ По данным ВОЗ, в формировании здоровья людей доля загрязнения окружающей среды составляет до 20 %; при этом 10 % всех смертей происходят из-за загрязнения воздуха и 2 % — из-за антисанитарии питьевой воды [12].

Использование экологических инноваций как фактор решения экологических проблем

вместно с Колумбийским университетом и Всемирным экономическим форумом раз в два года составляется рейтинг для 180 стран по экологической эффективности (Environmental Performance Index). Он рассчитывается на основе 22 показателей, включая состояние окружающей среды, сохранение биологического разнообразия, оценку здоровья населения, эффективность государственной экологической политики, противодействие изменению климата и степень нагрузки экономической деятельности на окружающую среду. Практическая цель данного рейтинга заключается в выявлении слабых и сильных сторон экологической политики страны и принятии соответствующих мер. В 2016 г. мировым лидером по экологической эффективности стала Финляндия, с индексом 90,68. В пятерку лидеров вошли: Исландия, Швеция, Дания, Словения; замыкает рейтинг Сомали (27,66). Россия (83,52) находится на 32-й строке, демонстрируя значительный прогресс по сравнению с 2014 г., когда она занимала 73-е место, а индекс составлял всего лишь 53,45 [10; 11; 18].

Видится целесообразным обратиться к опыту лидеров по использованию эко-инноваций и «зеленых» технологий во всех отраслях экономики. Шведский кейс интересен с точки зрения технологий энерго- и ресурсосбережения. Страна занимает первое место в мире по использованию возобновляемых источников энергии и по утилизации бытовых отходов (утилизируется 96 %) [5]. Государство применяет политику налогового стимулирования: так, домохозяйствам, переходящим на ВИЭ, предоставляются налоговые льготы, как и автомобилистам, использующим экологически чистые виды топлива. Отдельного внимания заслуживает система организации транспорта в Стокгольме. В 2006 г. Мэрия утвердила программу по развитию велосети и сейчас Большой Стокгольм¹

пронизан сетью велодорожек, общая протяженность которых составляет 750 км. Это означает, что приблизительно за час можно добраться из центра до любого пригорода. В столице организована система проката велосипедов «Сити байкс», включающая 140 пунктов проката. Кроме того, в 2010 г. был запущен новый проект «Город для прогулок», который предоставил приоритетное право передвижения по городу пешеходам и велосипедистам, для последних оборудованы новые парковки и бесплатные пункты подкачки шин. Пример столицы переняли другие города Швеции, так, в Гетеборге и Мальме на полгода выдавали велосипеды в бесплатное пользование, всем, кто хотя бы на два дня в неделю обещал отказаться от автомобиля. Те, кто успевали привыкнуть к новому образу жизни, могли выкупить велосипеды с большой скидкой. На использование личных автомобилей, напротив, были введены ограничительные условия, например, плата за въезд в центр города и выезд из него [16].

Такая политика шведских властей позволила, с одной стороны, решить проблему пробок, а с другой, значительно сократить объемы выбросов выхлопных газов в окружающую среду. Помимо этого, езда на велосипеде является прекрасным тренажером для поддержания физической формы и укрепления здоровья населения. По мнению авторов, подобную практику велопроката можно ввести в крупных городах России, тем более что, во-первых, она оправдала себя в Москве, Казани и Санкт-Петербурге, где с 2013 г. действуют сети краткосрочной аренды Велобайк, Veli'k и Велобайк-СПб, а, во-вторых, сокращение использования автотранспорта способно снизить уровень загрязнения воздуха, а, следовательно, сократить и количество смертей. По словам помощника генерального директора ВОЗ Флавио Бустрео, именно «загрязнение воздуха — одна из важнейших причин заболеваемости и смертности»². В России к городам

¹ Столичная агломерация, включающая 26 муниципальных образований, с численностью населения около 2 млн человек [16].

² По данным специалистов Экологиче-

с наибольшим загрязнением атмосферы относятся Чита (где уровень бензапирена превышает допустимый в 34 раза), Улан-Удэ, Магнитогорск, Пермь, Уфа, Красноярск, Челябинск и Екатеринбург [12].

Япония приоритетное внимание уделяет энергоэффективности и энергосбережению, а также развитию технологий по очистке окружающей среды. Исследования в этих сферах получают наибольшую финансовую поддержку. В результате страна патентует до 40 % технологий от общемировых в области гибридных двигателей и электрических автомобилей; на долю Японии приходится до 33 % патентов в сфере энергоэффективности зданий и освещения, до 20 % в области развития очистных сооружений и до 10 % в сфере ВИЭ [2]. С 2008 г. в стране реализуется программа по эффективному производству и потреблению энергии «Охладим Землю», в рамках которой предусмотрены различные мероприятия. Например, ввод в эксплуатацию высокоэффективных теплоэлектростанций по сжиганию газа и угля и атомных электростанций, инновационных солнечных фотовольтаических станций, модернизация транспортного сектора (переход на биотопливо и гибридные двигатели, разработка систем «умного» транспорта). Другая экологическая программа, «Экогорода Японии», реализуемая совместно с Министерством экономики, торговли и промышленности и Министерством окружающей среды, направлена на осуществление принципов устойчивого развития в 26 городах страны путем реализации концепции нулевых эмиссий CO₂, принципа 3R в сфере обращения отходов (сокращение отходов (Reduce), их повторное ис-

ской программы ООН, 95 % жителей европейских городов дышат воздухом, не соответствующим нормам безопасности, установленным ВОЗ. Более 500 тысяч ранних смертей в Европе объясняются состоянием воздуха на открытых пространствах, а еще 100 тысяч — его состоянием в закрытых помещениях [12].

пользование (Reuse), рециклинг (Recycle) и распространения экологически ориентированного образа жизни, включающего ориентацию на экологически чистые продукты, снижение уровня потребления и т. д. [2]. Следует отметить, что в Японии к эко-инновациям проявляет активный интерес бизнес, который стремится повысить конкурентоспособные качества выпускаемой продукции, проявив при этом свои моральные обязательства и ответственность перед государством и потребителем. Во многом такая модель поведения обусловлена как традиционной японской рабочей этикой, так и целенаправленной политикой государства по формированию экологического сознания у граждан.

Германия является мировым лидером по переработке отходов¹, фактически стране удалось наладить безотходное производство (как правило, тепло, полученное от утилизации отходов, используется для обогрева помещений). Существует большое количество мелких предприятий, использующих вторсырье для производства бумаги, конвертов, открыток, а также сумок, рюкзаков, портмоне и множества других предметов. Страна является мощным инноватором в сфере ветровой и солнечной энергетики: на долю Германии приходится 23 и 30 %, соответственно, всех патентуемых изобретений. Кроме того, численность работников, занятых в «зеленом» секторе экономики, составляет 2 млн человек, или 4,5 % всего экономически активного населения [5]. Такие показатели можно объяснить широким внедрением принципов устойчивого развития во «все сферы общества и, в частности, в образовательные программы, начиная с детского сада» [7].

Кроме того, все большее число высших учебных заведений страны старается реализовать на практике концепцию «зеленого университета», которая под-

¹ В России только 5–7 % от общего числа ТБО перерабатываются на специальных фабриках [19].

Использование экологических инноваций как фактор решения экологических проблем

разумеает «зеленое» благоустройство вуза и создание «зеленых» кампусов, повышение уровня экологической культуры студентов и преподавателей, включение курсов по устойчивому развитию в качестве обязательной программы, проведение эко-фестивалей и других экологических акций. Так, в Университете Гамбурга с 2011 г. действует Центр компетенций в области устойчивого развития (Kompetenzzentrum Nachhaltige Universität — KNU), в задачи которого входит поддержка и реализация студенческих проектов. Сегодня успешно реализуются следующие инициативы: обмен одеждой, создание карты «чистой торговли» (на ней указаны точки продажи проверенных качественных товаров) или CupChange¹. В Свободном университете Берлина еще в 2001 г. был образован Департамент устойчивого развития и энергетического менеджмента университета, при поддержке которого были созданы собственные огород и сад, установлены солнечные батареи на крыше одного из кампусов, организован обмен одеждой, регулярно проводятся публичные лекции и панельные дискуссии по устойчивому развитию [7].

Постепенно подобные инициативы перенимают и российские вузы. В Петербурге создана сеть «зеленых» университетов, которая объединяет 11 учебных заведений города с целью организации студенческой жизни в соответствии с экологическими принципами. В СПбГУ действует система раздельного сбора мусора, сдается макулатура и проводятся субботники в ботаническом саду; а организуемые ИТМО велопрогулки могут внести изменения в облик города: студенты выдвинули предложение по созданию инфраструктуры велодорожек на Васильевском острове и Среднем проспекте. В апреле

¹ Если посетитель столовой отказывается от использования одноразовых стаканчиков и приходит со своей чашкой, то ему предоставляется скидка на кофе [7].

этого года в Петербурге прошел ежегодный межвузовский фестиваль по устойчивому развитию «ВузЭкоФест», в котором приняли участие студенты из Германии, Польши и 11 городов России². Основная цель мероприятия заключалась в обмене опытом и практиками по защите окружающей среды [7].

В России на данный момент лишь 4 % от общего объема вырабатываемой энергии приходится на ВИЭ³, при этом две трети из нее составляет гидроэнергетика. Во многом это обусловлено распространенными заблуждениями, что в нашей стране недостаточный уровень облучения поверхности солнечным светом, из-за чего нецелесообразно использовать энергию солнца. Однако специалисты Института высоких технологий РАН доказали, что помимо юга России достаточное количество солнечных дней бывает в Якутии, на Дальнем Востоке и в Башкирии [14]. В последнее время наблюдаются позитивные сдвиги в использовании ВИЭ. В стране насчитывается около 20 действующих солнечных электростанций, ведется строительство новых объектов, при этом большинство проектов осуществляется в рамках проектов государственно-частного партнерства, благодаря чему бизнес активнее вовлекается в инновационное развитие. В Москве установлено большое количество фонарей, указателей или отдельных вышек связи, работающих на солнечной энергии.

В целом, применение экологических инноваций в России ограничено экспортно-ориентированными предприятиями, а также участниками международных корпораций и проектов. В рейтинге по использованию «зеленых» инновацион-

² В Фестивале приняли участие студенты из Москвы, Петербурга, Красноярска, Екатеринбурга, Челябинска, Ставрополя, Ростова, Орла, Краснодар, Белгорода и Перми [7].

³ Для сравнения: в Испании и Португалии на долю энергетически возобновляемых источников приходится 40–60 % электроэнергии [19].

ных технологий в бизнесе¹ Россия заняла последнее место из 38 стран, принявших участие в исследовании. Рейтинг составляется по 15 критериям, которые, главным образом, учитывают условия для создания и коммерциализации стартапов, внедряющих экологические технологии. Лидерами оказались Дания, Израиль, Швеция, Финляндия и США [6]. Несмотря на объективные преимущества широкого применения эко-инноваций во всех отраслях экономики, существует ряд препятствий, к которым относят: 1) слабое финансирование НИОКР: бизнес не желает рисковать и вкладывать деньги в проекты с неопределенными сроками и неоднозначными результатами, а средств, выделяемых государством, зачастую оказывается недостаточно; 2) наличие определенных барьеров при выходе на рынок: неопределенный спрос на инновационные товары и услуги, господство на рынке уже укоренившихся предприятий, отсутствие или слабость существующей инфраструктуры и др.

Среди основных причин, препятствующих развитию эко-инноваций в нашей стране, были названы: малый объем общих затрат (при этом по государственному финансированию Россия оказалась на среднем уровне), сохранение преимущественно сырьевого характера экономики и природно-ресурсного экспорта, низкий процент использования ВИЭ, недостаточное государственное регулирование в области охраны окружающей среды, отсутствие юридических и экономических барьеров для функционирования «грязных» производств. Также были отмечены низкий уровень бизнес-культуры, недостаточное внимание со стороны компаний вопросам загрязнения окружающей среды, что можно объяснить недостатком у предприятий финансовых ресурсов, позволяющих внедрять инновационные

принципы производства. Но позитивным моментом является то, что Россия была включена в этот рейтинг, поскольку в нем участвуют только страны, где происходит развитие «зеленых» технологий в частном секторе.

Как показывает опыт, эко-инновации успешно внедряются в государствах с привлекательным инновационным и инвестиционным климатом, поэтому для того, чтобы зеленые технологии «прижились» в стране необходимо наличие развитой инновационной инфраструктуры (технопарков, бизнес-инкубаторов, венчурных компаний), системы защиты интеллектуальной собственности, свободной конкуренции и открытости рынка для инвестиций. Однако помимо усилий государства, важную роль в инновационном развитии общества должен играть частный сектор и население, осознающие значимость эко-инноваций для смягчения экологических вызовов, свою ответственность за защиту окружающей среды, позитивно воспринимающие зеленые технологии и готовые к их активному внедрению. А. Устинов, профессор Сколковского института науки и технологий, высказывает мнение, что именно население должно запустить процессы использования эко-инноваций, сформировав спрос на них. Вслед за этим активность должен проявить профильный бизнес, который подтолкнет науку к соответствующим исследованиям и разработкам [14]. К сожалению, согласно исследованию, проведенному Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, спрос россиян на новые технологии не высок: новшества в сфере городского транспорта (каршеринг, беспилотные такси и биотопливный мини-завод), как и экотехнологии (одежда из переработанных отходов или синтезированные мясные продукты), были восприняты, скорее, негативно. Наибольшей популярностью пользовались бытовая солнечная батарея, умная одежда, меняющая свойства в зависимости от погодных условий, и бытовые датчики загрязнения

¹ Рейтинг составляется консалтинговой компанией Cleantech и Всемирным фондом дикой природы (WWF) [6].

Использование экологических инноваций как фактор решения экологических проблем

воздуха [4]. Одной из основных причин нежелания воспользоваться новшеством являются ограниченные доходы. В целом за последние несколько лет население стало более скептически относиться к инновационным технологиям, что подтверждают результаты схожих опросов в 2008 и 2010 гг.

В любом случае только совместными усилиями государства, бизнеса и населения можно осуществить переход к устойчивому развитию, обеспечивающему высокое качество жизни при сохранении здоровой окружающей среды.

Подводя итоги, следует отметить, что в России не разрешен целый ряд вопросов, тормозящих продвижение страны к «зеленой» экономике: по-прежнему мала доля возобновляемых источников энергии, не развита система переработки твердых бытовых отходов, достаточно высоким остается уровень загрязнения воздуха в крупных городах, бизнес не проявляет должной заинтересованности в развитии эко-инноваций, а главное — экологическая культура населения находится на низком уровне.

Однако в целом страна демонстрирует положительную динамику в области

развития экологических инноваций. Подтверждением может служить достаточно высокое место России в рейтинге экологической эффективности. В последнее время в стране уделяется большее внимание решению экологических проблем, проводятся мероприятия, призванные привлечь граждан и бизнес к охране окружающей среды и следованию принципам устойчивого развития. Примером может служить международная выставка-форум «Экотех», впервые проведенная в прошлом году и представляющая собой площадку для презентации экологических технологий и обмена передовым опытом по внедрению «зеленых» инноваций в производство. Форум охватывает широкий спектр экологических вопросов: от очистных технологий до развития экотуризма и экологического воспитания молодежи [17]. Подобные мероприятия, как и объявление 2017 года Годом экологии в России, призваны привлечь внимание общественности к существующим проблемам и сформировать установку на экологичный образ жизни.

Литература

1. Акулинин Д. Ю. Экономика, финансовое обеспечение и налогообложение инновационной деятельности: учебное пособие. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. — 443 с.
2. Банчева А. И. Экологические инновации Японии: основные направления развития и особенности управления // Вестник МГИМО Университета. 2013. — С. 190–196.
3. Бурматова О. П. Эколого-ориентированный механизм управления региональным развитием // Региональное и муниципальное управление социально-экономическим развитием в Сибирском федеральном округе / под ред. А. С. Новоселова. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. — 400 с.
4. Войнилов Ю., Фурсов К. Россияне сторонятся высоких технологий // Новости сибирской науки [сайт]. — URL: <http://www.sib-science.info/ru/heis/blizhe-k-bytu-rossiyane-storonyatsya-vysokikh-t-03032017>.
5. Журба М. О. «Зеленые» инновации или эко-инновации / М. О. Журба; науч. рук. В. В. Гузырь // Экономика России в XXI веке: сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции «Экономические науки и прикладные исследования: фундаментальные проблемы модернизации экономики России», посвященной 110-летию экономического образования в Томском политехническом университете, г. Томск, 18–22 ноября 2014 г.: в 2 т. — Томск: Изд-во ТПУ, 2014. — Т. 2. — С. 363–367.

6. Инновационные технологии в бизнесе «зеленых»: опубликован рейтинг стран мира // АИР [сайт]. — URL: <https://www.innoros.ru/publications/interesting/12/innovatsionnye-tekhnologii-v-biznese-zelenykh-opublikovan-reiting-stran->.
7. *Меньшикова Е.* Солнечные панели, CupChange и собственный огород: как устроены «зеленые» университеты в Германии и России // ИТМО.NEWS [сайт]. — URL: <http://itmo.news/ru/education/trend/news/6578>.
8. *Никулина О. В.* Применение инновационного подхода к решению экономических и экологических проблем международного бизнеса // Сборник ИНИОН РАН по материалам I Международной научно-практической конференции «Регионы Евразии: стратегия и механизмы модернизации, инновационно-технического развития и сотрудничества». 4–5 июня 2013 г. Москва. — ИНИОН РАН, 2013. — С. 108–116.
9. *Пахомова Н. В., Сергиенко О. И.* Инновации экологически-устойчивого развития: ситуация в России в контексте международного опыта // Проблемы современной экономики. — 2006. — № 1/2 (17/18).
10. Рейтинг стран мира по уровню экологической эффективности в 2016 г. // Центр гуманитарных технологий [сайт]. — URL: <http://gtmarket.ru/news/2016/01/29/7292>.
11. Самые экологически чистые страны мира в 2014 // Medelle swiss consulting group [сайт]. — URL: <http://www.education-medelle.com/articles/samie-ekologicheski-chistie-strani-mira-v-2014.html>.
12. *Сергеев С.* Загрязнение воздуха — одна из главных причин преждевременной смертности // MAXPARK [сайт]. — URL: <http://maxpark.com/community/5652/content/5301300>.
13. *Усманова Т. Х., Хасанова А. И., Хайруллина Л. И.* Инновационные технологии для решения экологических проблем в мировом сообществе // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2017. — № 1 (29). — Т. 8. — С. 115–121.
14. *Устинов А.* Все в наших руках // GEO Непознанный мир: земля. — 2016. — № 07 (217).
15. *Френц М., Ламберт Р.* Открытые и закрытые инновации. Сравнительный анализ национальных практик // Форсайт. — 2008. — № 3 (7). — С. 16–31.
16. *Черниченко Д.* Двухколесный Стокгольм // GEO Непознанный мир: земля. — 2017. — № 07 (229).
17. ЭКОТЕХ [сайт]. — URL: <http://www.ecotech-expo.ru/ecotech/exhibition>.
18. 10 самых зеленых стран мира // Живая планета ANIMALWORLD [сайт]. — URL: <http://animalworld.com.ua/news/10-samyh-zelenyh-stran-mira>.
19. Greenologia.ru [сайт]. — URL: http://greenologia.ru/eko-problemy/ekologicheskie-problemy.html#site_left_menu.

Спор о целлюлозном заводе в Республике Уругвай.

Особенности конфликта

Спор о целлюлозном заводе в Республике Уругвай. Особенности конфликта

Аннотация

В данной статье рассматривается парадигматический социально-экологический конфликт, который сформировался в рамках так называемого «консенсуса цен на сырьевые товары» в Латинской Америке в начале XXI в.: двунациональный конфликт между Аргентиной и Уругваем из-за строительства двух целлюлозных заводов в окрестностях реки Уругвай. В связи с этим мы анализируем: 1) особенности двунационального многомерного социально-экологического конфликта в контексте глобализации; 2) напряженность, связанную с дискуссиями о модели развития в рамках стратегии интеграции в международную торговлю посредством крупномасштабного экспорта сырьевых товаров. Мы опираемся на данные из литературы о социальных движениях, публикации в прессе и результаты полевых исследований, осуществленных Группой по изучению политического участия и мобилизации.

Ключевые слова: социально-экологические конфликты, модель развития, консенсус товарных цен, социальные движения.

Автор

Хулиета Рей

Бакалавр в области политических наук, исследователь Группы по изучению политического участия и мобилизации Института исследования имени Джино Джермани (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Город Гуалегуайчу (провинция Эн-тре-Риос на северо-востоке Аргентины) в последние годы сыграл ведущую роль в формировании социального движения против строительства двух целлюлозных заводов во Фрай-Бентос (Департамент Рио-Негро, Уругвай), в районе реки Уругвай, которая является естественной границей между двумя странами. Это явление массового социального движения, сохранявшееся, по меньшей мере, на протяжении четырех лет (2004–2008), вскоре обозначило существующее недовольство в отношении доминирующей в первом десятилетии XXI в. в латиноамериканском регионе модели развития,

названной «Консенсусом цен на сырьевые товары».

Жители Гуалегуайчу, предупрежденные группой экологов региона, начали объединяться в организацию в 2003 г. В 2005 г. их требования вышли на национальный уровень, начавшись с многотысячного шествия по Международному мосту имени генерала Сан-Мартина, который соединяет два приграничных города. К уругвайскому правительству обратились с просьбой о прекращении строительства одного из целлюлозных заводов, местоположение которого было запланировано в семи километрах от главного курортного города Аргенти-

ны, до получения независимой информации о его влиянии на окружающую среду. В этом же году была создана Общественная Экологическая Ассамблея Гуалегуайчу (АСАГ), организация горизонтального типа и неоднородная по составу, которая координировала протестный цикл. В пик конфликта был закрыт на постоянной основе пограничный переход, который соединяет Гуалегуайчу и Фрай-Бентос. Так называемый спор о целлюлозных заводах, который привел Аргентину и Уругвай в Международный суд в Гааге, имел особые характеристики, сделавшие его «парадигматическим» примером [2]. Во-первых, во всех литературных источниках подчеркиваются исключительные масштабы, которые приняло сопротивление граждан в связи с природоохранным иском, сформулированным в контексте кол-

лективных прав [2; 3; 6] и альтернативной, устойчивой и уважительной к окружающей среде «модели социально-экономического развития». С другой стороны, двунациональный и многомерный характер конфликта способствовал расширению масштаба требований, что стало основой для последующих исков по вопросам охраны природы как в Аргентине, так и в других соседних странах.

В настоящей статье предлагается: 1) проанализировать особенности конфликта с позиции его многомерного и двунационального характера; 2) выявить противоречия, которые породили требования, сформулированные в рамках альтернативной «социально-экономической модели», с «Консенсусом цен на сырьевые товары» как в Аргентине, так и в Латинской Америке в целом.

Движение по Международному мосту имени генерала Сан-Мартина против строительства целлюлозных заводов UPM-Botnia в 2006 г.
 Источник: El Territorio. — Ссылка: <http://www.eltterritorio.com.ar/m/mnota.aspx?c=9902603531708396>

Спор о целлюлозном заводе в Республике Уругвай.

Особенности конфликта

1. Многомерный и двунациональный характер конфликта

Несомненно, в значительной мере результативность спора о целлюлозном заводе на реке Уругвай, связана с его многомерным характером, поскольку в него оказались вовлечены многочисленные сложно взаимосвязанные акторы: транснациональные корпорации (ENCE и UPM-Botnia), национальные и субнациональные органы власти, а также жители районов, оказавшихся в зоне конфликта. Исходя из этого, были выявлены пределы государственного суверенитета в сложном контексте глобализации.

Понятие многомерности связано с реорганизацией уровней в ходе различных процессов глобализации. В этом контексте динамика между «глобальным» и «локальным» способствует кристаллизации союзов между государствами и транснациональными корпорациями, которые легитимируют определенную модель развития, однако не без сопротивления местных сообществ, на которые влияет указанная модель.

Жители Гуалегуайчу обратились к национальному правительству с просьбой подать в суд на соседнюю страну за нарушение обязательств по предоставлению информации и проведению консультаций в части того, что могло отразиться на водотоках, находящихся в совместном пользовании. Таким образом, аргентинское правительство предстало перед Международным судом в Гааге, иск был сформулирован на основе Договора о реке Уругвай, подписанном обеими странами в 1961 г., и Статута 1975 г. Однако, несмотря на стратегию «единства взглядов» с национальным правительством, опрошенные члены Ассамблеи склонны рассматривать конфликт в контексте глобализации и международного распределения задач капиталистической системы, которые обрекают развивающиеся страны на эксплуатацию их природных ресурсов: «нелегко противостоять подобной модели (...) кро-

ме того, глобализация распространилась в мировых масштабах как задача и как образ жизни для всего человечества (...) это не проблема „левых“ или „правых“, скорее дело в том, что хозяевами мира являются те, у кого есть деньги, те, кто говорит: »...так, для того, чтобы нам питаться здоровой пищей, быть здоровыми и дышать чистым воздухом, грязную работу нужно сделать в Латинской Америке» (Интервью 08/12/2016). Таким образом, национальным правительствам — как аргентинскому, так и уругвайскому — они приписывают некую беспомощность при вмешательстве в конфликты, связанные с транснациональным капиталом, даже несмотря на осознание исключительно важной роли поддержки их требований со стороны национального правительства.

В то же время, если принимать во внимание, что экологические конфликты обычно ограничиваются определенной территорией, стратегия перекрытия движения, предложенная рядом членов Ассамблеи Гуалегуайчу, была оправдана необходимостью внести этот вопрос в национальную повестку, чтобы добиться государственной поддержки. Ее эффективность неразрывно связана со стратегическим местоположением района Эн-тре-Риос: его относительная близость к Буэнос-Айресу (230 км) и расположенные рядом два важных наземных коммуникационных маршрута: Маршрут 14 — «Маршрут Меркосур» — и Маршрут 136, который связывает город с соседней страной.

Со своей стороны, правительство Уругвая — о чем свидетельствует инаугурационная речь президента Табаре Васкеса, произнесенная в 2005 г. в разгар конфликта, — возвало к праву народов на самоопределение и невмешательству извне во внутренние дела. Таким образом, требования протестующих стали рассматриваться в контексте «дружбы — вражды», что вместо совместной дискуссии о жизнеспособности моделей развития на обоих берегах реки привело к возрождению давней националистической логики [6],

даже когда члены Ассамблеи Гуалегуайчу осознавали, что их претензии имеют региональное измерение и что уругвайский народ является фундаментом для достижения успеха. Кроме того, в некоторых исследованиях встречается термин «артигист»¹ для обозначения иска Ассоциации (АСАГ) (со ссылкой на Хосе Артигаса, героя войны за Восточную полосу, территорию, в состав которой входили Аргентина и Уругвай в колониальные времена).

Субъективная формулировка претензии со стороны ряда членов Ассамблеи была обозначена в контексте «политизации образа жизни» [3]. Этот концепт означает мобилизацию радикально настроенных людей, выступивших в защиту старой городской традиции охраны и использования реки и ее окрестностей, так как одними из основных источников коммерческой прибыли города являются туристическая отрасль и сельскохозяйственное производство.

Между тем в Уругвае противники завода были в меньшинстве, и они быстро теряли влияние по мере того, как усугублялась «националистическая» составляющая конфликта. По сути, обе стороны конфликта заняли противоположные позиции, столкнувшись с экологическими издержками целлюлозных проектов. Страны базирования корпораций (Испания и Финляндия) были освобождены от экологических издержек, Общественная Экологическая Ассамблея Гуалегуайчу (АСАГ) заняла позицию «NIMBY» («Not In My Backyard»)², а уругвайцы заняли противоположную ей позицию «PIMBY» («Please In My Backyard»)³,

¹ Артигист — сторонник политических идей, основанных на взглядах Хосе Хервасио Артигаса, главного лидера Восточной революции, отца-основателя Уругвая.

² NIMBY (Not In My Backyard) — дословно: «Не на моем заднем дворе», означает сопротивление местных жителей строительству или иным изменениям инфраструктуры на территориях, прилегающих к их домам.

³ PIMBY (Please In My Backyard) — про-

исходя из неравномерного распределения затрат и выгод между сторонами.

Этот аспект позволяет нам далее представить конфликт следующим образом: хотя оба региона могли оказаться в зоне, подверженной риску загрязнения, один из них увидел возможность «оживления местной экономики, пребывающей в упадке, и создания рабочих мест» [3]. Таким образом, уругвайская сторона была готова принять на себя экологические издержки в целях экономического роста и создания рабочих мест. В то же время возобновление националистического дискурса обеими сторонами конфликта, главным образом уругвайской стороной, не позволило вынести требования на более масштабный региональный или транснациональный уровень.

2. Альтернативная социально-экономическая модель?

В течение первого десятилетия XXI в. в Латинской Америке был принят так называемый «Консенсус цен на сырьевые товары» [6]. Этот концепт означает интенсификацию производственных проектов, основанных на контроле, добыче и экспорте природных ресурсов. Следует отметить, что, хотя эксплуатация природных ресурсов, предназначенных для экспорта, не является новшеством в регионе, сценарий начала XXI в. породил новый экономический и политический порядок, который был обусловлен главным образом международным скачком цен на сырье в условиях роста спроса.

Идея «консенсуса», напоминающая «Вашингтонский консенсус» предыдущего десятилетия, основанный на финансовой переоценке (*valorización financiera*), относится не только к экономическому порядку, но и к признанию странами Латин-

тивоположная ей позиция: «Пожалуйста, стройте на моем заднем дворе», означающая поддержку новых проектов в сфере строительства.

Спор о целлюлозном заводе в Республике Уругвай.

Особенности конфликта

ской Америки политической и экологической асимметрии в сложившемся геополитическом порядке для достижения ими долгожданного экономического роста. С другой стороны, масштабы развитых предприятий в регионе свидетельствуют о крупных финансовых вложениях в капитал (а не в трудовые ресурсы), о наличии заинтересованных сторон (крупных транснациональных корпораций) и специализации производства (на сырьевых товарах).

У этой модели развития есть несколько «структурных трещин» [6]. Одна из них заключается в том, что она возвращает латиноамериканские экономики к экспорту сырьевых товаров. В то же время ситуация усугубляется из-за появления новых крупных экономических игроков, таких как Китай, которые навязываются в качестве неравноправных партнеров. В литературе также отмечается потеря продовольственного суверенитета и дальнейшее отчуждение или изъятие земель, ресурсов и территорий в целях развития добывающей промышленности.

Таким образом, с распространением этой модели выросло число социально-экологических конфликтов в населенных пунктах, которые вынуждены были покрывать социальные и экологические издержки этой формы производства. Под социально-экологическими конфликтами мы подразумеваем «те, которые связаны с доступом и контролем над природными ресурсами и территориями, которые предполагают наличие противоборствующих акторов, интересов и противоречивых ценностей в контексте неравномерного распределения властных полномочий». Обозначенные конфликты отражают различные представления о территории, природе и окружающей среде, а также инициируют дискуссию о сущности понятия «развитие» и, в более широком контексте, о сущности понятия «демократия» [6–19 р.].

Исходя из предмета исследования, необходимо выделить трудности, с которыми сталкиваются экологические движения развивающихся государств при пред-

ставлении альтернативной модели развития, способной привлечь граждан встать на защиту окружающей среды. В случае Гуалегуайчу разработка требований Ассамблеи (АСАГ) стала отправной точкой для широкой внутренней дискуссии, которая, вероятно, никогда не утихнет. Многие из ее членов одновременно являются крупными сельскохозяйственными производителями города или осуществляют профессиональную деятельность, связанную преимущественно с сельской местностью. Таким образом, несмотря на то, что часть членов Ассамблеи (АСАГ) требовала лишь перемещения целлюлозного производства из-за его географической близости к району Гуалегуайчу, другая часть настаивала на включении в список требований таких вопросов, как монокультурное производство сои, применение агрохимикатов, регулирование производства крупного рогатого скота на скотооткормочных базах (feedlot) и сброс отходов из промышленного комплекса города. Все это изменило ситуацию как для противников (которыми являются транснациональные корпорации и агенты глобального капитализма), так и для национальных, региональных и местных правительств, а также для интересов частного сектора.

Тем не менее, те, кто боролся за расширение требований, не преминули отметить необходимость развития отрасли и повышения ценности экспортируемой продукции. По сути, они сформулировали свою претензию на основе «альтернативной экономической и социальной модели», которая подразумевает уважительное отношение к окружающей среде, что означает как экологическое производство, так и жесткую реакцию на действия тех производителей, которые наносят ущерб окружающей среде.

Заключительные комментарии

В этой статье мы рассмотрели несколько вопросов, благодаря которым опыт Гуалегуайчу стал «пара-

дигматическим» примером: его двунациональный и многомерный характер, а также дискуссия о моделях развития, в первую очередь, в странах Латинской Америки. Как следствие, мы можем отметить, что производство функционирует с 2007 г. и что независимые исследования о его воздействии на окружающую среду так и не были признаны Общественной Экологической Ассамблеей Гуалегуайчу (ACAG). Гаагский суд в ответ на иск аргентинского правительства в 2010 г. вынес решение, согласно которому уругвайское правительство было признано виновным в нарушении обязательств по предоставлению информации и проведению консультаций, однако не признал, что целлюлозный завод загрязняет окружающую среду.

В свою очередь, Общественная Экологическая Ассамблея Гуалегуайчу (ACAG) продолжает работу по защите окружающей среды. В частности, она вошла в Союз гражданских собраний (Unión de Asambleas Ciudadanas) для артикуляции требований совместно с другими советами страны. Кроме того, сохраняя лозунг: «Нет бумажным фабрикам! Нет „Ботнии“! Нет раку!», она сосредоточилась на задачах мониторинга и контроля воздействия на окружающую среду целлюлозного предприятия «Ботния» (Botnia pastera), а также на наблюдении за ходом судебного разбирательства по данному иску. Их собрания проводятся каждую неделю, и они организуют, главным образом в летний сезон, различные мероприятия по повышению осведомленности и распространению информации: парады на городском карнавале, лодочные караваны, марши

по Международному мосту имени генерала Сан-Мартина и другие. Кроме того, представители Ассамблеи (ACAG) сопровождают различные экологические иски как от лица Союза гражданских ассамблей (UAC), так и в индивидуальном порядке, примером чему может служить ситуация с городскими врачами, заявившими о взаимосвязи роста заболеваемости раком в регионе с использованием агрохимикатов. Тем не менее, они утратили поддержку населения и средств массовой информации, на которую могли рассчитывать несколько лет назад.

Наконец, опыт Гуалегуайчу стал одним из самых важных эпизодов формирования ассоциативных движений в Аргентине. В то же время вскоре был выявлен ряд трудностей:

- неоднородная горизонтальная структура организации с большим количеством представителей из среднего класса, связанных с существующей моделью сельскохозяйственного производства;
- ослабление, вызванное радикальными требованиями протестующих, такими как призыв выйти на международный уровень в долгосрочной перспективе;
- трудности, связанные с социально-экологическим конфликтом, участниками которого являются производственные предприятия, которые расположены за пределами национальных границ и находятся под управлением транснационального капитала.

Литература

1. *Andrés, G., Wursten, A. G.* (2012) El «conflicto de las papeleras» como controversia tecnocientífica: un caso de empoderamiento social y participación ciudadana. *Fundamentos en Humanidades*, Universidad Nacional de San Luis, año XIII, nº II. — P. 185–199. Recuperado de: <http://fundamentos.unsl.edu.ar/pdf/articulo-26-185.pdf>. Último acceso: 19/07/2017.
2. *Cortassa, C. G., Wursten, A. G., Andrés, G.* (2013) El conflicto argentino-uruguayo por las Papeleras: diez años de una controversia socio-tecnio-ambiental Latinoamericana. *Caderno eletrônico de Ciências Sociais*, Vitória, nº 1. — P. 85–105. Recuperado de:

Спор о целлюлозном заводе в Республике Уругвай.

Особенности конфликта

- http://ri.conicet.gov.ar/bitstream/handle/11336/10866/CONICET_Digital_Nro.14344.pdf?sequence=1&isAllowed=y. Último acceso: 20/07/2017.
3. *Delamata, G.* (2007) El movimiento asambleario de Gualaguaychú: construcción y reclamo (internacional, nacional y transnacional) de un derecho colectivo. Ponencia presentada en el Seminario «Política y Pasteras en el Río Uruguay: Medio Ambiente, Modelos Productivos y Movimiento Social», Universidad Nacional de San Martín, 16/11/2007. Recuperado de: <http://www.unsam.edu.ar/escuelas/politica/documentos/31.pdf>. Último acceso: 22/07/2017.
 4. *Giarraca, N. y Petz, I.* (2007) La Asamblea de Gualaguaychú: su lógica de nuevo movimiento social y el sentido binacional «artiguista» de sus acciones. Revista Realidad Económica. Buenos Aires, n° 226. — P. 101–126, febrero-marzo de 2007.
 5. *Merlinsky, M. G.* (2008) Nuevos repertorios de acción colectiva y conflicto ambiental: una cronología del conflicto por la instalación de las plantas de celulosa en el Río Uruguay. En Cuestiones del tiempo presente. Nuevos Mundos, Mundos Nuevos. Recuperado de: <http://nuevomundo.revues.org/16412>. Último acceso: 19/07/2017.
 6. *Svampa, M.* (2012) Consenso de los Commodities, Giro Ecoterritorial y Pensamiento crítico en América Latina. OSAL — Revista del Observatorio Social de América Latina (Buenos Aires — CLACSO), año XIII, n° 32. — P. 15–38. Recuperado de: <http://biblioteca.clacso.edu.ar/clacso/osal/20120927103642/OSAL32.pdf>. Último acceso: 24/07/2017.
 7. *Sassen, S.* (2007) Una sociología de la globalización. Buenos Aires: Katz.
 8. *Tarrow, S.* (1997) El poder en Movimiento. — Madrid: Alianza.
 9. *Tarrow, S.* (2010) El nuevo activismo transnacional. — Barcelona: Editorial Hacer.
 10. *Telechea, R.* (2008) Ponencia: El legado del Argentinazo: un estudio de caso sobre la Asamblea Ambiental Ciudadana de Gualaguaychú. I Jornadas Internacionales de investigación y debate político. La crisis y la revolución en el mundo actual. Facultad de Filosofía y Letras, UBA.
 11. Estatuto Asamblea Ciudadana Ambiental de Gualaguaychú
 12. Discurso de Asunción de Tabaré Vázquez. Pronunciado en la ceremonia de declaración de fidelidad constitucional ante la Asamblea General del Poder Legislativo. Montevideo, Uruguay, 1º de marzo de 2005. En Revista Relaciones Internacionales, n° 28 (Segmento Digital), Instituto de Relaciones Internacionales (IRI). Recuperado de: http://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/44002/Uruguay_-_Discurso_de_asunci%C3%B3n_de_Tabar%C3%A9_V%C3%A1zquez_9_p._pdf?sequence=8. Último acceso: 29/07/2017.
 13. Declaración de Gualaguaychú (2003) Recuperado de: <http://www.mbigua.org.ar/uploads/File/Declaracion>.

Перевод статьи с испанского языка осуществили молодые исследователи факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова Дорохина Ксения, Матюсова Анастасия и Колпаков Роман

Особенности развития горнодобывающей промышленности в Аргентине: защита окружающей среды и интересы международных корпораций

Аннотация

В статье анализируются правовые и институциональные условия, которые были созданы в Аргентине для инвестирования иностранного капитала в горнодобывающую промышленность. И ставится вопрос о том, насколько эффективно защищены природа и интересы местного населения при развитии горной индустрии, особенно в местах, где ведется добыча полезных ископаемых международными корпорациями.

Ключевые слова: горнодобывающая промышленность, добыча полезных ископаемых, экономика, окружающая среда, развитие.

Автор

Элизабет Мёле

Бакалавр факультета экологии,
магистр факультета государственной политики
Университета Сан-Мартин
(Буэнос-Айрес, Аргентина)

В отличие от других стран региона Аргентина никогда не была горнодобывающей страной. Но в 90-е гг. XX в. внедряются новые способы добычи полезных ископаемых с более низкой стоимостью, происходит истощение природных месторождений, а также ужесточается экологическое регулирование в развитых странах — все это заставило горнодобывающую промышленность искать новые сценарии развития [10, 11].

Добыча полезных ископаемых открытым способом стимулировала рост экономики Аргентины, что, в свою очередь, привело к гиперинфляции, утечке капитала из страны, несбалансированности бюджета и растущей безработице. В 1989 г. к власти в Аргентине пришел Карлос Менем, который стремился изменить ситуацию в стране, но ему это не удалось. Карлос

Сауль Менем пытался выйти из кризиса сначала с помощью программы «Vunge u Vogн», которая усиливала лидирующую роль элитарной верхушки страны в обмен на финансовые вложения, повышение тарифов на коммунальные услуги и топливо и увеличение уровня заработной платы, но она не имела успеха. Затем он решил воспользоваться планом Антонио Эрмана Гонсалеса, направленным на погашение внешнего долга посредством долговых ценных бумаг, однако этот план также оказался неэффективным. Менем нуждался в плане, который смог бы объединить различных экономических акторов, экспортеров и внешних кредиторов для осуществления госзаказа. Данную инициативу поддержало отчаявшееся общество, главным желанием которого была борьба с инфляцией и усилившимся кри-

Особенности развития

горнодобывающей промышленности в Аргентине

зисом в стране. Диагноз и способ выхода из сложившейся ситуации были сформулированы очень четко: вся проблема в государстве, в его форме, размере, расходах, неразвитости, которые препятствуют нормальному развитию производственной деятельности. Следовательно, необходимо реформировать государство [23]. Благодаря этой идее, установленной и принятой в обществе, Аргентина присоединилась к Вашингтонскому консенсусу и волне приватизации и реформирования нормативной базы в Латиноамериканском регионе. Изменения практически сразу благоприятно отобразились на горнодобывающей промышленности.

В начале 90-х гг. XX в. Аргентина заняла пятое место в мире по использованию геологического потенциала. Однако он не реализовывался полностью, что влекло за собой убытки в размере 0,3 % от ВВП. В то время как экспорт природных ресурсов составлял 0,52 % от общего аргентинского экспорта, импорт минеральных продуктов и их производных составлял 4,11 %¹.

В соответствии с положением о том, что для стимулирования отрасли необходимо модернизировать инвестиционную политику и систему безопасности для иностранного капитала, исполнительная власть внесла ряд поправок в законодательство. Например, Федеральный закон о горной добыче, разъяснение в Национальной Конституции о правилах природопользования, санкции за нарушение Закона об инвестициях в горнодобывающие отрасли (1993 г.). Среди различных преимуществ, установленных указанным законом, являлись фискальная стабильность в течение тридцати лет (статья 8), вычет 100 % инвестиций из налога на прибыль (статья 12), максимальный процент выплаты по лицензионным платежам от 3 % со стоимости месторождения, объявленного той же компанией (статья 22), и освобождение от уплаты импортных пошлин (статья 21) [9].

В свою очередь, правила устраняли ограничения на размеры концессий при разведке и добыче полезных ископаемых и расширяли условия аренды и пользования шахтами. Эти реформы дают право полной передачи геологического наследия корпорациям, включая территориальное расширение и права на воду, необходимые для эксплуатации. Кроме того, государство автоматически исключается, в качестве продуктивного агента, создавая ситуации, почти эксклюзивной разработки минеральных ресурсов частным сектором (статья 9, Горный кодекс) [12].

Что касается институционального характера, то был учрежден Секретариат по горным провинциям при поддержке национального органа, как лица, принимающего решения продвигать и курировать развитие горнодобывающей промышленности, в то время как регулирование и контроль за окружающей средой зависел только от агентств провинций. Провинции, заинтересованные в развитии этой деятельности, должны были обязательно присоединиться к этой новой нормативной базе.

По итогам этих преобразований был выстроен идеальный механизм участия крупных горнодобывающих компаний и их инвестиционный вклад в экономику. Но в ходе работы государство отказалось от прибыли, самостоятельности, а также способности управления и принуждения [20].

В этих условиях первый большой проект по добыче полезных ископаемых был принят в 1994 г. в провинции Катамарка. Это была добыча золота, меди и молибдена на месторождении Бахо-Ла-Аламбрега (Bajo La Alumbrera), контролируемая Minera Alumbrera (ее главный акционер — швейцарская компания Glencore). Активная работа в регионе началась в 1997 г., а в 1998 г. компания Cerro Vanguardia Santa Cruz (ее дочерняя компания Anglo Gold Ashanti контролирует добычу полезных ископаемых в Южной Африке) начала заниматься добычей металлов, что стало

¹ Datos de un Informe de AGN http://www.agn.gov.ar/files/informes/2016_289info.pdf.

играть важную роль в профильном производстве страны.

Вторая волна проектов началась с канадской компании Barrick Gold и ее дочернего филиала Minera Argentina Gold (действует с 2005 г.); с британской компании Hochschild Mining и ее дочернего филиала Minera Santa Cruz (действует с 2007 г.); с еще одной канадской компании Yamana Gold Inc de Canadá и ее дочернего филиала Minas Argentinas (действует с 2009 г.) и других. На сегодняшний день они не являются единственными горнодобывающими корпорациями в стране, но они одни из самых важных, так как формируют львиную долю капитала в стране.

Таким образом, основные компании в стране по добыче полезных ископаемых — это дочерние филиалы основных мировых добывающих корпораций, подавляющее большинство которых из Канады.

Распределение международных инвестиций регулируется не только национальным законодательством, но и Двусторонним Инвестиционным Договором (ДИД). Оба этих документа регламентируют форму коммерческих отношений между двумя странами, что, в свою очередь, сложнее реформировать или аннулировать в отличие от аналогичного правила. Хотя каждое из этих соглашений установлено и подписано частным образом, они имеют одинаковое содержание.

Для анализа процесса добычи природных ресурсов на территории Аргентины проанализируем аргентино-канадский Двусторонний Инвестиционный Договор. Он был подписан в 1991 г. и вступил в силу два года спустя. Поскольку инвестиционный поток сильнее с севера на юг, а не наоборот, этот Договор имел больше целей, чем только предоставление гарантий канадскому капиталу. Среди наиболее важных пунктов можно выделить следующие: а) создание благоприятных условий для инвестиционного потенциала другого государства; б) предложение о привилегированной нации (каждая сторона должна

предоставлять другим те же льготы, что и третье государство); в) компенсации за потери в результате вооруженного конфликта, революции, чрезвычайного или стихийного бедствия; г) запрет национализаций или экспроприации; д) неограниченный перевод средств и создание Международного центра по урегулированию инвестиционных споров в качестве суда, где решаются конфликты между сторонами¹.

Помимо наличия налоговых льгот, минимального экологического контроля и устойчивого правового обеспечения национального и международного уровня, предприятия имели высочайшую рентабельность. Международная цена за унцию золота (28 грамм) после падения курса в период с 1995 по 2001 г., варьировалась от 360 \$ в апреле 2001 г. до 1969 \$ в августе 2011 г. Иными словами, цены повысились почти на 447 %. С августа 2011 г. происходило серьезное падение цен, после чего они уже не смогли достичь прежнего уровня, но оставались относительно стабильными — около 1200 \$².

В 2003 г. к власти в стране пришли киршнеристы и в своих речах они выступали за национализацию и популяризацию добывающей промышленности, однако иностранный сектор не переставал расти и этот процесс ни разу не был оспорен властями национального государства. Кроме введения налога на экспорт руды в 2007 г., составляющий от 5 до 10 %, и спорного законопроекта «Ley de Glaciares» (Закон о ледниках), который ограничивает территорию добычи руды, никто больше не пытался изменить Двусторонний Инвестиционный Договор.

Несмотря на внутренние противоречия, здесь имела своя макроэкономическая логика. За первый президентский срок Не-

¹ Disponible en http://www.sice.oas.org/Investment/BITSbyCountry/BITs/CAN_Argentina_s.asp.

² Datos tomados de <http://www.macrotrends.net/1333/historical-gold-prices-100-year-chart>.

Особенности развития

горнодобывающей промышленности в Аргентине

сторы Киршнера цены на экспортные товары значительно возросли, что позволило стране выйти из кризиса в 2001 г., а также укрепить государственное устройство. Позже Кристина Киршнер, столкнувшись с гораздо более агрессивным глобальным контекстом и не имея доступа к международным кредитам, в любом случае нуждалась в иностранной валюте, которая предотвратила бы сокращение резервов Центрального банка: валюте, поступавшей из двух крупных экспортных секторов — сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности. Таким образом, последовательно сменявшиеся мандаты киршнеристов не позволили создать даже финансовые условия, необходимые для того, чтобы пересмотреть нормативную базу деятельности. Также киршнеризм оказался неспособен полноценно использовать возможности горнодобывающей промышленности даже в рамках существующих законов для стимулирования национальной промышленности, например, путем интеграции производственных циклов или повышения добавленной стоимости добываемого минерала, однако продолжался импорт практически всех необходимых для эксплуатации технологий, а сырье продолжало покидать страну, проходя только процессы добычи и переработки [5, 23].

В первые годы XXI в. актуализировался социальный вопрос о добыче полезных ископаемых открытым способом. То, что начиналось как требование местного населения по улучшению распределения доходов от горнодобывающей промышленности, переросло в требование по модернизации экологического контроля и, наконец, привело к восстаниям народных масс, призывающих к полному запрету подобного рода проектов. Требования многих провинций были проигнорированы либо для урегулирования конфликта на ключевые посты горнодобывающих предприятий назначались лояльные руководители, однако таким провинциям, как Эскель, Фаматина, Мендоса и Кордова, удалось добиться нераспространения

промышленной инфраструктуры на своей территории [15, 17, 21, 22].

Конец так называемого латиноамериканского левого поворота привел на пост президента Аргентины Маурисио Макри в декабре 2015 г. Первые реформы его правительства были направлены на развитие горнодобывающей промышленности — на повышение конкурентоспособности данной отрасли, увеличение инвестиций и защиту рабочих мест. Спустя несколько месяцев макристы представили новое Федеральное соглашение о горнодобывающей промышленности, которое должно быть принято Конгрессом, но его уже поддержали (и подписали) несколько провинций. Соглашение признает горнодобывающую промышленность основным видом деятельности, способным обеспечить целостное развитие провинций. Среди наиболее противоречивых линий политики заметнее всего выделяется возможность предприятий работать совместно с государством, для повышения статуса горнодобывающей отрасли в национальной экономике и повседневной жизни страны. Кроме того, по соглашению, Министерство окружающей среды не является контрольным органом над горнодобывающей промышленностью. Что же касается охраны ледников, то здесь речь идет об укреплении власти провинциальной полиции в сфере горнодобывающей деятельности, которая будет вестись в районах, где существуют ледники, что категорически запрещено законом о защите ледников, принятым в 2010 г. Также игнорируются мнения той части общества, которые выступают против добычи природных ресурсов на своей территории.

В рамках экономического проекта макризма, зависящего от инвестиций и внешнего долга и направленного на продуктивную реконструкцию неэффективных промышленных секторов, не следует ожидать большого интереса к усилению транснационального капитала в стране или укреплению национальной промышленности в отношении добычи руды.

Таким образом, в течение всех этих лет государство и общество никогда не проводило серьезный анализ того, какое значение имеет горнодобывающая промышленность, действительно ли она помогает экономике страны, как это было обещано провинциям, или все же необходимо искать иные пути развития.

Главная особенность данной отрасли заключается в том, что она добывает невозобновляемые ресурсы. В этой связи проекты должны быть предельно разработаны и обоснованы, чтобы через пару лет провинция не осталась без денег и без природного потенциала.

Литература

1. *Acosta, A.* La Maldición de la Abundancia. Quito, Editorial Abya-Yala. 2009.
2. Auditoría General de la Nación. Proyecto de Informe de Auditoría de Gestión Ambiental. Gerencia de Planificación y Proyectos Especiales. Departamento de Control de Gestión Ambiental. 2020–2014.
3. *Alimonda, H.*, compilador. Ecología Política. Naturaleza, Sociedad y Utopía. Buenos Aires, Editorial Clacso. 2003.
4. *Azpiazu, D., Basualdo, E., y Schorr, M.* La industria argentina durante los años noventa: profundización y consolidación de los rasgos centrales de la dinámica sectorial post-sustitutiva. Buenos Aires: FLACSO. 2001.
5. *Basualdo, F.* Desempeño de la actividad minera metalífera en la Argentina. Renta minera y distribución de los beneficios. Revista Apuntes para el cambio, 2, 5–18. 2012.
6. *Cao, H. y Vaca, J.* Desarrollo regional en la Argentina: la vigencia de un centenario patrón de asimetría regional. Revista EURE Volumen XXXII N° 95—Instituto de Estudios Urbanos y Territoriales, Pontificia Universidad Católica de Chile — Santiago de Chile. 2006.
7. *Cheshire, L., Everingham, J. y Lawrence, G.* Governing the impacts of mining and the impacts of mining governance: challenges for rural and regional local governments in Australia. Journal of Rural Studies 36: 330–339. 2014.
8. *Christel, L.* Incidencia de las resistencias sociales en las legislaciones mineras provinciales. Los casos de Córdoba y Catamarca (2003–2008). Tesis de Maestría, Maestría en Políticas Públicas y Gerenciamiento del Desarrollo, Universidad Nacional de San Martín, Buenos Aires. — Argentina, 2012.
9. *Christel, L.* Resistencias sociales y legislaciones mineras en las provincias argentinas: los casos de Mendoza, Córdoba, Catamarca y San Juan (2003–2009). Tesis de Doctorado, Universidad de San Martín. 2015.
10. Colectivo Voces Alerta. 2011. 15 mitos y realidades de la minería transnacional en Argentina. Buenos Aires, Editorial El Colectivo.
11. *Gudynas, E.* Diez tesis urgentes sobre el nuevo extractivismo. Contextos y demandas bajo el progresismo sudamericano actual. Extractivismo, política y sociedad: 187–225. — Quito: CAAP/CLAES. 2009.
12. *Machado Aráoz, H.* Potosí, el origen. Buenos Aires, Editorial Mardulce. 2014.
13. *Murguía, D.* ¿Minería sostenible?: Análisis del conflicto social en Bajo de la Alumbrera desde sus informes de sostenibilidad y actores locales críticos. Estudios Socioterritoriales. 2013.
14. *Rodríguez Pardo, J.* Vienen por el oro, vienen por todo. Las invasiones mineras 500 años después. Fundación Centro de Integración, Comunicación, Cultura y Sociedad. Buenos Aires. 2011.
15. *Schein, D.* Souverainetés en conflit: industrie minière transnationale, politique subnationale et mouvements socioenvironnementaux en Argentine: une analyse comparée dans les provinces de Chubut et de Santa Cruz. Tesis de Doctorado, Universidad de Quebec en Montreal. 2015.

Особенности развития

горнодобывающей промышленности в Аргентине

16. Secretaría de Minería. Minería Argentina: lo mejor está por venir. 2016.
17. <http://pdac2016.minem.gob.ar/presentacion-argentina-pdac-2016-es.pdf>.
18. Sola Álvarez, M. Estados subnacionales, conflictos socioambientales y megaminería. Reflexiones a partir del análisis de la experiencia del Valle de Famatina, Argentina. Sociedad y Ambiente. Año 4, Vol. 1, Nro. 9. — P. 26–44. 2015.
19. Svampa, M. y Antonelli, M. Minería Transnacional, narrativas del desarrollo y resistencias sociales. Buenos Aires, Editorial Biblos. 2009.
20. Svampa, M. Consenso de los Commodities y lenguajes de valoración en América Latina. Nueva sociedad, Vol. 244, 30–46. 2013.
21. Svampa, M. y Viale, E. Maldesarrollo, la Argentina del extractivismo y el despojo. Buenos Aires, Editorial Katz. 2014.
22. Wagner, L. S. Problemas ambientales y conflicto social en Argentina. Movimientos socioambientales en Mendoza. La defensa del agua y el rechazo a la megaminería en los inicios del siglo XXI. Tesis de Doctorado, Universidad Nacional de Quilmes. Buenos Aires. 2010.
23. Walter, M. Conflictos ambientales, socioambientales, ecológico distributivos, de contenido ambiental... Reflexionando sobre enfoques y definiciones. Centro de Investigación para la Paz Social (CIP-Ecosocial). Nro. 6. Madrid. 2009.
24. Wainer, A., y Schorr, M. La economía argentina en la posconvertibilidad. problemas estructurales y restricción externa. Revista Realidad económica. Buenos Aires. 2014.

Перевод статьи с испанского языка осуществили молодые исследователи факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова Дашкина Ирина, Матюсова Анастасия и Колпаков Роман

Экологические конфликты России в 2017 году: анализ, решение и предупреждение

Аннотация

Данная работа — результат масштабного исследования экологических конфликтов, произошедших в Российской Федерации в 2017 г. На основе подробного изучения каждого прецедента авторы статьи выявили общие элементы экологических конфликтов, позволившие создать их типологию и классификацию. В результате было выделено 3 группы экологических конфликтов. Кроме того, в исследовании предложена схема урегулирования экологических конфликтов, включающая в себя основные постулаты, ориентация на которые позволит эффективно разрешить противоречия. Помимо этого, в работе продемонстрирован возможный вариант мониторинга экологических конфликтов, главная роль в котором отводится анализу интенсивности общественного недовольства экологическим состоянием, а также техническому контролю над деятельностью тех или иных предприятий. Наконец, нами была также описана система анализа интенсивности экологических конфликтов, основанная на качестве и количестве материалов, опубликованных в СМИ.

Ключевые слова: экология, конфликты, политика, регионы, бизнес, общество, конфликтология.

Авторы

Богданова Елизавета Михайловна

Студентка магистратуры
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Есиев Эльдар Таймуразович

Студент магистратуры
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Кравцев Евгений Владимирович

Студент бакалавриата
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Экологические конфликты России в 2017 году:

анализ, решение и предупреждение

В ходе исследования было проанализировано более 40 прецедентов экологических конфликтов в различных регионах Российской Федерации за 2017 г. Этот анализ привел к выводу, что существует несколько типовых видов экологических конфликтов, проходящих в России. К таким видам относятся: конфликты между различными группами общества и предприятиями, конфликты между региональным или муниципальным уровнем власти и обществом, конфликты между различными общественными группами. Наиболее частыми яв-

ляются конфликты между обществом и предприятиями. В основном причинами таких конфликтов являются сохранение природы или же борьба с вредным производством, результатами производства. Если же рассматривать ситуацию в целом, то можно определить следующие основные причины конфликтов, имеющих место в нашем государстве: сохранение культурно-природных объектов (парки, скверы, пруды и т. д.), защита окружающей среды от деятельности предприятий, проблема мусора, а также защита животных.

Рисунок 1. Основные группы конфликтов

Выделив основные типы экологических конфликтов и их причины, становится возможным описание их структуры и основных элементов. Начать разбор следует с понимания основных, уже упомянутых, причин экологических конфликтов.

Итак, первой причиной конфликтов можно назвать защиту окружающей среды от деятельности предприятий. Конфликты данного типа состоят из 2 факторов: предприятия загрязняют воздух в районе своей деятельности, что мешает комфортному существованию местных жителей, либо предприятия уничтожают природные объекты (леса, озера, реки

и т. д.). И в том, и в другом случае конфликты сложно разрешимы и, скорее всего, могут быть полностью ликвидированы лишь с помощью судебных органов. Типичный алгоритм такого конфликта: происходит инцидент, активисты организуют митинг или пикет, на котором подписывают петиции, пишут жалобы в местные органы власти или на предприятие с просьбой вмешаться в этот вопрос и решить его. Далее конфликтная ситуация либо игнорируется, либо становится основанием для прокурорской проверки. В первом случае неизбежен повторный митинг, обращение в вышестоящие органы власти

(либо региональный уровень, либо федеральный, либо к Президенту). Во втором случае общество ждет результатов прокурорской проверки, но не отступает от тактики постоянного сопротивления с предпрятием. В конечном итоге результатом конфликта такого типа является решение суда об экологически опасной деятельности предприятия с предписанием устранить нарушения либо же приостановка деятельности этого предприятия. В случае, если речь идет о вреде природным объектам, то конфликт зачастую сводится к вопросу о выдаче разрешения компании на эту, опасную для экологии, деятельность. Согласно законодательству, такое разрешение может быть выдано либо региональной властью, либо муниципальной, а значит, и судебное решение в данной ситуации будет направлено не только против компании, но и против представителей власти, выдавших разрешение. Оставляя второй вариант за скобками, можно сказать, что идеальной тактикой для власти в конфликтах подобного типа будет поддержка общества и поиск досудебного решения с предприятиями, учитывающий ликвидацию проблемы загрязнения воздуха.

Следующую группу конфликтов можно назвать «сохранением культурно-природных объектов». Заключаются такие конфликты в желании общества сохранить парки, пруды, скверы либо иные объекты подобного типа. Причиной конфликта обычно становится желание со стороны бизнеса или органов власти изменить такие объекты. Причем конфликты могут случаться как из-за стройки на территории парка, так и из-за благих намерений власти — обновить парк, сделать его лучше. В первом случае причина очевидна — людям не хочется терять место для прогулки и отдыха. Что же касается второго вопроса — дело здесь в интерпретации, объяснении властью своих намерений. Поэтому важнейшим пунктом в профилактике экологических конфликтов данного типа является PR-кампания

по продвижению своей инициативы, какой бы она ни была. Общество в большинстве случаев реагирует на изменения негативно, поэтому важно подготовить его к ним. Решением конфликта является проведение публичных слушаний либо размещение на территории реконструкции информационных плакатов, которые подробно объяснят жителям цели деятельности строителей.

Одной из самых популярных тем экологических конфликтов в 2017 г. стала тема мусора. Ее можно разделить на две категории: борьба с незаконными свалками, с мусорными полигонами, полигонами ТБО и борьба с планами по ликвидации этих объектов. В первом случае все достаточно ясно: свалки и полигоны вызывают недовольство местных жителей, так как загрязняют окружающую среду. Особенно активно этот тип конфликтов развивается в Московской области. Второй тип конфликтов, связанных с мусором, заключается в движении общества против желания властей строить рядом с жилыми домами мусоросжигательные заводы. Жители боятся, что при сжигании мусора будут образовываться вредные вещества, загрязняющие воздух и вызывающие опасные заболевания у населения. Многие жители видят решение проблемы в постройке мусороперерабатывающих заводов, которые будут распределять мусор и преобразовывать его в новые материалы. Такой тип заводов кажется жителям наиболее удачным с точки зрения экологической безопасности. Однако в мире уже есть примеры мусоросжигательных заводов, не причиняющих никакого вреда для окружающих жилых территорий (губернатор Московской области А. Ю. Воробьев даже посетил Японию специально для знакомства с технологией таких заводов [1]). Исходя из этого, мы можем сказать, что опасения жителей могут быть неоправданными, конечно же, при соблюдении всех стандартов современных технологически развитых заводов для сжигания мусора.

Экологические конфликты России в 2017 году: анализ, решение и предупреждение

Власти должны в конфликтах этой категории также объяснить обществу, почему лучше выбрать именно мусоросжигательные заводы, раскрыть принципы их работы и убедить людей в безопасности этих заводов.

Также популярный тип экологических конфликтов связан с защитой животных. Особенностью данного типа является то, что общество требует у власти более серьезных наказаний за жестокое обращение с животными. Прецедентом зооконфликтов становится ситуация, в которой пострадали животные. В данный момент проблема, которая вызывает конфликт, решается: Государственная Дума Российской Федерации 13.12.2017 приняла в окончательном чтении поправки в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ в части жестокого обращения с животными (2), которые предполагают более серьезные санкции в отношении лиц, нарушивших закон. Прогнозируется, что дальнейшая борьба за охрану животных будет связана с вопросами учета и контроля питомцев, ограничения использования животных в цирках и контроле над качеством содержания бездомных особей.

Алгоритм разрешения экологических конфликтов

В целом, проанализировав 46 прецедентов экологических конфликтов в России в 2017 г., мы выработали рекомендации для муниципального и регионального уровня власти. Если конфликт уже перешел в активную фазу, его решение будет затруднено, но, тем не менее, не невозможно. Во-первых, следует четко определить субъекты конфликта — те стороны, которые противостоят друг другу, а также тех косвенных участников, которые оказывают поддержку какой-либо из сторон. Это поможет выявить их интересы и желания. Во-вторых, следует создать комиссию по разрешению конфликта, которая будет включать представителей

сторон, представителя власти (если она сама не является активным участником противоречия), а также медиатора (конфликтолога), роль которого — организация и управление комиссией. Важнейшей задачей конфликтолога будет выявление истинных интересов сторон (зачастую публично высказываемые интересы являются искусственными). После этого необходимо начать совместную проработку возможных решений конфликта. В ходе этого процесса важно придерживаться следующих ориентиров:

- 1) экологическая безопасность людей — главное. Нельзя требовать от людей пойти на слишком серьезные уступки, склонять их к отказу от своих требований. Такое решение конфликта не разрешит его, а лишь заморозит;
- 2) бизнес должен выполнять социальные функции. Принятие этого ориентира откроет поле для поиска консенсуса между бизнесом и обществом;
- 3) бизнес не враг обществу. Этот тезис важен, так как современное российское общество в большинстве своем негативно относится к бизнесу, что способствует эскалации конфликта;
- 4) ориентация на реальные ресурсы. Зачастую общество требует выполнения условий, которые не могут быть реализованы в принципе. Власть или бизнес также могут давать декларировать обязательства, выполнение которых невозможно из-за отсутствия ресурсов. Таким образом, после подписания мирового соглашения, выясняется, что стороны не могут обеспечить его реализацию, что вызывает эскалацию конфликта.

Далее, выработав совместное решение, необходимо четко расписать этапы реализации решения, сроки и ресурсные вопросы. Обеспечением реализации должна заняться власть. В случае, если конфликт происходит между властью и обществом, то контролем над реализацией договоренностей должен заняться следующий уровень власти.

Особенности экологических конфликтов

Примечательной особенностью экологических конфликтов в России является то, что инициаторами выступают простые жители. Государ-

ственные органы, муниципалитеты могут быть вовлечены в конфликт, могут даже занимать сторону народа, но при этом никогда не бывают инициаторами. Это свидетельствует о том, что власть не желает поднимать экологическую тематику из-за стремления создать образ благополучного, стабильного района.

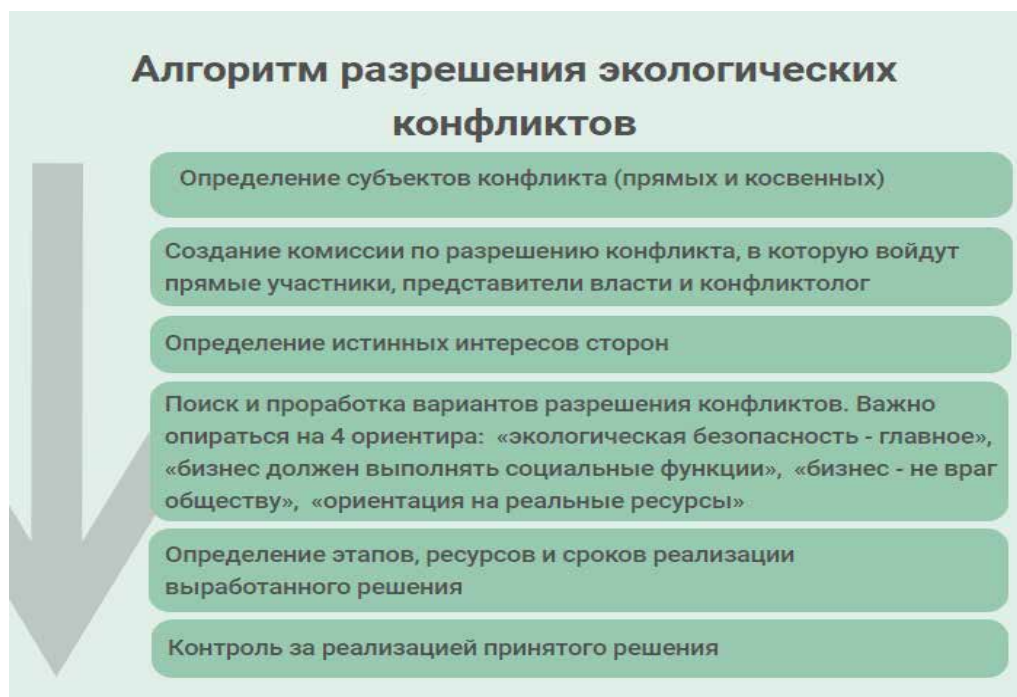

Рисунок 2. Алгоритм разрешения экологических конфликтов

Кроме того, важной особенностью экологических конфликтов является то, что власть зачастую становится их косвенным участником, который призывается гражданами и бизнесом для того, чтобы разрешить противоречие. В связи с этим следует предложить формат решения экологических конфликтов для властных органов, будь то региональный уровень, либо муниципальный. Во-первых, необходимо понимание своей роли в конфликте. Разрешить конфликт с медиатором, посредником намного легче и эффективнее, нежели без него. Эта роль предполагает беспристрастную оценку происходящего и поиск наилучших альтернатив. Во-вто-

рых, важно приглашать профессионально подготовленных людей для разрешения конфликта — конфликтологов, которые получают право на разрешение конфликта от лица власти. Формат сотрудничества специалистов и власти при этом будет основан на проектной работе.

Следующей особенностью экологических конфликтов в Российской Федерации является тот факт, что власть обращает на них внимание спустя некоторое время. Это ведет к тому, что конфликт расширяется и возможностей «объяснить» и «договориться» с обществом становится меньше. В связи с этим, логично проводить мониторинг муниципалитетами потенци-

альных конфликтов и начинать работать с ними еще на этапе их институционализации.

Мониторинг экологических конфликтов

Мониторинг экологических конфликтов предполагает выявление основной причины возникновения напряженности, участников конфликта, степени экологического ущерба, нанесенного одной из сторон. Такая система должна осуществляться на основе учета данных СМИ, конкретных социологических исследований, интернет-пространства и отдельных обращений граждан. Обработав собранную информацию, ее необходимо представить в открытом доступе для общества, повышая тем самым осведомленность людей и их дальнейшую заинтересованность в регулировании возникших экологических проблем. Результаты мониторинга можно использовать как для анализа практики применения природоохранного законодательства, так и для обоснования изменений нормативных документов.

Хорошим примером создания системы общественного мониторинга экологических проблем является интернет-платформа BIODAT [3], регистрировавшая сообщения пользователей о конкретных нарушениях предприятий или экологических авариях во всех регионах Российской Федерации. Благодаря подобному методу удалось составить экологическую статистику субъектов нашей страны, которая показывала, в каких местах наиболее остро стоит проблема загрязнения окружающей среды. К сожалению, сведения, опубликованные на сайте, касаются лишь временного периода приблизительно до 2010 г., а информация о современных экологических конфликтах отсутствует, исходя из чего можно сделать вывод, что проект был заброшен. Однако идея формирования такого всеохватывающего механизма наблюдения не потеряла свою актуальность.

Помимо общественной инициативы, существует и государственный экологический мониторинг, который, согласно Федеральному закону «Об охране окружающей среды» [4], предполагает создание единой системы государственного мониторинга окружающей среды и государственного фонда данных государственного экологического мониторинга с целью учета объектов, оказывающих негативное влияние на окружающую среду, и последующей выработке предложений по предотвращению их неблагоприятного воздействия на экологическое состояние территории России.

Для того чтобы наладить механизм осуществления экологического мониторинга, снижая при этом возможность трансформации экологических проблем в экологические конфликты, необходимо:

- 1) расширять доступ к базе данных мониторинга;
- 2) распространять результаты исследований в органы государственной власти, органы местного самоуправления, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и обществу в целом;
- 3) взаимодействовать с научными и образовательными центрами;
- 4) анализировать примеры мирового опыта по использованию эффективных методов наблюдения;
- 5) использовать инновационные технологии контроля над деятельностью предприятий и отдельных лиц (массовая установка камер фото-, видеофиксации, система спутникового наблюдения, использование датчиков для определения качества и состава воды, земли и воздуха).

Интенсивность экологических конфликтов

Для того чтобы дать определение, какой степени интенсивности конфликт мы рассматриваем (низкой степени, средней или высокой), необходимо выделить критерии, по которым будет проводиться исследование.

Рисунок 3. Мониторинг экологических конфликтов

1. СМИ

Анализ современных конфликтов не может проводиться без определения роли СМИ (телевидение, интернет-издания, печатные издания, радио), которые освещают конфликты. Для этого нам стоит выделить следующие критерии.

Частота упоминания конфликта в СМИ (телевидение, радио, печатные и интернет-издания):

4 балла — неоднократное упоминание в вечернем выпуске новостей на федеральных каналах; 3 балла — разовое упоминание в федеральных СМИ или неоднократное обсуждение в региональных СМИ, освещение конфликта во всероссийских интернет-изданиях; 2 балла — публикации в локальных и профессиональных СМИ; 1 балл — обсуждение только в тематических группах в социальных сетях; 0 баллов — не освещается в медиaprостранстве вообще.

Количество упоминаний в интернет-пространстве:

4 балла — создан отдельный сайт, посвященный проблеме. Постоянно публикуется актуальная информация, существу-

ют группы в социальных сетях; 3 балла — создано несколько тематических групп в социальных сетях с активными членами, постоянно публикуется новая информация. Члены группы — не только проживающие/работающие на данной территории, но и просто неравнодушные граждане; 2 балла — существует одна группа в социальных сетях, посвященная конфликту, члены группы — непосредственно вовлеченные в конфликт граждане; 1 балл — обсуждение проблемы осуществляется только отдельными пользователями в личных постах, отсутствует отдельная площадка единомышленников; 0 баллов — проблема не обсуждается в интернет-пространстве вообще.

2. Протестная активность

Важно выявить количество непосредственных участников от общего количества проживающих на данной территории. Среднее количество участников одной акции протеста, исходя из исследованных нами конфликтов, составляет 400 человек, а общее среднее количество акций по одному конфликту — 3 публичных мероприятия (митинги, пи-

Экологические конфликты России в 2017 году:

анализ, решение и предупреждение

кеты). Таким образом, общее количество вовлеченных в конфликт людей в среднем своем выражении составляет 1200 человек. Взяв эту цифру за «норму», мы можем предположить, что конфликт, в который вовлечено суммарно более 1500 человек, будет являться по этому показателю крайне интенсивным (4 балла). Конфликт, охватывающий от 800 до 1500 человек, будет считаться интенсивным (3 балла). Протестные акции, набравшие от 500 до 800 человек, будут считаться малоинтенсивными (2 балла). Если же суммарное количество протестующих составило до 500 человек, то такой конфликт будет считаться крайне малоинтенсивным (1 балл). В конфликтах, набравших незначительное количество, интенсивность, по данному показателю, отсутствует вовсе (0 баллов). Однако так как в каждом регионе РФ различается численность населения, то следует универсализировать вышеуказанные цифры. Для этого мы рассчитали среднее количество человек, проживающих в одном регионе РФ, согласно данным Росстата. Далее мы вычислили процентное соотношение вышеуказанных цифр к «среднему региону» и получили следующие показатели: 4 балла — 0,09 %, 3 балла — 0,05 %, 2 балла — 0,03 %, 1 балл — 0,01 %, 0 баллов — протестная активность отсутствовала.

Количество проведенных акций, митингов, пикетов. Количество проведенных публичных акций необходимо учитывать, основываясь на определенном временном промежутке. Возьмем, к примеру, один год. 4 балла — непрекращающиеся акции, 3 балла — многократные акции протеста, 2 балла — однократные акции, 1 балл — одиночный пикет, 0 баллов — протестная активность отсутствовала.

Характер этих протестных акций

4 балла — на акциях были произведены массовые задержания из-за нарушения общественного порядка; 3 балла — неоднократные протестные акции; 2 балла — единичные акции, без нарушения общественного порядка; 1 балл — одиночные пикеты, обращения в органы государ-

ственной власти, в различные организации. Создание тематических сообществ в социальных сетях; 0 баллов — протестная активность отсутствовала.

3. Статус конфликта

Уровень вовлеченных в конфликт участников. Здесь важно учитывать, на каком уровне будет решаться данный конфликт. Важность конфликта во многом определяется тем, какой уровень акторов учувствует в его разрешении: 4 балла — международный уровень; 3 балла — президент или уровень федеральной власти; 2 балла — региональный уровень; 1 балл — органы местного самоуправления или руководство предприятия.

Суммируя количество полученных баллов, мы получаем картину того, насколько интенсивен конфликт в том или ином регионе.

Где 0 баллов — это отсутствие конфликта вообще, а повышение количества баллов, свидетельствует о повышении интенсивности конфликта. Приближение конфликта к отметке в 24 балла свидетельствует о высокой интенсивности конфликта, что может привести к серьезным последствиям и требует немедленного решения.

Рассматривая конкретные примеры, можно рассмотреть конфликт в городе Новохопёрске Воронежской области, где митинг против добычи никеля и строительства горно-обогатительного комбината 24 июня 2017 г., по сообщениям СМИ, собрал около 1000 участников [5].

Конфликт широко освещался в региональных СМИ [6] и был сделан новостной выпуск на федеральных каналах (РЕН ТВ) [7]. Степень обсуждения данного конфликта в СМИ можно оценить в 3 балла.

Существует статья в «Википедии» [8], посвященная проблеме разработки никелевых месторождений в этой области. Помимо этого, в социальных сетях есть множество групп, где постоянно публикуются новости, связанные

с загрязнением окружающей среды [9]. Поэтому по количеству упоминаний в интернет-пространстве можно оценить этот конфликт в 4 балла. Население Воронежской области составляет 2 335 768 человек. В конфликте в Новохопёрске, по данным СМИ, было задействовано около 1000 человек. Это составляет 0,04 % от общего числа жителей региона, что, согласно нашей системе расчетов, подпадает под 2 балла. Однако, если мы рассмотрим это проблему шире, не отталкиваясь от одного конкретно взятого города и митинга, мы поймем, что проблема затрагивает жителей не только близлежащего города, но и всего региона в целом. По количеству протестных акций мы ставим 2 балла, так как за 2017 г. была осуществлена только 1 массовая акция. Она прошла мирно и без нарушения общественного порядка. Поэтому ставим 2 балла. О ситуации в Новохопёрске было неоднократно доложено Президенту Рос-

сии В. В. Путину, в том числе и на Селигерском форуме в 2013 г. [10]. Однако проблема до сих пор не решена. Так что оценим статус конфликта в 3 балла.

Итого, интенсивность конфликта в Новохопёрске можно оценить в 16 баллов, что является уровнем выше среднего (24 пункта). Таким образом, власти необходимо принять дополнительные меры для разрешения данного конфликта.

В заключение следует сказать, что инструменты мониторинга и анализа интенсивности экологических конфликтов, отображенные в данной работе, должны помочь муниципальному и региональному уровням власти в контроле за состоянием экологической конфликтности. Необходим постоянный анализ ситуации для создания стратегии разрешения экологических конфликтов в каждом регионе Российской Федерации, в том числе и при участии конфликтологов.

Литература

1. Воробьёв посетит мусоросжигательный завод в рамках роуд-шоу в Японии // РИА-МО. — URL: <https://riamo.ru/article/249831/vorobev-posetit-musoroszhigatelnyj-zavod-v-ramkah-roud-shou-v-yaponii.xl?mTitle=&mDesc=&mImg=> (дата обращения: 21.12.2017).
2. Госдума приняла закон об ужесточении наказания за живодерство // РИА-Новости. — URL: <https://ria.ru/society/20171213/1510829817.html> (дата обращения: 21.12.2017).
3. Общественный мониторинг экологических проблем // BioDat. — URL: <http://biodat.ru/db/mon/mon.php?src=0&met=1> (дата обращения: 21.12.2017).
4. Закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды (с изменениями на 29 июля 2017 года)» от 10.01.2002 № 7 // Российская газета.
5. Жители Волгоградской области поддержали митинг против добычи никеля в Прихопёрье // Кавказский Узел. — URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/304958> (дата обращения: 29.12.2017).
6. Антиникелевый погром под Новохопёрском // Youtube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9y03m-MboZc> (дата обращения: 29.12.2017).
7. РЕН ТВ о добыче никеля на Хопре. 2016.03.15 // Youtube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DFb2E786ipU> (дата обращения: 29.12.2017).
8. Акции в защиту Хопра // Wikipedia. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D1%83_%D0%A5%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0 (дата обращения: 29.12.2017).
9. Добыча никеля — угроза Черноземья и Прихопёрья // Вконтакте. — URL: <https://vk.com/stopnikel> (дата обращения: 29.12.2017).
10. «В защиту Хопра» и В. В. Путин о Хопёрском заповеднике на Селегерском форуме 2013 г. // Youtube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6vTjXbSB-iE> (дата обращения: 29.12.2017).

Summary

Environmental policy in Russia: a new phase

Abstract. The current phase of Russia's state environmental policy is characterized by a change of the conceptual principles of state environmental management, the transition to a fundamentally new «platform» of state regulation. Key innovations are based on global experience and the best practices of environmental regulation. The article substantiates the transition to a new «industrial-ecological» phase of Russia's state ecological policy, which aims to combine the tasks of industrial and ecological development of the country.

Keywords: environmental policy, ecologization of industry, 219-FL, the concept of «the best available technologies» (BAT), technological rationing, industrial and environmental phase.

Author:

- Semiletova Elena Viktorovna, PhD in Economy, deputy head of the Apparatus of the Committee of Ecology and Environmental Policy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia)

To the «green» economy through «green» finance, bioeconomics and sustainable development

Abstract. The article outlines the theoretical and practical aspects of the transition to a new model of the state's environmental policy. Particular attention is paid to following directions of transition: «green» economy, bioeconomics and sustainable development. The main instruments of transition to a new model of environmental policy are analysed: «green» finance and socio-eco-economic indices of sustainable development, introduced into practice.

Keywords: green economy, green finance, bioeconomics sustainable development, environmental policy of the state, socio-ecological economic index.

Author:

- Nikonorov Sergey Mikhailovich, Doctor of Economic Sciences, leading researcher of the Department of Environmental Economics of Economics Faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Ecology in the mass consciousness and self-organization of individual in the globalizing world

Abstract. The inertia of the development of modern society in the conditions of intensification of progress and periodic bursts of waves of public indignation on various problems, indicate the need for a deeper consideration of the specifics of the life organization of each member. This is especially true about environmental issues in the mass consciousness and a separate personal approach. The problems of environmental protection, nature protection and, as a consequence, the health of the person, are designed in the public consciousness often only through the prism of a threatening ecological catastrophe. Although human influence on nature, excessive anthropogenic load only increases in proportion to the population growth on the planet. However, destructive thoughts expressed by some experts about finding mechanisms to reduce or to slow the rate of this growth, unfortunately, will not lead to a positive solution to the complex of environmental problems. It is most likely important to emphasize the importance of finding and forming the methods of education of ecological

consciousness as a necessary condition for carrying out ecological policy and changes in the development of society, which will allow to manage certain risks and radically transform the approach itself in the awareness of the role of each person and its creation to preserve all life on Earth.

Keywords: globalization, ecological consciousness, sustainable development, environment, ecological safety, ecological policy.

Author:

- Rudnitskaya Anastasia Pavlovna, Phd in Political Science, assistant professor of Russian State Social University (Moscow, Russia).

Major ecological problems of Russian cities and their resolution strategy

Abstract. In this article the major ecological problems of Russian cities and the key factors which have a negative impact on the environment are observed. It is argued that solving the ecological problems is impossible without a focused governmental policy which provides a wide involvement of civil society, business, expert community and environmental NGOs. It is especially stressed that the tasks of ecological development don't contradict the tasks of economic growth. On the contrary, profound economic growth, based on modern high-technology production and «smart» resource management, can make a decisive contribution to solving ecological problems. Taking into account certain ecological problems, discovered and observed in this article, a possible strategy to improve ecological situation is suggested. An important part belongs to a special ecological culture in society which should be formed.

Keywords: ecology, ecological problems, ecological development, Russia, urban challenges, ecological policy.

Authors:

- Lyakhovenko Oleg Igorevich, senior researcher of the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
- Chulkov Dmitrii Igorevich, student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Political activity of environmental non-governmental organizations (ecoNGOs) in the environmental policy of Russia

Abstract. The article focuses on the role of environmental non-governmental organizations in environmental policy of modern Russia. The history, the current state and perspectives of Environmental politics as a part of Russian politics is examined here too (esp. stressing the role of international institutions). It also studies the activities of foreign environmental political actors in Russian politics.

Keywords: environmental politics, environmental policy, greens, environmental non-governmental organizations (NGOs), participation democracy, conservationism.

Author:

- Glushenkova Elena Ivanovna, Phd in Political Science, senior researcher of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The regulatory mechanisms of global resource politics

Abstract. This article examines the attempts of modern states to work out the most appropriate environmental policy-making in connection with scarcity of natural resources which led to

a competition on the international scene. The article considers the methods of counteracting the emergence of eco-social conflicts.

Keywords: natural resources, ecology, eco-social conflicts, environment, environmental objectives.

Authors:

- Zorin Vladimir Yurievich, doctor of Political Science, professor, deputy director of the Institute of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- Kravtsev Eugene Vladimirovich, student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Discursive wars in international environmental politics

Abstract. The article examines the discursive foundations of international environmental politics, offering a look at discursive strategies as an instruments of actors' struggle for the opportunity to fixate their perception of global environmental problems as dominant in the world. There are two basic world views that determine the attitude of actors to environmental problems — «economism» and «sustainable development». Adhering to one of these positions, actors promote it in global discussions by using three basic discursive strategies — categorization, agenda setting and international standards setting. Discursive wars and application of these strategies in international environmental politics are considered on the example of climate change and biodiversity problems.

Keywords: discursive strategies, ecological politics, sustainable development, economism, biodiversity, climate change, climate change skepticism.

Author:

- Polulyakh Daniil Sergeevich, Phd in Political Science, lecturer at the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Political and legislative mechanisms of international environmental integration

Abstract. Presented article deals with the modern mechanisms of implementation of environmental policies, in particular, of the international legislative aspects of environmental integration. the problematic aspects of cooperation of the states in the sphere of environmental policy implementation are analyzed. The perspective areas of international environmental policy integration are highlighted. The author proposes the hypothesis about the increasing dependence of the national environmental policy on the norms of international law and on current policy in the sphere of protection of the environment in other states.

Keywords: environmental policy, environmental integration, environment, environmental problems, natural environment, international cooperation.

Author:

- Postalovskaya Olga Aleksandrovna, Phd in Political Science, assistant professor of the Department of Political Sciences of Belarusian State Economic University (Minsk, Republic of Belarus).

Priorities of the ecological policy of Federal Republic of Germany in the contemporary circumstances

Abstract. The article examines official approaches of Germany in the environmental policy. The article shows that Germany devotes considerable attention to the environment. The

characteristic to the basic means of improving the environmental situation, including activities for ecologization of consciousness of German citizens is given. Considering this practice, scientific and educational activities are carried out, having for purpose the allocation of information about the current state of the environment and the measures for its improvement.

Keywords: ecology, Germany, policy of ecologization of consciousness, alternative energy resources, nuclear power stations.

Authors:

- Belozerov Vasily Klavdijevich, doctor of Political Science, head of the Chair of Political Science of Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)
- Kirilina Elizaveta Yurevna, student of Political Science of Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

**Use of ecological innovations as a factor
of solving environmental problems:
domestic and foreign experience**

Abstract. The article is devoted to the examination of domestic and foreign experience of the use of environmental innovations for solving the environmental problems. In the article the term «environmental innovation» has been defined, the types of innovations have been outlined and the examples of «green» technologies have been given. The experience of the leading countries in implementing the principles of sustainable development (Sweden, Japan and Germany) has been studied carefully; the situation in the sphere of creation and application of environmental innovations in our country has been characterized. Also the reasons hindering the widespread adoption of eco-innovations in Russia have been revealed. The authors come to the conclusion that there are a number of unresolved issues in Russia, that are halting the country's progress towards «green» economy, such as a low level of renewable energy use, the disinterest of business in the development of eco-innovations and a low level of the ecological culture of the population.

Keywords: ecological innovation: product and process, green technology, environmental policy, sustainable development, protection of the environment.

Authors:

- Kirsanova Ekaterina Gennadievna, Phd in Political Science, assistant of the Department of Russian Politics of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
- Bondareva Anna Gennadievna, student of the Faculty of Political Sciences of the Department of Russian Politics of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**A conflict about the cellulosic factory in the Republic of Uruguay.
The characteristics of the conflict**

Abstract. This article is about the paradigm of social and environmental conflict that was formed within the framework of the so-called «consensus of prices on raw-material goods» in Latin America in the beginning of XXI century: the conflict between Argentina and Uruguay about the building of two cellulosic factories in the vicinity of the Uruguay river. Thus we analyse: 1) the features of bi-national multidimensional socio and environmental conflict in the context of globalization; 2) the tension which is connected to the discussions about the models of development of the strategy for integration into the international trade through the large-scale export of raw materials goods. We rely on data from the literature about the social movements, press publications and results of field studies done by the Group of political participation and mobilization studying.

Keywords: social and environmental conflicts, the model of development, consensus of prices on raw-material goods, social movements.

Author:

- Juliet Ray, bachelor's degree in Political Science, researcher of the Group of political participation and mobilization studying of Gino Germani Research Institute (Buenos Aires, Argentina)

The features of the development of mining industries in Argentina: the protection of the environment and of the interests of the international corporations

Abstract. The article analyzes the legal and institutional conditions, established in Argentina to invest foreign capital into the mining industry. And it also raises the question of the effective protection of both the nature and the interests of the local population while the mining industry is developing, especially in the places where the mining works are executed by the international corporations.

Keywords: mining industry, mining fossil, economy, environment, development.

Author:

- Elizabeth Mele, bachelor of the Faculty of Environment, Master's degree in Public Policy of the University of San Martin (Buenos Aires, Argentina)

Russian ecological conflicts of 2017: analysis, solutions and future warnings

Abstract. The following article is the result of a large study of environmental conflicts that occurred in Russian Federation in 2017. On the basis of a detailed study of each precedent, the authors of the article identified common elements of environmental conflicts that made it possible to create their typology and classification. As a result, three groups of environmental conflicts were identified. In addition, the study suggests a scheme for resolving environmental conflicts, which includes the basic postulates, focusing on which will allow effective resolution of contradictions. In addition, the work demonstrates a possible option for monitoring environmental conflicts, the main purpose of which is to analyze the intensity of public discontent with the ecological conditions, as well as technical control over the activities of certain enterprises. Finally, the article describes a system capable of analyzing the intensity of environmental conflicts, based on the quantity and quality of materials published in the media.

Keywords: ecology, conflicts, politics, regions, business, society, conflictology

Authors:

- Elizabeth Bogdanova, Magister program student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
- Eldar Esiev, Magister program student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
- Evgeny Kravtsev, Bachelor program student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Информация для авторов

Статьи в журнале публикуются на безвозмездной основе. Журнал выпускается в электронном и печатном виде и распространяется в высших учебных заведениях России и мира, среди экспертного и политологического сообщества, политической элиты России, направляется в ведущие политологические центры мира.

Последующие номера нашего журнала будут посвящены следующим темам:

- «Политическая мысль России и зарубежных стран»;
- «Итоги выборов президента и будущее политической системы в России»;
- «Научные исследования молодых политологов. Второй специальный выпуск»;
- «Новая цифровая эпоха: информационные технологии в современной политике».

Приглашаем политологов из России и зарубежья опубликовать свои исследования в нашем журнале. Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания.

Статьи в журнал просим направлять на адрес электронной почты редакции журнала: studes@yandex.ru.

Оформление статей

Редакция просит авторов придерживаться следующих основных принципов оформления статей.

1. В журнал принимаются статьи на русском языке в электронном виде, в стандартных форматах текстовых редакторов Microsoft Word и OpenOffice Writer (расширения: *.doc, *.docx, *.rtf). Так как журнал издается как на русском, так и английском языках, то приветствуется направление авторского перевода статьи на английский язык.

2. Ориентировочный объем статей — 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков, включая пробелы), объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией.

3. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные:

3.1. Заголовок статьи.

3.2. Краткая аннотация статьи, кратко раскрывающая ее основное содержание. Объем аннотации не должен превышать 1 тыс. знаков с пробелами. В общем объеме статьи текст аннотации не учитывается.

3.3. До 7 ключевых слов, соответствующих основному содержанию статьи.

3.4. Для каждого автора отдельно приводится:

3.4.1. Фамилия, имя, отчество (при наличии).

3.4.2. Научный статус, место работы (при наличии), город и страна проживания.

3.4.3. Адрес электронной почты.

3.4.4. Фотография автора, публикуемая вместе со статьей.

4. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные на русском и английском языке.

5. Допускаются только **затекстовые** библиографические ссылки, отсортированные в алфавитном порядке в конце статьи; использование подстрочных сносок для библиографических ссылок **не допускается**.

6. Форма связи библиографических ссылок с основным текстом — с помощью указания номера источника в библиографическом списке и, в случае необходимости, страницы цитирования в квадратных скобках.

Допустимые обозначения: [1. — С. 196] [2. — С. 330–332] [3] [4; 5; 7].

7. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Примеры оформления библиографических ссылок: <http://schola.su/uploads/Metodika2015.pdf>.

8. Использование подстрочных сносок допускается только для содержательных примечаний.

9. Иллюстрации могут быть встроены в текст статьи. Все иллюстрации (включая графические схемы и диаграммы) в обязательном порядке дублируются авторами в высоком разрешении отдельно от текста статьи. Площадь изображений — не менее 3 млн пикселей.

10. Единственная допустимая форма выделения особых терминов и понятий — курсив; не допускается выделение целых предложений или абзацев.

11. Не допускается наличие таблиц, содержащих более пяти столбцов. В случае наличия вертикально ориентированных таблиц с большим количеством столбцов, авторы должны провести их транспонирование либо, если это невозможно, сократить или разбить их на составные части.

12. В случае значительного расхождения текста с основными принципами оформления статья может быть возвращена на доработку автору или отклонена.

Редакционный совет журнала «Русская политология — Russian Political Science»

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА — заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

БОЙЦОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор

ВАСИЛЕНКО ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА — профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук

ВАТЫЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор (Беларусь)

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор политических наук, профессор

ГУТОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

КОНСИ ЛУИС ГИЛЬЕРМО АРКАРО — профессор факультета права Епископского Католического Университета г. Сан-Паулу, доктор философии (Бразилия)

КУЛЕШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук

МИХАЙЛОВИЧ ДЕХАН — член Союза философов Мексики, профессор факультета социальных наук Монтеррейского технологического института, доктор философии (Мексика)

МОШНЯГА ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — профессор департамента политических и административных наук факультета международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета, доктор политических наук (Молдова)

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА — заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, профессор

МУХАРЯМОВ НАИЛЬ МИДХАТОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и права института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета, доктор политических наук, профессор

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук

СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ — заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЁВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ФЕДОРКИН НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ЦЫГАНКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ — профессор Университета Сан-Франциско, доктор философии (США)

ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ШОМОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук

ШУТОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ — декан факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

ЯМАМОТО КЕНСО — научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ, доктор философских наук (Япония)

Редакционная коллегия журнала «Русская политология — Russian Political Science»

БАРЫШНИКОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кандидат юридических наук

БЕРЕЗКИНА ОКСАНА СТЕПАНОВНА — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — доцент кафедры политологии Востока, помощник директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВОЛОШИН АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ — руководитель Научного портала социально-политических исследований, кандидат политических наук

ГОРОХОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — главный редактор журнала «Русская политология — Russian political science», кандидат политических наук

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР — координатор Научно-исследовательского центра евразийских исследований (EURAS) юридического факультета Венского Университета (Австрия)

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры политологии института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

ЗАСЛАВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук

ЗВЯГИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем, старший преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук

ЗЕЛЕНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

КВАШОНКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ — доцент кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

КИРСАНОВА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА — преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

КОСОРУКОВ АРТЁМ АНДРЕЕВИЧ — старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

КУРБАНОВ АРТЕМИЙ РУСТЯМОВИЧ — старший преподаватель кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ПУЧНИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

САЖИНА ВАРВАРА АНДРЕЕВНА — доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, руководитель отдела внеаудиторной работы со студентами факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат социологических наук

СЕЛЕЗНЁВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА — доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук

СМИРНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА — старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН, иностранный эксперт-преподаватель Сямэньского университета КНР, эксперт Российского совета по международным делам, кандидат политических наук (КНР)

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, начальник отдела учебно-методической работы факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ — адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани, PhD (political science), PhD (law) (Польша)

ШАРАПОВ ИГОРЬ РОДИОНОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

Редакция журнала «Русская политология — Russian Political Science»

ГОРОХОВ АНДРЕЙ — главный редактор

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ — заместитель главного редактора

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ — заместитель главного редактора

ВОЛОШИН АНДРЕЙ — выпускающий редактор

КАРАВАЕВА МАЙЯ — корректор

ПЕНКИНА АНФИСА — ответственный редактор англоязычной версии журнала

СМИРНОВ НИКОЛАЙ — советник по продвижению и информационным технологиям

БОЛДИН ВЛАДИМИР — советник по взаимодействию с российскими и международными системами научного цитирования

МАМЕДОВ ИНТИГАМ — советник по вопросам международного взаимодействия

АНДРОСОВА НАТАЛЬЯ — графический дизайнер

Отдел редакции по работе с англоязычными политологами

КАЗАНЦЕВА МАРГАРИТА — консультант отдела

Отдел редакции по работе с испаноязычными политологами

ДАШКИНА ИРИНА — советник отдела

МАТЮСОВА АНАСТАСИЯ — консультант отдела

КОЛПАКОВ РОМАН — консультант отдела

Журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
 коммуникаций (Роскомнадзор) 15.08.2016, номер свидетельства ПИ № ФС 77 - 66809

Номер свидетельства	ПИ № ФС 77 - 66809
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология - Russian political science
Дата регистрации	15.08.2016
Форма распространения	печатное СМИ, журнал
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д.71, к. 2, кв. 226
Типография	«Новые печатные технологии». Адрес: г. Москва, 2-й Котляковский переулок, вл. 18
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№3, 2017 год
Подписано в печать	01.12.2017
Цена	Бесплатно

Электронный журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
 коммуникаций (Роскомнадзор) 18.10.2016, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 - 67389

Номер свидетельства	ЭЛ № ФС 77 - 67389
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология - Russian political science
Дата регистрации	18.10.2016
Форма распространения	сетевое издание
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д.71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№3, 2017 год
Подписано в печать	01.12.2017
Цена	Бесплатно